ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 45-й

№ 20 (4410)

16 мая 1973 г. СРЕДА

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

Единодушное одобрение итогов Пленума ЦК КПСС

Апрельский Пленум ЦК КПСС поставил задачу — добиваться того, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер.

Эта задача могла быть поставлена именно сейчас, когда активная, инициативная международная политика КПСС, значительно укрепившиеся позиции братских стран социализма на мировой арене оказывают серьезное влияние на ход международных событий.

Решению этой задачи, как подчеркивается в постановлении Пленума, «во многом будет способствовать продолжение прямых контактов руководителей нашей партии и государства с представителями других государств на высшем уровне».

И уже состоявшиеся за короткий промежуток времени, отделяющий нас от апрельского Пленума, визиты Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Польшу и Германскую Демократическую Республику полностью подтверждают этот вывод.

Как известно, во время пребывания в ПНР и ГДР состоялись встречи и беседы Л. И. Брежнева с руководителями братских партий. В ходе этих бесед было отмечено успешное развитие дружественных отношений между нашими партиями, между нашими странами, подчеркнута решимость крепить и углублять политическое и экономическое сотрудничество. Во время переговоров были обсуждены актуальные проблемы международного положения, выражено удовлетворение улучшением обстановки в Европе, чему в большой мере способствовало заключение договоров СССР, ПНР и ГДР с ФРГ. Стороны отметили важную роль предстоящего общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству и значение предстоящих переговоров о сокращении вооруженных сил и вооружений. Было отмечено, что в современных условиях открываются новые возможности для сплочения стран социализма, мирового коммунистического движения, всех прогрессивных сил в борьбе за жизненные интересы народов.

Братские социалистические страны, братские партии полны решимости сделать все для того, чтобы успехи в борьбе за мир и безопасность не были перечеркнуты в результате происков со стороны реакционных, агрессивных кругов империализма.

Ныне итоги апрельского Пленума ЦК КПСС обсуждаются по всему Советскому Союзу на собраниях партийных активов. Участники этих собраний горячо одобряют постановление Пленума, отмечают неустанную борьбу Центрального Комитета, его Политбюро за полное претворение в жизнь Программы мира, подчеркивают, что своим беззаветным трудом на благо Родины, высокой сознательностью, сплоченностью вокруг ленинской партии советский народ внесет новый большой вклад в обеспечение мира и социальный прогресс человечества. Они единодушно одобряют присуждение Ленинской премии мира стойкому коммунисту-ленинцу, неутомимому и последовательному борцу за упрочение мира и безопасности народов Леониду Ильичу Брежневу.

ПАНОРАМА ПЯТИЛЕТКИ

ДОНБАСС:
есть шахтерский рекорд
(снимок слева)

•

ТЮМЕНЬ:
новая линия электропередач

Фото
И. САПОЖНИКОВА
и
В. ПАРАДИИ

РАССКАЗ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

ДИАЛОГ КРИТИКА И ПРОЗАИКА...

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

«ЛГ» рецензирует новые произведения советских писателей

стр. 4–5

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ

НА ПРОВОДЕ: ВАРШАВА, БЕРЛИН, БОНН, НЬЮ-ЙОРК

стр. 9

ДОВЕРИЕ НАРОДА

В стране развернулась подготовка к выборам в местные Советы депутатов трудящихся. 17 июня граждане нашей страны изберут краевые, областные, городские, районные, поселковые и сельские Советы нового созыва.

Трудящиеся называют имена самых достойных людей. В Ростове-на-Дону кандидатами в депутаты областного Совета выдвинуты М. Шолохов и В. Закруткин. В Волгограде поэтесса М. Агашина также выдвинута кандидатом в областной Совет. Кандидатом в депутаты Алма-Атинского городского Совета трудящиеся назвали поэта Т. Молдагалиева. Краснодарский писатель И. Вараава стал кандидатом в депутаты краевого Совета. Кандидатами в депутаты Ереванского городского Совета выдвинуты С. Аладжаджян, С. Капутикян, С. Ханзадян.

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В УЗБЕКИСТАНЕ

НА ЗЕМЛЕ «БЕЛОГО ЗОЛОТА»

ГОСТЕПРИИМНАЯ узбекская земля встретила хлебом-солью посланцев братских литератур. Со всех концов нашей необъятной Родины, из стран социалистического содружества съехались в Ташкент поэты, прозаики, драматурги, критики. Начались Дни советской литературы в Узбекистане. Они уже проводились весной прошлого года, и вот новая встреча, которая будет содействовать дальнейшему укреплению взаимосвязей и взаимообогащению литератур народов нашей страны.

Делегацию, прибывшую в Узбекистан, возглавляет секретарь правления Союза писателей СССР В. Кожевников. В ее составе: Н. Абалкин, Ю. Гальперин, Жале, Р. Казакова, М. Максимов, Б. Привалов, В. Росляков, Г. Семенихин, А. Софронов, Л. Тараканова, Д. Ляшкевич, К. Хакимов (Москва), С. Давыдов (Ленинград), А. Смердов (Новосибирск), Л. Иванов (Омск), Т. Зумакулова (Кабардино-Балкария), О. Гончар, В. Коротич, В. Гнатовский (Украина), Е. Лось (Белоруссия), Х. Абдуллин, К. Шангитбаев (Казахстан), Н. Гурешидзе (Грузия), Дж. Новруз (Азербайджан), Г. Виеру (Молдавия), С. Эралиев (Киргизия), Ф. Ансори (Таджикистан), А. Саинян (Армения), Б. Кербабаев (Туркмения), Л. Промет (Эстония); писатели социалистических стран — Кирилл Апостолов и Евстатий Бурнаский (Болгария), Лайош Галамбош и Тибор Зам (Венгрия), Иохен Лаабс и Вульф Кирстен (ГДР), Нгуен Ван Бонг (ДРВ), Элисео Диего (Куба), Иоана Постелнику и Теофил Бушекан (Румыния), Ежи Есеновский и Збигнев Домино (Польша), Мирослав Рафай и Иван Прокипчак (Чехословакия), Лхамсурэнгийн Чойжилсурэн и Дикейн Даниял (Монголия), Момчило Миланков и Душанка Попович-Дорофеева (Югославия).

11 мая участники праздника знакомились со столицей братского Узбекистана, встречались с тружениками заводов и фабрик, с теми, кто идет в первых рядах борьбы за досрочное выполнение планов третьего, решающего года пятилетки.

По доброй традиции, каждый, кто приезжает в Ташкент, приходит на проспект Ленина. Здесь находится музей основателя первого в мире многонационального Советского государства. Писательская делегация с глубоким интересом осмотрела дорогие каждому советскому человеку реликвии, связанные с жизнью и деятельностью В. И. Ленина.

А вечером трудящиеся узбекской столицы тепло приветствовали дорогих гостей в празднично украшенном зале Государственного академического Большого театра оперы и балета имени Навои — здесь состоялось торжественное открытие Дней советской литературы. Вступительное слово произнес председатель правления Союза писателей Узбекистана К. Яшен, отметивший, что эти встречи обогатят всех участников новыми впечатлениями, помогут писателям создать новые талантливые произведения, достойные нашего времени.

В. Кожевников в своем выступлении особо подчеркнул, что дальновидная политика КПСС и Советского государства, большой личный вклад, который вносит в дело укрепления мира товарищ Л. И. Брежнев, встречают горячую поддержку народов нашей страны и всех прогрессивных сил планеты. Высокий долг советского писателя, сказал оратор, — быть в первых рядах борцов за мир, ярко и вдохновенно воспеть труд строителей коммунизма.

Со словами привета обратились к собравшимся О. Гончар, Нгуен Ван Бонг, Б. Кербабаев, Зульфия, А. Софронов, Э. Диего, В. Коротич, Е. Лось, Р. Казакова, Н. Гурешидзе, Дж. Новруз, С. Эралиев, Л. Промет, Т. Зумакулова, Г. Виеру, А. Смердов.

12 мая участников Дней советской литературы в Узбекистане радушно встречали хлопкоробы Голодной степи. Писательские маршруты дружбы пройдут через целинные совхозы и колхозы, новостройки республики, древний Самарканд и юный город Навои, через цветущую Ферганскую долину...

В. ТУРБИНА,
В. ТЮРИКОВ,
специальные корреспонденты «Литературной газеты»
ТАШКЕНТ. (По телефону)

Анатолий КАЛИНИН

КОГДА РАССЕИВАЮТСЯ ТУЧИ

ВОТ, кажется, и воочию начинает сбываться самая человечнейшая мечта о том времени, когда и голоса труб, призывающие людей к миру, к творчеству, уже не будут заглушаться разрывами фугасов и голосами пушек.

И нам ли, посвятившим свое перо, свое слово и самих себя служению красоте, справедливости и добру, делу освобождения людей родной земли от ужасов войны — а многие из нас еще не так давно носили военные погоны, — нам ли не радоваться сегодня тому, что над колыбелью человечества, как называл Землю Циолковский, над нашей поистине многострадальной планетой, орошенной в последней войне с фашизмом праведнейшей кровью лучших людей и безутешными слезами солдатских вдов и матерей, начинают наконец бледнеть, рассеиваться тучи, этот «смог» горячих и холодных войн, отравлявший людские надежды, саму любовь к жизни.

По закону мирного сосуществования, провозглашенному Лениным на самой ранней заре и в самые трудные дни становления первого в мире социалистического государства, по непреложным законам и логике классовой борьбы сил социализма с силами империализма на международной арене и во имя обеспечения условий для еще более бурного развития мирового революционного движения, за освобождение всех людей труда и всех народов из-под пресса эксплуатации, национального и социального угнетения, остатков колониального рабства происходит этот великий исторический процесс и осуществляется партией поворот от так называемой конфронтации, которую пытались и все еще пытаются навязать нам поджигатели и поборники больших и малых войн, к международному сотрудничеству и добрососедству, к соревнованию, к взаимовыгодной торговле.

Но есть здесь и еще один вопрос, еще одна сторона всего этого процесса, опровергающая измышления и домыслы зарубежных «советологов», капиталистических идеологов, бжезинских и олсопов, ренегатов от марксизма типа Фишера и Гароди на темы так называемой конвергенции, то есть, говоря по-русски, якобы идеологического и иного смыкания, сращивания противоположных социальных, экономических и общественно-политических систем. Нет, никаких идеологических уступок нашим противникам мы не делаем и не собираемся делать. Наше мирное наступление на международной арене, руководимое партией, ее Центральным Комитетом во главе с товарищем Л. И. Брежневым, означает не что иное, как все новые и новые выигрыши и победы в борьбе за наше коммунистическое завтра, за решающий вклад в развитие освободительного революционного движения народов всего мира.

Наглядным доказательством тому явились визиты руководителя нашей партии в Польшу и ГДР. Они вновь убедительно подтвердили: время работает на социализм. Совместные усилия братских стран, пользующиеся поддержкой и одобрением миролюбивых народов, привели к тому, что в Европе происходит поворот от противоборства к разрядке напряженности. Встречи в Варшаве и Берлине еще раз продемонстрировали единство и сплоченность союза социалистических стран в их борьбе за лучшее будущее для людей.

И когда сегодня все эти успехи связываются с именем и деятельностью Генерального секретаря ЦК КПСС, мы понимаем, что в этой своей деятельности, за которую товарищу Л. И. Брежневу присуждена международная Ленинская премия мира, он энергично и творчески руководствуется миролюбивой линией партии, выработанной XXIV съездом, ее могучим коллективным разумом, линией, направленной на осуществление планов и задач девятой пятилетки, поддерживаемой всем нашим народом.

И нам ли, творческим работникам, которым народ присвоил высокое звание деятелей литературы и искусства, не одобрять всем сердцем и не стремиться воссоздать в неувядаемых художественных образах возглавляемое Коммунистической партией движение народов по усеянной тернами дороге к всеобщему миру на земле!

РОСТОВ-НА-ДОНУ

К 80-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

ГЛАШАТАЙ РЕВОЛЮЦИИ

Николай ТИХОНОВ

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ МАЯКОВСКИЙ, обращаясь к современникам, провозгласил:

Слушайте,
товарищи потомки,
агитатора,
горлана-главаря.

Он имел полное право на это, потому что он был первым поэтом мирового пролетариата, поведавшим человечеству об Октябрьской революции, о первом пролетарском государстве — Советском Союзе.

Это можно было сделать, только найдя такое огненное и впечатляющее слово, какое он нашел и про которое можно сказать его же стихом: «Слово — полководец человечьей силы».

Откуда бралось это удивительное слово? Маяковский, всем своим существом принадлежащий настоящей поэтической стихии, черпал свое стиховое слово из одного неиссякаемого источника — из прозрачных, чудодейственных, светлых глубин русского языка.

Продолжая путь великих мастеров русской поэзии прошлого, и в частности свободолюбивые традиции русской передовой поэзии, он говорил, что «мы будем... учиться этим максимально добросовестным творческим приемам, которые дают верную формулировку взятой, диктуемой, чувствуемой мысли».

И в то же время он так широко, властно и убедительно двинул вперед русский стих, так обновил его формы, наполнил таким содержанием, что вся наша поэзия почувствовала и доселе чувствует силу творческого воздействия великолепных достижений Маяковского.

Еще в дни своей молодости он сбросил с себя ветхие одежды старого мира и над всеми существующими поэтическими школами и школками, над всеми футуристическими, формалистическими упражнениями поднял свои стихи, переполненные искренним, глубоким страданием человека, задыхающегося в каменном мешке страшной жизни, стихи, гнев и горечь которых звали к восстанию, к

● ОКОНЧАНИЕ НА 2-Й СТР.

Хлеб-соль — гостям... Герой Социалистического Труда председатель колхоза имени Ленина Назира Юлдашева, Берды Кербабаев, Вадим Кожевников.

Фото специального корреспондента «Литературной газеты» В. КРОХИНА

Николай ТИХОНОВ

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ДЛЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ДАТА — ВОСЬМИДЕСЯТИЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВЛАДИМИРА ВЛАДИМИРОВИЧА МАЯКОВСКОГО. СЕГОДНЯ МЫ ПЕЧАТАЕМ СТАТЬЮ НИКОЛАЯ ТИХОНОВА О ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИКОГО ПОЭТА И О ЕГО ВЛИЯНИИ НА СОВЕТСКУЮ И ЗАРУБЕЖНУЮ ПОЭЗИЮ.

ГЛАШАТАЙ РЕВОЛЮЦИИ

● ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

бунту против всех неправд, всех законов, отвергнутых им во имя будущей жизни, в которой не будет бесправия и невежества.

Он даже пророчески определил время, когда эта жизнь наступит, сказав: «В терновом венце революций грядет шестнадцатый год». Он ошибся не год.

Исполнилась его мечта! Открылись неизмеримые пространства, которые он предчувствовал, начались великие дела, которых жаждала его душа. Он смело глядел в то блистающее будущее, куда направляла народы нашей страны ленинская партия строителей коммунизма:

Поэтом не быть мне бы,
если б
не это пел —
в звездах пятиконечных
небо
безмерного свода РКП.

Каждое его произведение входило в арсенал советской поэзии, вооружая советских поэтов невиданным многообразием форм, тем новым оружием, которое служило в борьбе за человека социалистического общества, в борьбе за построение нового, в защите Советского Отечества, в борьбе за коммунизм.

Эта прекрасная поэзия была партийной. Недаром сам поэт называл собрание своих стихов — «все сто томов моих партийных книжек».

Поэзия Маяковского учила страсти, любви к Советской Родине, учила беспощадной ненависти к врагам революции, врагам революционного народа. Одним из первых он создал могучий образ основателя Советского государства в поэме «Владимир Ильич Ленин». Народ, партия, Ленин явились и в другой поэме — «Хорошо!», написанной к десятилетней годовщине Великого Октября.

Можно вспомнить другие поэмы Маяковского и назвать такие замечательные произведения, как стихотворения «Стихи о советском паспорте», «Товарищу Нетте...», «Юбилейное», «Сергею Есенину», «Стихи об Америке» и многие другие, и все это только будет свидетельствовать о том, сколько невероятных, умных, тонких, грозных рифм, ошеломляющих по новизне сравнений, дерзких по архитектонике строф изобретено им, найдено в глубинах народного языкового богатства.

У поэтов-современников можно найти те или иные отражения поэтики Маяковского. От прямого подражания даже такой особенности стиха, как расположение строки так называемой «лесенкой», до интонации, до схожей природы гипербол или аллитераций, от сравнения, напоминающего стихи Маяковского, до его революционного обращения к империалистам — все можно найти, потому что жизненность поэтического богатства Владимира Маяковского благотворно отражалась и отражается на развитии всей нашей поэзии.

Вечно живой Маяковский оказал огромное влияние не только на своих ближайших друзей и сподвижников, русских поэтов старшего поколения, не только на русских советских поэтов всех поколений, но и на поэтов всех национальных литератур.

Микола Бажан от имени украинских поэтов писал: «Пусть не располагаем мы своих строк «лестницей» Маяковского, но мы по этой лестнице взошли к тому чувствованию слова, языка, лексики, образа, эпитетов, а прежде всего — к тому строю чувств и страстей, которыми жил Маяковский и которые не угаснут в советской поэзии».

Георгий Леонидзе так говорит о смелости создания поэтических образов Маяковским: «То изумительное сочетание показа большой человечности Ленина с освещением его грандиозной всемирно-исторической деятельности, которое достигнуто в поэзии Маяковского, всегда будет путеводным маяком для писателей, вступающих на этот самый ответственный и самый вдохновляющий участок великой дороги искусства».

Узбекский поэт Гафур Гулям сказал, точно определив главные черты этого воздействия: «Маяковский был моим путеводителем в стремлении сохранить в стихах дыхание великой эпохи, в поисках нового слова, новых принципов композиции, новых ритмов».

Наири Зарьян мечтал писать так, как писал Маяковский. Замечательные поэты Егише Чаренц и Самед Вургун следовали за Маяковским в усовершенствовании своего поэтического искусства.

Эдуардас Межелайтис говорил про Маяковского: «Лично мне дорого в нем удивительно гармоничное слияние героики и лирики, гуманности и непримиримости».

Расул Рза, много переводивший стихи Маяковского, заявляет: «Всегда, когда я думаю о Маяковском, передо мной встает мужественный образ титана, который открыл новые страницы подлинно народной, подлинно новаторской, подлинно человечной поэзии с ее гневным и добрым дыханием».

Что говорить о поэтах русских! Алексей Сурков писал, что он любит Маяковского за то, «что он был по-настоящему поэтом нашей революции, и за то, что о новом он писал по-новому, что не каждому удается».

Ярослав Смеляков говорил о Маяковском: «Революции чистый бас, голос истинного поэта». Леонид Мартынов написал откровенно и сердечно: «Как я писал и говорил не однажды, поэзия началась для меня с Маяковского. Он стер в моем представлении границы между поэзией и жизнью, открыв мне, юноше, что поэзия — это жизнь, а жизнь — поэзия».

Павел Антокольский очень верно сказал: «Маяковский был, Маяковский есть, Маяковский будет».

Николай Ушаков не только оценил Маяковского как продолжателя традиций великой русской поэзии, но сказал про сегодняшний день, что «Маяковский дорог нам всем еще и потому, что он подсказывает молодым пути в будущее».

Василий Федоров назвал Маяковского «великим строителем», настолько он вошел в жизнь.

Маяковский принес в поэзию голос новой лирики, голос человека, который так естественно слил свою жизнь с искусством, что политическая поэзия стала его личным делом, а личная лирика вобрала в себя все то, что было свойственно гражданскому стиху.

Маяковский много писал о молодежи, о том, что

Коммунизм —
это молодость мира,
и его
возводить
молодым.

Это было естественно, потому что страна будущего представлялась ему всей землей, освобожденной от рабства капитала, землей, где все человеческие радости будут доступны и свободны.

Путь к этой стране всемирной коммуны должны прокладывать молодые, новые поколения!

Одной из центральных тем, которые поставил и блистательно решил Маяковский в своем творчестве, стала тема борьбы мирового рабочего класса с мировым капитализмом и империализмом. Призыв к единению, к дружбе народов, свободолюбивых и встающих на борьбу с капиталом — «его препохабием», не мог не вызвать поэтический отклик на Западе и на Востоке. Маяковский стал совершенно естественно мировым поэтом. Его имя известно и любимо во всех странах.

Маяковский с присущей ему государственной серьезностью говорил о писателях Запада: «...Первые для нас, — это рабочие писатели ...всех стран, связь которых с нами — это связь разных отрядов одной и той же армии—атакующей старье, разные отряды одного революционного рабочего человечества».

Маяковский нынче совершает триумфальное шествие по миру. Он переведен на многие европейские и азиатские языки. Он популярен в социалистических странах как народный поэт. Венгерский поэт Иштван Бекеш, переводчик стихов Маяковского, говорит: «Трудовой народ сегодняшней свободной Венгрии понял обращение Маяковского к человеку будущего». То же самое могли бы сказать и переводчики Маяковского в других странах.

Вот еще одно высказывание о Маяковском, принадлежащее Пабло Неруде, пламенному поэту и революционеру: «Все то огромное и всеобъемлющее, что характеризует собой строительство СССР, звон стальных орудий труда, бьющих по обширным строительным массам, последние выстрелы гражданской войны, то новое знамя, которое над кровью трудящихся, преследуемых веками, вознесло к небу две новых планеты — серп и молот, — исполнив, таким образом, новые человеческие законы, горячая вера в величие новой нации и большевистской партии, все это живет в Маяковском».

Славный путь прошел Маяковский со всей нашей советской литературой. Он стал создателем больших революционных поэм, создателем советской лирики, оды, сатиры, буффонадного и комедийного театра. Он обогатил не только поэтический язык, но и живую речь.

И сейчас он, в свое восьмидесятилетие, предстает перед нами, любимый родным народом, любимый другими народами, вождь революционных поэтов всей планеты, самый молодой, которого не обогнал никто из молодежи, самый классический поэт советской поэзии, лучший, талантливейший поэт эпохи, заключающий в своем творчестве строки о прошлом, настоящем и будущем мира!

РЕДКИЙ СНИМОК

В первом номере «Литературной газеты» за этот год писатель Евгений Пермяк познакомил читателей с неизвестным фотопортретом Владимира Маяковского. Е. Пермяк рассказал о том, как во время приезда поэта в Пермь (1928) фотограф П. П. Половодов сделал несколько снимков Маяковского. В архиве Е. Пермяка сохранился только один отпечаток. Какова же судьба остальных?

Через несколько дней после публикации портрета Маяковского к корреспонденту «Литературной газеты» в Ростове-на-Дону П. Шестакову обратился поэт Даниил Долинский. Он принес еще один снимок Маяковского из тех, о которых упоминал Е. Пермяк. Вот что рассказал Д. Долинский о своей находке:

— Фотография поэта в «Литературной газете» взволновала меня вдвойне — и тем, что она найдена, и тем, что автором ее является Павел Петрович Половодов.

Дело в том, что сестру его Валентину Петровну и дочь Ирину Павловну я хорошо знаю. Несколько лет назад Ирина Павловна показывала мне фото Маяковского, хранящееся у нее. Я посоветовал передать снимок в музей поэта. Но послать снимок по почте Ирина Павловна не решилась, а сама поехать в Москву не смогла. Несколько лет она была прикована к постели. Сейчас Ирины Павловны уже нет в живых.

Прочитав о находке Евгения Пермяка, я тотчас же побывал у Валентины Петровны Половодовой и у ее брата Бориса Петровича.

И вот я держу в руках драгоценную реликвию и вновь убеждаюсь, что это один из снимков, сделанных Половодовым. Но Борис Петрович вспоминает и другие. На одном Маяковский запечатлен в полный рост, была и четвертая фотография, где поэт снят в зимней шапке и в куртке с шалевым воротником.

По воспоминаниям Половодовых, в тот давний день 1928 года Павел Петрович пришел домой очень взволнованным. «У меня сегодня большая радость,—сказал он сестре. — Мне удалось снять Маяковского в городской библиотеке и в гостинице».

Снимок, найденный Е. Пермяком, сделан как раз в городской библиотеке. Негативы других фотографий действительно были повреждены, особенно тот, где Маяковский снят в полный рост. Через несколько дней после съемок Павел Петрович с братом пошел на репетицию самодеятельного театра Санпросвета. Павел Петрович оставил портфель с фотоматериалами и камеру-зеркалку в одной из комнат, на столике у окна. После репетиции оказалось, что окно разбито, зеркалка похищена, а портфель лежит на полу. Две пластинки, на которые Половодов снимал поэта, оказались разбитыми.

Павел Петрович был человеком интересным, деятельным, инициативным. В нем билась настоящая журналистская жилка. С 1930 года он работал в Москве, а в 1932 году весной с группой журналистов отправился на Балхашстрой организовывать новую газету. Через несколько месяцев Половодов заболел тифом, и его не стало. Негативы и оттиск одного из снимков хранились у его брата, а затем у дочери. Да, я не оговорился. Негативы тоже были у Ирины Павловны. Найти их, пока не удалось. Возможно, они находятся не в Ростове, а у родственников Половодовых, живущих в других городах. Хочется верить, что они не пропали...

БЕРКУТ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

В. ОСКОЦКИЙ

О ТРИЛОГИИ А. НУРПЕИСОВА «КРОВЬ И ПОТ»

ВРЕМЯ И КНИГА

РАЗМЫШЛЕНИЯ
КРИТИКА

СРЕДИ многих суждений о непреходящем значении знаменитой ауэзовской эпопеи в высшей степени примечателен отзыв академика К. И. Сатпаева, безошибочно предсказавшего, что к роману «Путь Абая» с благодарностью обратятся представители «самых разнообразных отраслей науки», изучающие прошлое казахского народа, историю его культуры и быта. Нет между тем нужды обосновывать самоочевидное: создавая эпопею, М. Ауэзов менее всего был озабочен решением специфически научных задач. Это произошло само собой, естественно и неизбежно, в силу той природной универсальности художественной мысли, которая полнее всего реализует себя в форме романного повествования.

Широта и всеохватность романа — едва ли не самая плодотворная художественная традиция реализма. Жизнестойкости ее многие литературы народов СССР обязаны ныне «культурным взрывом» (выражение Л. Якименко) — резким, стремительным скачком в обогащении своих социально-аналитических возможностей. Одним из внушительных свидетельств этого может служить трилогия Абдижамила Нурпеисова «Кровь и пот», завершенная романом «Крушение».

Развивая традиции «широкозахватного», по давнему определению М. Ауэзова, эпического повествования, которые мы вправе назвать сегодня традициями всей многонациональной советской прозы, трилогия «Кровь и пот» стала новым художественным открытием мира народной жизни, монументальным воссозданием судеб народных на стрежне революционной эпохи. Летопись — вот, пожалуй, наиболее уместное здесь слово. Оно объясняет нам секреты писательского мастерства, облекающего в неповторимую судьбу, в самобытный характер героя такие обобщающие понятия, как проникновение в казахскую степь капиталистических отношений, как кризис феодально-патриархального уклада, кочевого быта, племенных связей и родовой морали, как социальное расслоение народа и пробуждение революционного самосознания трудящихся масс в накале классовой борьбы, в очистительной грозе Великого Октября, в сокрушительных бурях гражданской войны.

Нескрываемая социологичность подобных обозначений вряд ли должна смущать нас. Каждое из них, по-своему характеризуя содержание трилогии, указывает на те закономерности народной истории, которые формируют сознание человека, складывают его характер, определяют судьбу. Именно в этом последовательном соотнесении судьбы человеческой и судьбы народной наиболее действенно и раскрывается историзм художественной мысли, движущей романное повествование по специфическим законам образного пересоздания действительности.

...С ГЛАВНЫМ героем трилогии, «одиноким и яростным» Еламаном, мы расстались в финале предыдущей книги «Мытарства» в один из самых драматических моментов его жизни. «Басмачи хана Жонеута совершили набег на прибрежные казахские аулы», разорили жалкие землянки аральских рыбаков, убили или угнали в плен людей. Творя поминальную молитву над старым Мунке, погибшим от разбойничьего набега, Еламан «глубоко и грустно» задумывается о судьбе своего обездоленного народа. Почему сородичи и соплеменники не сумели объединиться перед горсткой врага? Неужто жестокие раздоры и распри — «общая судьба всех казахов»? И что питает их бессилие и покорность, вынуждает терпеть голод, нищету, сносить рабство? «Беспечность — не она ли вечный бич казахов? Были ли сыны, которые ради чести народа бросали клич в трудный час, клич, объединяющий народ?»

Конечно же, были. Но на перевале эпохи, круто меняющей многовековые пути национальной истории, не предания и заветы предков, а лишь социальный опыт современных поколений, выстраданный и обретенный ими, в силах подсказать ответ на эти неотступные вопросы. Тем жестче судит Еламан «мудрых старцев», которые, «тоскуя по безвозвратной старине», куда охотнее оглядывались назад, нежели заботились о будущем.

Пока что это не истина — лишь тяжкий и мучительный путь к ней. Не потому ли погруженный в свои печальные думы, Еламан и «был похож на беркута, ослабевшего в полете и присевшего отдохнуть на вершину скалы»?

Беркут расправляет крылья — в этом смысл духовного преображения Еламана в третьей книге трилогии. Пережитки родового сознания, сковывавшие его путами архаичных представлений о мире, уступают место сознанию социальному, классовому. Не стихия индивидуалистического бунта ведет теперь Еламана крутыми дорогами жизни, но осознанное участие в коллективной борьбе за правое дело. Он поверил в силу единения людей, поколений и народов, увидел в этом единении грозное противодействие байскому беззаконию и произволу. Оттаивая сердцем сам, он щедро отогревает других. Благодаря ему возрождаются к обновленной жизни и несчастная Акбала, в чьей душе все «черствело, застывало камнем», и бесправная, одинокая, как «заброшенный, засохший молодой тополек», Кенжекей...

Беркут расправляет крылья. Но как тяжело дается подчас каждый их взмах! Здесь и груз прошлого, довлеющий над соплеменниками и сородичами Еламана множеством вековых предрассудков и предубеждений, косных традиций и обычаев. И непонимание революционных перемен, пришедших в древнюю степь, стародавний кочевой быт. И яростное сопротивление обреченного мира, достигающее наивысшего накала в боях под Челкаром и Аральском.

Кульминационные сцены этих боев можно отнести к лучшим в романе. Для них не прошли бесследно ни Аустерлиц в «Войне и мире», ни Новочеркасск и Ростов в «Тихом Доне» или Царицын в «Хмуром утре». Жаворонок, вспорхнувший над окопами после «яростного исступления боя», так же просветляет души героев романа, как и высокое, бесконечное небо, принесшее успокоение князю Андрею...

Вспомним неистовство моря в первой книге трилогии («Сумерки») — клокочущий бурный Арал сродни беспокойной стихии народной жизни предреволюционных лет. Или полыханье весенних степных тюльпанов во второй — они расцвели так ярко, что их можно было уподобить крови, которая лилась на фронтах мировой войны. Реалистическая поэтика А. Нурпеисова не чурается многозначной символики. Не звонкоголосый жаворонок, чью «бойкую трель» любил слушать мурза Танирберген, а «огромный черный стервятник» — да не один, стая! — кружит над белой армией, которую он, самый богатый и влиятельный бай «в большом роду Жакаим», ведет через пески и барханы пустыни. В сражении под Аральском решилась «и его судьба, судьба всей его будущей жизни». Подводя итоги пережитому, Танирберген даже прозревает теперь до истин классовой борьбы и также вершит мысленный суд над национальной историей. Но посмотрите, какой кастовой и сословной оказывается его отравленная «презрением степного аристократа» мысль в сравнении с народной мыслью Еламана!

Да, Танирберген не чета своему ничтожному и спесивому брату, волостному Кудайменде, убитому конокрадом Каленом в первой книге трилогии. Не в пример другим, «беспечным и ленивым по природе казахским баям», он не довольствовался «тем только, что ниспошлет ему всевышний, и не ждал смиренно от слепой судьбы крохотной милостыни. Всю жизнь проводил он в оживленной деятельности». Зловещие ее плоды мы видели в первых двух книгах трилогии, где, изощренный в посулах и подкупе, искушенный «в ожесточенных родовых распрях», Танирберген явил новый тип умного, просвещенного, цивилизованного хищника. Вот и теперь, в третьей книге, он «тем более не мог отлеживаться и спокойно ждать завтрашнего дня»—авось, «кутерьма событий» минует его стороной. Напротив, «все свое влияние на местных жителей он употребил на то, чтобы угодить генералу Чернову», спасти его «огромную армию, под тяжестью которой будто прогибалась казахская степь». С разгромом и гибелью этой армии для него погиб мир, не только тот, вчерашний, самовластным хозяином которого он был, но «помутившийся мир» вообще — «все погибло, весь порядок, весь тысячелетний уклад жизни». С мыслью о всесветном крушении, конце мира и уходит из романа мурза Танирберген.

Иная судьба у его вчерашнего батрака, «беглеца и бродяги» Еламана, вышедшего с обочины жизни на магистраль истории. Революция раздвинула горизонты, укрупнила масштабы его мысли о времени и о себе.

Сопоставим первое и последнее появления Еламана в трилогии.

«Он был одинок здесь, на льду, в море. Других рыбаков он как бы не замечал — с ним была только его привычная работа, небо над головой, и еще с ним были его мысли». И он думал, что он одинок не только в море, но и в жизни».

И вот снова одинокая юрта на пустынном берегу Аральского моря. Но не одиноким в мире видит себя Еламан. «Никогда не тревожившие его раньше мысли» все чаще завладевают сознанием героя, чтобы у роковой черты бытия и небытия вылиться в напряженный внутренний монолог. О цели и смысле жизни. О неразрывной связи времен. О невиданной судьбе своего поколения, которое не пошло покорно «по проторенному пути предков», а смело взялось за оружие, чтобы рука об руку с восставшим русским народом «добывать себе свободу и равенство». Так новый путь национальной истории открылся ему как общий путь всенародной борьбы, вдохновляемой правдой Великого Октября.

Личность и народ, народ и история — сопрягая эти понятия, А. Нурпеисов умеет передать движение исторической эпохи через драматические перипетии человеческой судьбы. Если истина, как говорят, познается в сравнении, то, видимо, и на этот раз оно поможет нам полнее выявить новаторское значение писательского поиска.

Ключевые сцены первой книги («великий поход повстанцев») отозвались в третьей воспоминаниями Еламана о том, как «всколыхнулась necessity степь, не желая отдавать своих сынов на службу белому царю». То был 1916 год, прокатившийся гулом народных восстаний не только по казахской степи. В Узбекистане, например, царский указ о мобилизации вызвал знаменитое Джизакское восстание, драматической эпопее которого посвящены повесть Назира Сафарова «День проклятий и день надежд» и одна из глав в романе Аскада Мухтара «Чинара». К событиям 1916 года возвращает нас и «Лихая година» М. Ауэзова — ранняя повесть «о бунте смирного рода албан».

Если «Лихая година» открывает нам совокупный образ восставшего народа, словно бы высеченный из цельного камня, если главное для Ауэзова было создать «коллективный» портрет «множества» (воспользуемся этим не однажды повторенным в «Падении Даира» словом А. Малышкина), то А. Нурпеисов прежде всего озабочен тем, чтобы из этих «множеств» выхватить единичное и неповторимое, уловить типическое в индивидуальном. История характера, диалектика души — к ним направлено сосредоточенное исследовательское внимание романиста.

Велика галерея оригинальных портретов, самобытных характеров, выведенных в трилогии «Кровь и пот». Помимо названных уже героев, это и вчерашний «хозяин жизни» купец Темирке, и старый рыбак Дос, в силу слабости своего социального сознания не устоявший перед байскими посулами, и воплощенная мудрость народа — Есбол, и суровый, неприступный, но глубоко и сильно страдающий Судеу. А женские характеры, даже самые эпизодические,— право же, едва ли не каждый из них может претендовать на самостоятельную повесть своей судьбы...

И все же, думается, перечень «человековедческих» открытий А. Нурпеисова мог бы быть продолжен куда больше, не допусти писатель в своей третьей книге досадных литературных реминисценций, не злоупотреби бесспорным правом романиста опускать соединительные звенья сюжета.

Первый упрек вызван сценами, которые живописуют «правительственную» камарилью в колчаковской ставке — карьеризм, глупость самозванных министров, изолгавшихся белогвардейских «штабных шаркунов». Шаржированные портреты, гротескные зарисовки в этих главах выглядят подчас обезличенно вторичными, книжными, лишенными необходимой новизны художественного первооткрытия. Фарс здесь явно довлеет над социально-психологическим анализом. Это препятствует отчасти и самораскрытию таких центральных фигур белогвардейского лагеря, выведенных в романе, как генерал Чернов, «жестокий рубака» полковник Федоров, отец и сын Рошали.

Второй упрек побуждает высказать некоторая незавершенность интересно намеченных сюжетных линий. Во многих случаях, тяготея к открытым развязкам, А. Нурпеисов полагается на читательское воображение, на его способность мысленно дорисовать намеченный контур, довести до логического конца обозначенную пунктиром линию. Такое доверие окупается часто, но не всегда.

Вот, скажем, Мюльгаузен: стоило ли отпускать его в невозвратное плавание по бурным волнам событий? Уведя на фронт «спешно созданный» рабочий отряд Челкара, он выбывает из романа так, словно бы и не оставил никакого следа ни в душе Еламана, ни в памяти челкарцев. А ведь он вовсе не был задуман случайным, проходным персонажем. Еще во второй книге он принес на страницы трилогии стихию анархического бунта, которая в романе «Крушение» отозвалась и своенравным небрежением революционной дисциплиной, и близоруким недоверием к товарищам по борьбе — таким, как Еламан, олицетворивший разбуженные революцией силы народа.

Другой пример — Благонравов. Последний раз он появляется на страницах романа в споре с комиссаром Дьяковым, когда откровенно провозглашает свое неверие в творческую, созидательную энергию революции и даже винит ее в жестокости «братоубийственной войны». Что это — непонимание, смятение человека, для которого «надежда на скорую победу теряет... всякий смысл», или нескрываемое неприятие революции? Кем оказался Благонравов — командиром Коммунистического полка или предателем? Нам так и не дано узнать этого.

И, наконец, Жасанжан, брат мурзы Танирбергена. По предыдущим книгам трилогии он был воспринят «страдающим» героем, как писал о нем один из критиков. И в самом деле: гневные обличения социальных язв, байского произвола («Вот плоды нашей степной дикости, вот настоящий феодал, жестокий и неумный!») позволяли видеть в нем если не борца за народное дело, то его заступника и печальника. В «Крушении» с Жасанжаном происходят неожиданные и — что хуже — психологически не мотивированные перемены. Оказавшись в рядах Красной Армии, он вскоре открывается брату в своем презрении к «черни», в готовности совершить предательство. Чем вызван этот крутой поворот? Что движет поступками героя, помимо «голоса крови» («степной аристократизм проглядывал в нем»), на который намекает роман? И не подменяет ли этот врожденный «голос» социальное обоснование характера Жасанжана, чей путь, по-видимому, должен был выразить кризис абстрактно-гуманистических позиций просветительства, подорванного сословными предрассудками? Танирберген прав, когда в одном из последних своих видений предрекает младшему брату «еще более печальную судьбу», чем «у него самого». Но это скорее логический вывод, чем художественное обоснование...

ЕСТЬ своя закономерность в том, что трилогия А. Нурпеисова закрепила именно те новаторские искания казахского романа, которые, как и достижения романа в ряде других братских литератур, связаны с современным художественным освоением историко-революционной темы. История учит. Ее неисчерпаемость сродни непреходящему значению уроков Великого Октября, которые утверждает многонациональная советская литература, силой своих идей и образов обогащая память ныне живущих поколений, расширяя границы их социального и нравственного опыта. Вот главное, что определяет принципиальное значение трилогии «Кровь и пот», ее место в литературном процессе наших дней.

ИНТЕРВЬЮ «ЛГ»

ВДОХНОВЛЯЯСЬ ИДЕЯМИ ГУМАНИЗМА

ВСТРЕЧА ЛИТЕРАТУРНЫХ КРИТИКОВ 26 СТРАН

22 мая, тотчас же после заседания в Москве исполкома Международной ассоциации литературных критиков (МАЛК) начнет свою работу «круглый стол» ассоциации. Мы обратились к председателю организационного Комитета по проведению этой представительной международной встречи критиков, секретарю правления Союза писателей СССР В. Озерову с просьбой ответить на наши вопросы.

— Когда была создана МАЛК? Какие начинания эта организация успела провести в жизнь за время своего существования?

— Международная ассоциация литературных критиков — организация молодая. Она возникла в 1969 году на учредительном конгрессе, который состоялся в старинном итальянском городе Парма. Собравшиеся там представители восемнадцати стран обсудили проблемы развития литературной критики в современном мире. На следующей встрече МАЛК, созванной год спустя в Барселоне, в центре внимания стояла важная проблема—«Роль критики в знакомстве с литературами малого распространения». Приятно сегодня отметить, что одним из непосредственных результатов этой встречи была отличная публикация переводов каталонских поэтов на украинский язык, осуществленная журналом «Всесвіт». На сессии в Ницце, приуроченной к Международной книжной ярмарке, подверглись обсуждению различные аспекты универсализации литературы в современном мире. В 1972 году МАЛК успешно провела свой конгресс в столице Шампани — Реймсе. Материалы этого интересного конгресса, посвященного роли литературной критики в газетах, на радио и телевидении, опубликованы журналом «Иностранная литература».

— Какие цели ставит перед собой Международная ассоциация литературных критиков?

— Цели деятельности МАЛК четко сформулированы в ее уставе. Позволю себе процитировать из него статью вторую: «МАЛК вдохновляется идеями и традициями гуманизма; ее целью является укрепление связей между литературными критиками, совместное изучение проблем, связанных с задачами критики, организация встреч критиков в духе взаимопонимания и профессиональной солидарности. Используя все возможности, МАЛК будет стремиться к установлению реальной связи между литературами и способствовать знакомству с ними читателей всех стран».

Мне, как «ветерану» этой организации, участвовавшему в первых предварительных встречах в Париже, посвященных ее созданию, хотелось бы прежде всего отметить позитивный характер работы МАЛК. Ассоциация сосредоточила внимание на профессиональных вопросах, волнующих критиков всех стран мира, и рассматривает их с конструктивных позиций. Тем понятнее проявленный на встречах интерес к нашему советскому опыту.

Приятно также отметить динамичный характер деятельности этой организации, президентом которой является французский писатель Ив Гандон. МАЛК многим обязана его неутомимой деятельности на этом посту: сегодня в ассоциацию входят критики тридцати стран, представляющих разные континенты.

— Каким будет «круглый стол», созываемый в Москве? В чем его особенности?

— Можно надеяться, что встреча явится одной из наиболее представительных. Как сообщает президентское бюро МАЛК, ожидается участие критиков, ученых, писателей из 26 стран. Здесь немало видных имен. Приглашение президента МАЛК приняли крупнейший японский литературовед профессор Такео Кувабара, вице-президент основанной Неру Литературной академии Индии Шриниваса Айенгар, выдающийся испанский ученый академик Гульермо Диас Плаха, вице-президент МАЛК иранский ученый и критик Заин Рахнема, французские писатели Анри Бонньо, Робер Сабатье и другие, президент бельгийской Академии литературы Адриен Янс, известный бельгийский писатель Даниель Жиллес, вице-президент МАЛК американский профессор Джон Браун... Наряду с критиками социалистических стран Европы, среди которых будут вице-президент МАЛК Ришард Матушевский, известный венгерский ученый Миклош Сабольчи, румынский писатель Георге Ивашку, критики из ГДР Клаус Ярмач и Генрих Кейш и другие товарищи, ранее уже участвовавшие в заседаниях МАЛК, в Москву на этот раз приедут наши друзья — критики из Монголии и с Кубы.

В ходе дружеской дискуссии за «круглым столом» в Москве будут обсуждаться важные проблемы развития литературной критики. Речь пойдет и о способах истолкования литературного произведения, и о литературе как средстве познания действительности, и о специфичности этого познания, и о роли критики в общении между писателем и читателем. Особо будет рассмотрен вопрос о роли литературной критики в сближении литератур и народов, — надеюсь, что такое обсуждение определит основной пафос встречи.

А встреча проходит в очень благоприятное для литературных контактов время, когда благодаря активным действиям нашего государства, людей доброй воли во всем мире происходит разрядка международной напряженности, стихают ветры «холодной войны», открываются новые перспективы и более широкие возможности для работы, направленной к благородным целям мира и социального прогресса.

Советские критики будут всемерно содействовать успешному проведению «круглого стола», гостеприимно встретят зарубежных гостей.

ХРОНИКА

9 мая в Концертном зале имени П. И. Чайковского под председательством секретаря правления Союза писателей СССР, главного редактора журнала «Дружба народов» С. Баруздина состоялся большой вечер фронтовой лирики. С чтением стихов выступили поэты-фронтовики С. Орлов, М. Максимов, Д. Самойлов, Л. Татьяничева, И. Френкель, Н. Старшинов, М. Львов, Н. Вилосинская, Я. Хелемский.

В вечере приняли участие также лауреаты национальных премий Кубы вице-президент Союза писателей и деятелей культуры Республики Куба Амхель Аухмер, главный редактор журнала «Унион» Отто Фернандес, советник министерства образования Элисео Диего.

Послушать выступления писателей пришли любители поэзии, ветераны Великой Отечественной войны, студенты московских вузов, воины Московского гарнизона.

В заключение состоялся большой праздничный концерт.

НАВСТРЕЧУ V КОНФЕРЕНЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В АЛМА-АТЕ

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Корреспондент «ЛГ» М. Байджиев обратился к председателю Госкомитета Совета Министров Киргизской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли А. А. Абакирову с просьбой рассказать о литературных связях Советской Киргизии с народами Азии и Африки.

— Сейчас в республике шесть издательств, которые ежегодно выпускают около тысячи названий книг общим тиражом 6 млн. экземпляров. Художественная литература — один из основных видов продукции наших издательств. Немалое место занимает публикация произведений писателей стран Азии и Африки. Только недавно вышел в свет сборник стихов «Поэзия ведет огонь», посвященный героической борьбе вьетнамского народа за свою независимость. Переведены на киргизский язык и вышли в свет «Вьетнамские сказки». Наши читатели познакомились со стихами и новеллами классика индийской литературы Рабиндраната Тагора. Выпущены сборники «Голоса Южной Африки», «Африка поет», «Сказки народов Востока», «Пословицы и поговорки народов Востока». Готовятся к печати «Тувинские рассказы», «Арабская проза», «Стихи поэтов Республики Бангладеш».

В Киргизском драматическом театре идут пьесы Назыма Хикмета «Всеми забытый», японского драматурга Маримото Каору «Жизнь женщины». В ближайшее время эти произведения выйдут отдельным изданием.

В свою очередь все большую популярность в странах Азии и Африки приобретают произведения киргизских писателей. В прошлом году в нашей республике гостил видный африканский общественный деятель, генеральный директор Издательства бюро восточноафриканских литератур в Найроби Ной Сампира, который перевел и издал на своем языке произведения лауреата Ленинской и Государственной премий СССР народного писателя Киргизии Чингиза Айтматова.

На многие языки стран Африки и Азии переведены книги аксакалов киргизской литературы Алы Токомбаева, Тугельбая Сыдыкбекова, Темиркула Уметалиева, Касымалы Баялинова, Абдрасула Токтомушева, а также писателей младшего поколения. На французском и монгольском языках читают стихи лауреата премии имени ВЛКСМ Майрамкан Абылкасымовой. На несколько языков Индии, на персидский, арабский, монгольский и английский языки переведены произведения для детей Шукурбека Бейшеналиева «Белый верблюжонок», «Маленькая всадница» и повесть «Кычан» о пионере, павшем в борьбе за Советскую власть. Безусловно, особой популярностью в этих странах пользуются почти все произведения выдающегося советского писателя Чингиза Айтматова. Его повести обрели поклонников не только в африканских странах, но и в Индии, Пакистане, Турции, Греции, Афганистане, Монголии, Японии и других государствах Азии.

Несомненно, Алма-Атинская конференция, в которой примут участие прогрессивные литераторы двух континентов, сыграет свою благородную роль в укреплении дружбы и взаимопонимания народов стран Азии и Африки и явится новым стимулом в дальнейшем развитии культурных связей.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Известной югославской поэтессе Десанке Максимович исполнилось 75 лет. В связи с этим правление Союза писателей СССР направило ей следующую телеграмму:

Горячо поздравляем Вас, истинно народную поэтессу, с днем рождения. Искренне радуясь Вашим замечательным поэтическим свершениям, снискавшим Вам глубокую любовь и сердечную признательность у советских читателей, шлем самые лучшие пожелания доброго здоровья и новых творческих успехов. Пусть Ваш неувядающий талант еще долгие, долгие годы будет волновать и радовать Ваших благодарных читателей.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Григорий Михайлович КОЗИНЦЕВ

Советская культура понесла тяжелую утрату. После непродолжительной болезни скончался выдающийся кинорежиссер, лауреат Ленинской и Государственных премий, народный артист СССР Григорий Михайлович Козинцев.

Г. М. Козинцев родился в 1905 году в Киеве. По окончании Ленинградской школы живописи при Академии художеств он становится одним из организаторов «Фабрики эксцентрического актера» (ФЭКС), которая объединила большой коллектив молодых актеров и режиссеров советского кино. Юношеские поиски, отмеченные созданием таких фильмов, как «Шинель», «СВД», «Новый Вавилон», были первой ступенью становления мастера.

В 1934 году Г. М. Козинцев обращается к теме партии, к событиям истории борьбы рабочего класса России за социалистическую революцию. Фильмы трилогии о Максиме — «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона» — явились крупнейшими произведениями искусства социалистического реализма и по праву вошли в золотой фонд советской культуры.

Вдохновенная работа над образом Максима обогатила советскую кинематографию выдающимся достижением на ее главном направлении. Русский рабочий, большевик, непреклонный ленинец, человек огромного обаяния, духовной и нравственной силы, Максим стал поистине любимцем миллионов людей.

Много творческих сил отдал Г. М. Козинцев работе над историко-биографическими фильмами и экранизацией классики. Высокая режиссерская культура, огромный опыт художника, широта знаний в области истории литературы и искусства помогли ему создать такие фильмы, как «Дон Кихот», «Гамлет» и «Король Лир», завоевавшие заслуженное признание в нашей стране и за рубежом.

Г. М. Козинцев соединял в себе качества художника и теоретика, постоянно занимавшегося подготовкой молодых режиссерских и научных кадров. Его книги «Наш современник Вильям Шекспир» и «Глубокий экран» явились серьезным вкладом в советское искусствоведение.

Г. М. Козинцев — видный общественный деятель, секретарь правления Ленинградской организации Союза кинематографистов СССР. В течение ряда лет он возглавлял творческое объединение киностудии «Ленфильм».

Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили заслуги Г. М. Козинцева в развитии советского киноискусства. Он был удостоен Ленинской и Государственных премий, награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Вся творческая жизнь Г. М. Козинцева была образцом служения народу, социалистической культуре.

Светлый образ Григория Михайловича Козинцева, выдающегося художника, создавшего непреходящие ценности советского киноискусства, навсегда останется в благодарной памяти народа.

Л. И. Брежнев, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, П. Н. Демичев, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Б. И. Аристов, В. И. Казаков, З. М. Круглова, А. Н. Шибалов, Е. А. Фурцева, В. Ф. Шауро, Ф. Т. Ермаш, Л. А. Кулиджанов, Г. В. Александров, Б. С. Андреев, В. Е. Басков, С. Ф. Бондарчук, В. В. Блинов, С. А. Герасимов, М. С. Донской, А. Г. Иванов, А. В. Караганов, Г. М. Марков, Ю. Н. Озеров, Б. В. Павленок, М. В. Пашков, А. П. Петров, Н. А. Пономарев, А. В. Романов, С. И. Ростоцкий, Ю. В. Толубеев, Л. З. Трауберг, К. А. Федин, П. Т. Фомин, И. Е. Хейфиц, Г. К. Холопов, Т. Н. Хренников, М. И. Царев, Г. Н. Чухрай, Д. Д. Шостакович, С. И. Юткевич.

Салчак Колбакхорекович ТОКА

11 мая 1973 года после тяжелой, продолжительной болезни на 72-м году жизни скончался член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, первый секретарь Тувинского обкома КПСС, Герой Социалистического Труда Салчак Колбакхорекович Тока.

С. К. Тока родился в 1901 году в семье арата-бедняка Каа-Хемского района Тувинской АССР. Трудовую деятельность начал с девяти лет батраком. С 1921 по 1925 год был в рядах Тувинской Народно-Революционной Армии, а затем находился на учебе в Коммунистическом университете трудящихся Востока в г. Москве. После окончания университета С. К. Тока возвращается на работу в Тувинскую Народную Республику. Здесь он вступает в партию, избирается вторым секретарем, а в 1932 году — генеральным секретарем ЦК Тувинской Народно-революционной партии.

После вхождения Тувы в состав Союза ССР, с 1944 года до последних дней своей жизни он работал первым секретарем Тувинского обкома КПСС, отдавая все свои силы и энергию, организаторский талант развитию экономики и культуры Тувинской Автономной Советской Социалистической Республики.

Чуткость к людям, деловитость и целеустремленность в работе были отличительными чертами характера С. К. Токи. Он пользовался заслуженным авторитетом и уважением коммунистов и трудящихся республики. Являясь членом Союза советских писателей, С. К. Тока внес большой вклад в развитие тувинской национальной советской литературы. За первую книгу повести «Слово арата» ему присуждена Государственная премия.

С. К. Тока являлся делегатом XIX, XX, XXI, XXII, XXIII и XXIV съездов партии, неоднократно избирался в состав ЦК КПСС, был депутатом Верховного Совета СССР всех созывов.

За большие заслуги перед Коммунистической партией и Советским государством С. К. Токе присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда, он награжден семью орденами Ленина, орденом Трудового Красного Знамени и тремя орденами Тувинской Народной Республики. С. К. Тока имел воинское звание генерал-лейтенанта.

Светлая память о Салчаке Колбакхорековиче Токе, верном сыне Коммунистической партии и советского народа, навсегда сохранится в наших сердцах.

Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, А. А. Гречко, В. В. Гришин, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, Д. А. Кунаев, К. Т. Мазуров, А. Я. Пельше, Н. В. Подгорный, Д. С. Полянский, М. А. Суслов, А. Н. Шелепин, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, П. М. Машеров, Б. Н. Пономарев, Ш. Р. Рашидов, Г. В. Романов, М. С. Соломенцев, Д. Ф. Устинов, В. И. Долгих, И. В. Капитонов, К. Ф. Катушев, М. П. Георгадзе, А. П. Шитиков, Г. М. Марков, Б. Ш. Долчанмаа, М. К. Мендуме, В. Н. Филиппов, В. Б. Добромыслов, Г. В. Иванов, Т. Ч. Норбу, В. И. Попов, И. А. Ситяев, К. С. Шойгу, Г. Ч. Ширшин, М. К. Шыырап, Ч. Б. Ондар, В. П. Суров, В. Е. Серяков.

ВЕЧЕР ПАМЯТИ АНРИ БАРБЮСА

В Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева состоялся вечер, посвященный 100-летию со дня рождения выдающегося французского писателя и общественного деятеля, антифашиста, борца за мир, друга Советского Союза Анри Барбюса. В числе организаторов торжества Союз писателей СССР, Институт мировой литературы имени А. М. Горького АН СССР, общество «СССР—Франция» и Центральный Дом литераторов имени А. А. Фадеева.

В Большом зале ЦДЛ собрались писатели, литературоведы, представители общественности столицы. На сцене большой портрет писателя-солдата работы художника Ф. Мазереля, корзины алых роз. Собравшимся была показана кинохроника, запечатлевшая пребывание Анри Барбюса в Москве.

Вечер открыл секретарь правления СП СССР А. Чаковский. С сообщениями о творчестве Барбюса, о кипучей общественной деятельности этого неутомимого борца за мир, справедливость и воплощение в жизнь коммунистических идеалов выступили известные писатели-литературоведы А. Исбах, В. Московченко-Андреева, Т. Мотылева, Ф. Нариньер. Поэт А. Вознесенский прочитал свои стихи, посвященные Франции.

На вечере присутствовал атташе французского посольства в Москве г-н С. Татищев.

***

17—18 мая в Париже состоится коллоквиум, посвященный 100-летию со дня рождения А. Барбюса, в котором примет участие делегация советских писателей во главе с секретарем правления СП СССР С. Сартаковым.

НАКАНУНЕ НОВОЙ КНИГИ

Иван ЧИГРИНОВ

ИЗ ОГНЕННОЙ КУПЕЛИ...

Большинство моих рассказов написано на военную тему. Впечатления военных лет легли в основу романа «Плач перепелки». Я решил прибегнуть к более крупной форме вовсе не потому, что мне стало тесно в рамках рассказа. Героика и драматические события требовали более широкого эпического подхода.

«Плач перепелки» — это символ. Плачет, горюет над разоренным гнездом перепелка. Плачет, убивается Ярославна. Плачет мать-Родина над погибшими своими сыновьями... Это как бы тугая струна, камертон, определивший звучание всего произведения.

В центре повествования — маленькая деревушка Веремейки. Простые, незаметные люди, в которых ни один пророк не увидел бы ничего героического. Но вот пришел час испытаний, и эти люди превратились в былинных богатырей. Человеческие характеры были проверены в огненной купели на прочность и чистоту.

Сейчас я пишу вторую книгу «Плача перепелки». С многими героями — Зазыбой, Чубарем и другими читатель встретится снова. Время действия — тот же грозный сорок первый год, зарождение и развитие партизанского движения. Во второй книге появятся и новые действующие лица, будет «освоен» новый исторический материал. Я хочу ввести в роман как действующее лицо известного партизанского командира Дмитрия Николаевича Медведева. Правда, не решил еще — под подлинным именем или вымышленным.

Кстати, далеко не все знают о том, что ранней осенью 1941 года Медведев во главе партизанского отряда был послан на Могилевщину, в родной мне Костюковичский и соседний с ним Хотимский районы. О его сподвижниках, об их славных подвигах мне рассказали очевидцы тех памятных событий. Я собрал немало интересных и важных материалов для своего романа.

Действие в романе происходит в одной из деревень Восточной Белоруссии. Многое мне дали новые поездки в различные районы республики, рассказы и воспоминания очевидцев. Я тщательно теперь изучаю материалы архивов, относящиеся к этому периоду, листовки, газеты, объявления, сообщения партизан, а также печатную «продукцию» оккупантов и их прихвостней.

В соавторстве с писателем Иваном Новиковым я недавно сделал сценарий многосерийного телевизионного художественного фильма о минском подполье «Руины стреляют». Каким он получился, будет судить зритель. Он, как и читатель, судья строгий, требовательный, справедливый.

ХРОНИКА

Ежегодная премия издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» за 1972 г. присуждена молодым литераторам: поэту Виктору Сычеву и прозаику Ивану Уханову.

■

В Москве на Новодевичьем кладбище состоялось открытие памятника-надгробия В. Н. Ажаеву. На открытии выступили секретарь правления СП СССР М. К. Луконин, член-корреспондент АН СССР П. Ф. Швецов, заместитель министра культуры СССР К. В. Воронков, Е. А. Евтушенко, от сотрудников редакции журнала «Советская литература» — В. Я. Жак.

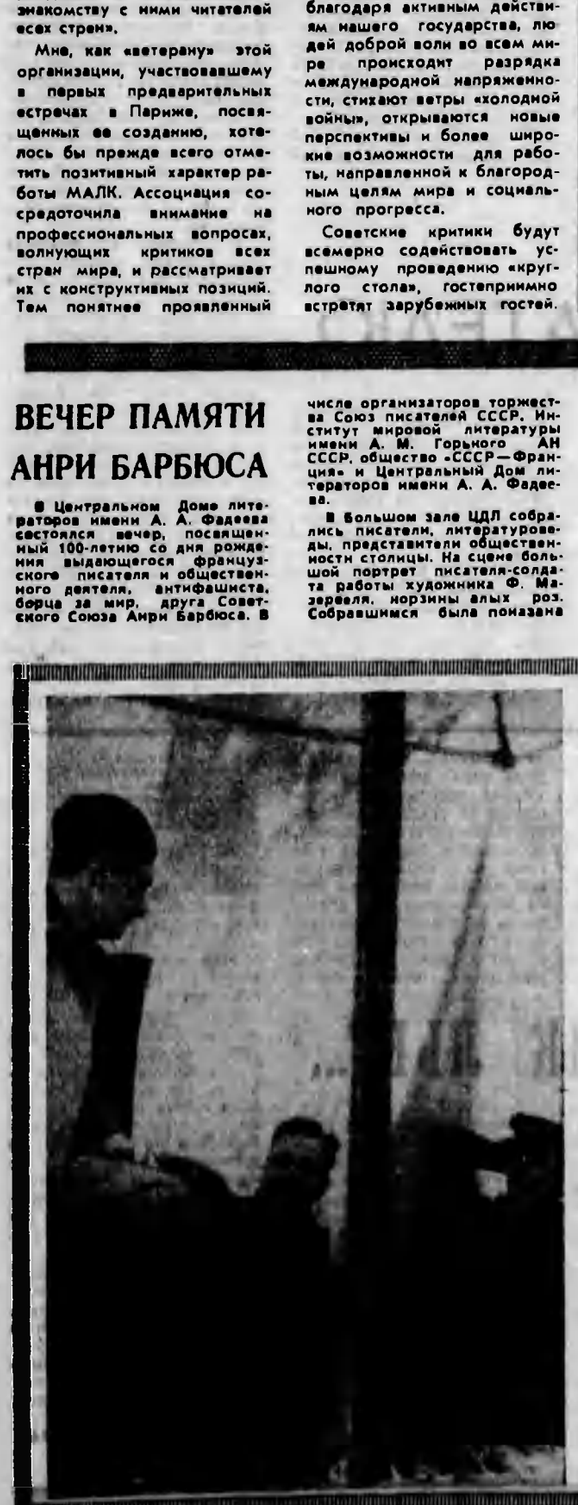
Авторы памятника — скульптор А. Е. Елецкий и архитектор А. А. Усачев.

КОМИССИЯ ПО ЛИТЕРАТУРНОМУ НАСЛЕДИЮ А. М. МАРЬЯМОВА

Решением секретариата правления Московской писательской организации создана комиссия по литературному наследию Александра Моисеевича Марьямова в составе: В. Б. Шкловский (председатель), А. П. Штейн, Г. И. Щедрин, Б. А. Можаев, Ю. П. Любимов, Ю. Г. Буртин, А. П. Мацкин, Е. В. Савченко (секретарь комиссии).

Комиссия просит всех, располагающих письмами, рукописями и другими материалами, касающимися творческой деятельности А. М. Марьямова, сообщить о них по адресу: Москва А-319, Красноармейская ул., 23, кв. 12, Савченко Е. В.

Коллектив «Литературной газеты» выражает глубокое соболезнование сотруднице редакции Валентине Николаевне ФРОЛОВОЙ в связи с постигшим ее горем — смертью мужа Ивана Алексеевича ФРОЛОВА.



ОН ВЕРИЛ В ПОБЕДУ

15 мая исполнилось 70 лет со дня рождения известного советского поэта Иосифа Уткина.

Исследователь творчества И. Уткина Д. Фикс передал в редакцию «Литературной газеты» не публиковавшийся снимок поэта, сделанный в 1942 году фотокорреспондентом Г. Санько на Брянском фронте.

Мы попросили писателя Л. Кудреватых, одного из тех, кто запечатлен на фотографии рядом с Иосифом Уткиным, прокомментировать этот снимок.

— Мои сверстники — комсомольцы начала двадцатых годов — любили петь песни перед любым собранием или после него, читали по памяти стихи, даже целые поэмы. Своими поэтами мы считали Александра Безыменского, Александра Жарова, Иосифа Уткина. Еще в двадцатые годы я слушал, как читают свои стихи Безыменский и Жаров. А вот Иосифа Уткина впервые довелось услышать только летом 1942 года на Брянском фронте. И сейчас как бы вижу небольшую лужайку на опушке леса, солдат, полукругом сидящих прямо на земле, их чуть-чуть приподнятые головы со взором, обращенным на стоящего перед ними человека в длинной расстегнутой шинели. На зеленой ленте, перекинутой через плечо, поношена звонкая после ранения рука. Над непокрытой головой — копна темных кудрей. Иосиф Уткин читает солдатам только что написанные стихи:

Клянусь: назад ни шагу!
Скорей я мертвый сам
На ту землю лягу,
Чем эту землю сдам...

В те два летних месяца я часто встречал поэта Уткина в боевых частях и подразделениях. И, как правило, среди солдат и офицеров, которым предстояло если не через час, то в ночь или на рассвете идти в бой, в трудный, тяжелый бой. Вот так же, как и на полянке перед лесом, Иосиф Уткин то читал свои стихи, то произносил пламенную речь о патриотизме и мужестве.

Жил и работал И. Уткин при политуправлении фронта. Обычная палатка на лужайке у березняка стала домом и кабинетом поэта. Об этой палатке знали не только мы, корреспонденты московских газет, квартировавшие тоже в палатках по соседству, в яблоневом саду, но и сотрудники армейских газет, и политработники, приезжавшие в штаб фронта. К палатке Уткина вела хорошо проторенная дорожка. А в ней — если ее хозяин не был в отъезде, ближе к передовой, — звучали стихи. Уткин читал свои новые произведения, стихи любимых поэтов, охотно затевал диспуты по литературным проблемам.

В этой палатке и сфотографировала нас приехавшая на фронт Галина Санько.

Поэтом, верящим в счастливое будущее и устремленным в это будущее, с тех летних дней сорок второго года и остался в моей памяти Иосиф Уткин.

Леонид КУДРЕВАТЫХ

На снимке: И. Уткин, Я. Кудреватых, Д. Емельянов

ЛЕГЕНДАРНОМУ ГЕРОЮ...

Герой Советского Союза Мехти Гусейн-заде широко известен читателям по роману И. Касумова и Г. Сендбейли «На дальних берегах».

9 мая не одной из площадей Баку был открыт бронзовый монумент легендарному партизану-разведчику.

На торжественном митинге выступил первый секретарь ЦК КП Азербайджана Г. А. Алиев.

Писатель И. Касумов совершил поездку по местам, где сражался и погиб Мехти, и привез в Баку землю с его могилы, находящейся в югославском селе Чеповани. Капсула с этой землей была помещена под плитой у основания монумента.

Автор памятника — народный художник Азербайджанской ССР Ф. Абдурахманов.

В тот же день стало известно о присуждении авторам романа «На дальних берегах» почетной премии Ленинского комсомола республики.

Правления Союза писателей СССР, Союза писателей Украины и Киевской писательской организации с глубокой скорбью извещают о смерти известного писателя, члена КПСС

МИХАЛЕВИЧА Александра Владимировича

и выражают искреннее соболезнование семье и близким покойного.

РАССКАЗ: ПРОБЛЕМЫ ЖАНРА

Тамаз ЧИЛАДЗЕ

БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!

ЗАМЕТКАМИ ПИСАТЕЛЯ Т. ЧИЛАДЗЕ «ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА» ПРОДОЛЖАЕТ ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РАССКАЗА (см. №№ 41, 43 и 47 за 1972 г., №№ 2 и 17 за 1973 г.).

В НАШИ дни пишется и печатается множество рассказов. И в этом нет ничего удивительного. Газете или журналу рассказы нужны — одним для литературных страниц, другим для разделов прозы, у каждой редакции своя нужда и забота. Но мы сегодня говорим о другом — о том рассказе, который насущно необходим читателю.

Начнем с того, что среди произведений, которые мы встречаем в литературной печати под рубрикой «рассказ», вещей настоящих все же не так уж много. Не поэтому ли высказываются опасения о том, что рассказ отмирает, гибнет, уступает место роману? Правда, мы знаем цену таким встревоженным прорицаниям — еще вчера предсказывалась смерть романа, но ведь тревога оказалась напрасной. Больше того, как это ни удивительно, сегодня, когда у людей в самом деле остается очень мало времени для чтения, они все же предпочитают большие, эпические полотна. А ведь предсказывали, что господствующее место в литературе займут малые жанры и даже телеграфный стиль письма. Но на наших глазах происходит другое. Многие писатели (и у нас, и за рубежом) искусственно раздувают рассказ до объема романа или соединяют несколько рассказов, придавая им романную форму. В свете популярности романа «малый жанр» совсем померк. Очевидно, емкости «кислородной подушки» рассказа недостаточно для читателя, его влечет к более длительному контакту с произведением, с героем, а значит — к роману.

Чем же обусловлено это явление? Как бы ни показалось странным, но я думаю, что сегодня научно-технический прогресс где-то способствует развитию литературы подчеркнуто «атехнической», если можно так сказать. Не случайно мы привержены не только роману, поэме, стихотворению, но и вспомнили о старых, почти забытых формах — пишем сказки, баллады, создаем мифы.

При этом существуют, очевидно, и некие специфические причины, мешающие развитию именно рассказа. Прежде всего надо сказать о критике. То ли не хватает ей времени, то ли смелости и принципиальности, но сегодняшний литературный процесс, развитие в нем наиболее актуальной проблематики, в том числе в рассказе, занимают критику меньше, чем, скажем, проблематика историческая. В грузинской критике утвердилось такое примерно мнение: хотя и появляются новые рассказы, но от этого лишь увеличивается их количество, а никаких качественных изменений не происходит, время шедевров миновало, и текущий литературный процесс — не более чем движение по инерции, по проложенному пути. На мой взгляд, эту «теорию» (может быть, и невольно) подтверждает тот же двухтомник, о котором писала «ЛГ» (№ 2, 1973), в особенности — предисловие к этому изданию.

Действительно, у нас богатые художественные традиции, но именно благодаря этому мы не просто имеем возможность, но и обязаны думать о качественно новых достижениях! Само диалектическое развитие нашей действительности, постоянное стремление общества вперед в корне отрицают «движение по инерции» и ставят современную литературу перед необходимостью новаторских решений проблем, которых еще вчера не было.

В нашей литературной жизни мы имеем дело и с таким фактом: научно-техническая революция, грандиозные сдвиги в точных науках, успехи в научном постижении мира породили иллюзию, будто литература и искусство как «неточные» средства познания отошли на второй план. К счастью, это только иллюзия, хотя она и оказала заметное влияние на творчество, и не только на творчество — на общественное сознание вообще.

В частности, меня больно поражает вот какое явление: никогда сами писатели не восставали так рьяно против старого доброго своего друга — Поэзии и поэтического. В результате возникла сухая, жесткая, без всяких «излишеств», манера письма, оказались «лишними» эпитет, метафора, вымысел. Мы заимствовали у различных наук — главным образом у физики, математики и кибернетики — бесчисленное множество терминов, формул и, вооружившись ими (или прикрывшись ими, как модным плащом), начали опустошать собственную сокровищницу. Иные литературные дискуссии стали чем-то напоминать конгрессы алхимиков!

Создается впечатление, будто в эпоху бурных успехов разума писатели стыдятся признаться в том, что они — сердцеведы. Так, недавно в журнале «Новый мир» безусловно талантливый прозаик В. Семин опубликовал роман «Женя и Валентина», который, увы, стоит почти на грани фольклора. У фольклора же надо заимствовать философию, а не строительные методы. Мы долго вели справедливую борьбу против псевдопоэтического стиля в прозе, но в конечном счете вместе с «псевдо» чуть не выплеснули и само поэтическое. Будем откровенны: в современной прозе поэтические мелодии звучат нечасто. Возможно, забвение этого и оказывает самое пагубное влияние на жизнь рассказа, который, как мы знаем, достигал подлинного взлета в нашей многонациональной классике.

«Бытовой рассказ», столь широко распространившийся в последние годы, является не чем иным, как синтезом фольклора и очерка. Его характеризуют крайне упрощенная манера повествования и прямо-таки аскетическая сухость, протокольность в передаче жизненных фактов — не возведенных в степень художественного обобщения, часто не главных, случайных. Не этот ли эмпиризм и дает повод утверждать, что рассказу сегодня непосильно исчерпывающе и всесторонне обрисовать характеры? Что ж, тут критики рассказа близки к истине, поскольку эмпиризм и искусство — два разных, взаимоисключающих понятия.

Но дело в том, что, когда мы вытесняем поэзию из наших рассказов, якобы во имя точности, мы невольно выступаем... против самой точности. Об этом хорошо сказал на недавней встрече с итальянскими писателями Е. Винокуров: «Поэзия — это исследование о людях, их внутренней жизни, и отсюда — требование максимальной точности». Это сказано о поэзии, однако между прозой и поэзией нет столь непреодолимой межи, как представляется кое-кому...

Все, о чем я говорю, касается прозы в целом, но в рассказе, думается мне, проявляется особенно остро, ясно, концентрированно.

Сторонники «деловой» литературы могли бы подписаться под одним из афоризмов Шона О'Кейси: «Чувство жизни — вот что в первую очередь нужно тому, кто хочет стать драматургом, а вовсе не чувство сцены...». Но одного только «чувства жизни», как бы оно ни было важно, все-таки недостаточно. Чтобы стать писателем, необходимо быть творцом. Пренебрежение поэтическим началом оборачивается еще и тем, что сегодня нередко встречаются писатели, которые не являются творцами. Порою мы пытаемся выдать за литературу жизненный опыт. Творцом же является тот, и только тот, кто создает «новую реальность». Именно поэтому самым сложным из всех творческих методов является реалистический метод, органически сочетающий правду жизни с правдой искусства.

Итак, Поэзия. Почему я настаиваю на этом понятии и что подразумеваю в нем? Чтобы было яснее, скажу, что даже образ Гобсека, по-моему, создан благодаря поэзии. Поэзия — это то, что выделяет человеческую личность из хаоса будней, обобщает ее и приобщает к бессмертию. Каким жалким был бы царь Эдип в суде — и как велик он на сцене!

Патетики, пафоса, музыки не хватает мне, когда я читаю некоторые современные рассказы. Их авторы сознательно обкрадывают себя, пишут не просто, а убого. Из рассказа исчезает артистизм. Не будем пугаться этого слова, хотя, конечно, в чрезмерной степени любое качество может обернуться недостатком. Речь идет о подлинном артистизме художника, а не мимикрии ремесленников. Из доскональной фактологической точности их рассказов, лишенных вдохновения, вряд ли слепишь такие характеры, как Челкаш или столь же поэтический Хаки Адзба — герой одноименного рассказа Лео Киачели!

Решительно ошибается тот, кто утверждает, будто в рассказе вообще невозможно создать полноценный образ. Судить следует по лучшим образцам жанра. Скажу больше, порой не только в рассказе, но и в одной-единственной фразе может быть нарисован характер и даже целая эпоха. У Бабеля есть такая фраза: «Он ждал терпеливо, как мужик в канцелярии». Эта фраза, как японская танка: в капле видно море.

Значит ли сказанное, что я не вижу в современной литературе хороших рассказов? Вовсе нет. Несмотря на нигилизм некоторых критиков, интересные образцы этого жанра создаются и сегодня. Назову только рассказы писателей моего поколения: Юрия Казакова, Арчила Сулакаури, Анара, Иси Мелик-заде, Реваза Инанишвили, Андрея Битова, Гранта Матевосяна, Эдишера Кипиани. Разве не исчерпывающе нарисован характер героя в рассказе Василия Аксенова «На полпути к Луне»? Мне кажется, что даже более полно и исчерпывающе, чем в каком-либо его романе.

Я думаю, что написать хороший рассказ несравненно труднее, чем даже роман. Конечно, подобные «сравнения» искусству противопоказаны. Но как удержаться, когда широкое хождение получает обратная точка зрения! Если хочешь подступить к роману, говорят молодым, сначала «поппрактикуйся» на рассказах. И эту странную мысль порой разделяют даже настоящие мастера слова. Вот признание, которое сделал не так давно Евгений Евтушенко в «Литературной газете»: «Собираюсь постепенно переключиться на прозу, начав с коротких рассказов». Как видим, он довольно прямо высказывает свое не столь уж высокое мнение о рассказе.

Косвенно о таких же взглядах свидетельствует и распространенный у нас термин — монументальное (или иначе — широкое) полотно. Но разве монументальное в поэзии измеряется метрами и километрами? Объемом, площадью? Думаю, нет. И произведение малой формы может производить монументальное впечатление. Для меня, например, монументальны и рассказ «Антоновские яблоки», и скульптурный портрет Нефертити, и стихотворение Галактиона Табидзе.

Или вот еще пример: есть в грузинской прозе рассказ Нико Лордкипанидзе «Женщина в платке», стоящий — при малом объеме — иных многостраничных «полотен». Не могу не отметить тут же огорчительный факт: творчество такого блистательного художника, как Нико Лордкипанидзе, почти совершенно неизвестно всесоюзному читателю! Я с удовольствием прочитал в упомянутой выше антологии советского рассказа по-настоящему отличные вещи К. Лордкипанидзе, С. Клдиашвили, А. Сулакаури, но жаль, что в него не попали новеллы таких писателей, как Нико Лордкипанидзе и Михаил Джавахишвили!

А ведь даже хороший рассказ читателю легче не заметить, чем плохой роман. Поэтому, мне кажется, было бы правильно, если бы издательства, в частности и «Советский писатель», возобновили выпуск ежегодного сборника лучших рассказов. Тогда наши дискуссии, несомненно, оказались бы более плодотворными, они разворачивались бы именно вокруг подобных сборников, а не замыкались несколькими писательскими именами, чье творчество, разумеется, не может полностью отразить сегодняшнее положение жанра.

Думаю, что основательный анализ современного грузинского рассказа тоже мог бы дать немало интересного материала для дискуссии всесоюзного масштаба. Но это дело литературных критиков. Что же касается меня, то и я собираюсь постепенно переключаться на писание небольших рассказов, но... для этого мне нужно сначала как следует овладеть умением писать романы и повести.

ТБИЛИСИ

● ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Рецензируем новые произведения Виктора Тельпугова, Владимира Кривцова, Юрия Коринца, Валентина Солоухина.

СРЕДИ

БЫЛОЕ. СЕГОДНЯШНЕЕ. ГРЯДУЩЕЕ

Кони детства и кони гражданской войны! Проскакав сквозь годы и сквозь осколки, слились они воедино, и воспоминание будто на миг замерло деревом под окном. И это дерево все глубже врастает в душу.

Виктор Тельпугов из характернейших черточек окружающего выбирает вроде бы самые обыденные, но повертывает их так, что чувствуешь за ними самую суть характера, приметы времени или судьбы.

Незамысловато начинается рассказ «Конь». Начинается с «нейтрального» пейзажа, а потом в какое-то мгновение все меняется — воспоминания как бы заостряют зрение, помогают увидеть в минувшем главное, то, чем жив день нынешний и день грядущий. Это происходит по воле поэта. Я не оговорился: рассказы В. Тельпугова — по сути, стихотворения в прозе, со свойственной поэзии яркостью, а порой парадоксальностью и дерзостью образа, лаконизмом, точным отбором слова.

Вот рассказ «Станция Люся». Поезд дальнего следования на минуту замирает в степи, у одинокой скамейки, чтобы подхватить первоклассницу Люсю из целинного совхоза. Вместе со школьницей и читатель как бы невзначай окидывает взглядом освоенную степь. Краткостью рассказ соперничает с «Конем». Обе эти вещи, как, пожалуй, и все в книге «Ночные огни», проникнуты оптимистическим настроением. За историями людей постепенно открывается история страны, труда и подвига народа.

В рассказе «Тенеко» писатель показывает ненца из далекого стойбища. Дни войны. Окружение. Тенеко слаб, отказывается идти в разведку: «Моя кашляет». Кое-кому кажется, что юный ненец трусоват. Его недолюбливают и не очень-то понимают бойцы. Разве что один Серговащев, заменивший погибшего командира, верит неумелому и болезненному пареньку и по-своему опекает его. Однако Тенеко снова и снова из-за кашля в разведку идти отказывается. Ночью он, как чудится часовому, шаманит у костра над каким-то варевом. И даже терпеливый Серговащев приходит в ярость. Но оказывается, гнев его напрасен: всю ночь Тенеко из никому неизвестной сухой травы готовил себе снадобье. Теперь он здоров и может идти в разведку... Тенеко погибает, но остается жить в душе солдат и в нашей памяти.

Виктор Тельпугов особенно предан теме ратного подвига. «Сысоев», «Солдатская ложка», «Манускрипт», «Елагин», «Тополь» и все лучшие вещи этого цикла озарены и отблесками войны 1812 года, и сполохами гражданской, и пожарищами Великой Отечественной. В отсветах испытаний возникают самобытные, решительные в бою и мягкие в жизни люди. Сложный мир современной молодежи, впитавшей опыт дедов и отцов, высвечен душевным опытом рабочей и фронтовой молодости писателя. Перекличка поколений звучит в «Станции Люся», в «Ночных огнях», «Деревянном кораблике», «Маминой дочке».

По-своему понята историко-революционная тема в «Легенде», «Упрямой лампе», «Варежках». И с особенной любовью показан Владимир Ильич Ленин. Писатель раскрывает никогда не прекращающуюся связь простых людей с Лениным, его доступность, его непреклонную решимость наравне со всеми делить невзгоды и тяготы. И отсюда впечатление неколебимой сплоченности народа с вождем и его сподвижниками.

Удача автора книги очевидна. Лишь изредка лаконизм оборачивается чрезмерной скупостью и схематизмом. Думается, напрасно Тельпугов тщательно выписывает некоторые второстепенные детали за счет главного, в надежде, что оно, это главное, из-за яркости побочного станет понятным и проникновенным. Этот упрек я адресую рассказам «В этом доме...», «Наш автобус учится». Хорошо бы в «короткой прозе», как нигде, еще экономнее расходовать слова, никогда не ставя сразу два эпитета, а выбирая единственный, самый точный. Меня огорчила, например, «острая режущая боль» в хорошем рассказе «Сысоев».

Но в целом «Ночные огни» — лучшая книга В. Тельпугова. Эта — избранное более чем за десятилетие успешной творческой работы несет в себе весомый запас доброты, свежесть восприятия действительности.

Борис ДУБРОВИН

В. Тельпугов. «Ночные огни». Рассказы. Издательство «Современник». М. 1972.

ПОДВИГ УЧЕНОГО

Роман был напечатан в двух номерах журнала «Нева», а затем вышел отдельным изданием. Готовился же он много лет. И иначе быть не могло. Он потребовал от автора знаний, накапливавшихся годами. Знаний о России XIX века, о жизни и научных трудах одного из замечательных людей того времени Никиты Яковлевича Бичурина, в монашестве известного под именем Иакинфа.

Владимир Кривцов написал о человеке, жизнью и трудами которого он был увлечен со студенческих лет. «Результатом этого и явилась книга «Путь к Великой стене» — — первая из задуманной дилогии об отце Иакинфе», — читаем мы в авторском предисловии.

Роман завершается приездом Иакинфа в 1808 году во главе русской духовной миссии в столицу Китая Пекин. Там он пробыл четырнадцать лет, изучил китайский язык, историю Китая, его культуру, написал ряд трудов и продолжал по возвращении в Россию деятельность ученого, переводчика, публициста. Мы можем быть благодарны Иакинфу за многочисленные его изыскания, за его переводы сложнейших китайских исторических текстов, за самостоятельность мысли, повлиявшую на дальнейшее развитие русского востоковедения.

Иакинф был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук, к его ученым трудам и статьям в журналах проявляли интерес Пушкин и Белинский, его книги переводились на французский и английский языки. Просвещеннейший человек своего времени, он подвергался преследованиям за прогрессивный образ мыслей. Последний труд Иакинфа «История народов Средней Азии» вышел из печати в 1851 году, за два года до смерти ученого. Николай I не позволил Иакинфу «оставить монашество», и кончину он встретил в Александро-Невской лавре. Он был болен и, по-видимому, в приближении смерти написал для себя иероглифы о ревностных своих трудах и заслугах, выбитые на надгробном обелиске, поставленном на его могиле.

Роман В. Кривцова «Путь к Великой стене» повествует о том, как формировался ум и характер Иакинфа-Бичурина, как он готовил себя к научному подвигу.

Художественное произведение о человеке, оставившем заметный след в истории страны, то есть о человеке, деятельность которого принадлежит уже всему обществу, такое произведение налагает на автора особые обязанности, заставляет его тщательно определить границы возможного вымысла.

В. Кривцов в предисловии говорит о путешествиях своих по иакинфовским местам, и о библиотеках и архивах, где разбирал он рукописи и «торопливые записи» монаха, и о собранных им разрозненных, разбросанных в разных забытых изданиях свидетельствах современников, и о размышлениях своих над его трудами и поступками. Книга подтверждает полное проникновение автора в материал художественного исследования.

Повествование начинается с описания Казани 1800 года, пострижения Никиты Бичурина, исканий и мук его. Мы находим в романе массу сведений, встречаемся с духовной и светской бюрократией. Следя за карьерой Иакинфа, за взлетами его и падениями, знакомимся со связанными с ним лицами.

События происходят полтора века тому назад, и мы ощущаем эту дистанцию времени не в нарочитой стилизации, в какую легко было бы впасть, пленившись экзотикой монастырских и аристократических бесед, а в самой атмосфере подготовки Иакинфа к путешествию, в широком смысле — подготовки к новой жизни. (Кстати, в содержательном послесловии Н. Т. Федоренко читатель знакомится и с дальнейшими событиями жизни героя.)

Иркутск, Кяхта, Маймайчен, степи Монголии и, наконец, Китай... Все это описывается живо и в то же время достоверно. И в центре событий — Иакинф, умный и неистовый, сложный и непосредственный, твердо идущий к открывшейся перед ним цели. Ему тридцать лет. Он полон сил и готов отдать жизнь изучению истории, нравов, обычаев, государственности страны, в которую он прибыл как посланец своей родины.

С подлинным мастерством, с безупречным знанием примет времени, с художественным тактом показан в книге путь выдающегося русского ученого «к Великой стене».

Владимир Кривцов написал хороший роман о выдающемся нашем соотечественнике, ученые труды которого сыграли столь большую роль в русском и мировом востоковедении. Писатель дал нам основание с нетерпением ждать появления второй части романа.

Л. ЭЙДЛИН

Владимир Кривцов. «Путь к Великой стене». Роман. Лениздат. 1972.

ДОВЕРЯЯ ЮНОМУ ЧИТАТЕЛЮ

...Еще одна книга Юрия Коринца о своем детстве? Я говорю «еще одна», потому что связь нового произведения писателя с автобиографической дилогией «Там, вдали, за рекой» очевидна. И в то же время, идейно продолжая дилогию, роман «Привет от Вернера» оригинален, полон новых красок.

Юрий Коринец отходит от канонов. Он как бы хочет доказать, что в книге для детей младшего возраста (а именно для такого читателя она написана) можно прибегнуть к современной, усложненной литературной форме. В романе есть эпизоды, когда будущее врывается в настоящее, а настоящее в будущее; имеются фантасмагорические картины, в некоторых главах нет действия, а только размышления глубоко философского характера. Дети, убеждает нас Ю. Коринец, способны размышлять и размышляют о самых важных, сложных и трудных вопросах жизни.

Доверяя духовным и нравственным возможностям своего читателя, автор хочет, чтобы тот сам пытался разобраться в изображаемых явлениях жизни. Так, на протяжении романа перед нами проходит история лоточника Вани. В начале книги это добрый, обаятельный, услужливый деревенский паренек, в конце ее он предстает перед нами холодным преуспевающим человеком, с которым невозможен былой сердечный контакт. Умело подводя читателя к правильному выводу, автор в то же время счастливо избегает благостно-поучительной интонации.

Книга содержит срез с большого пласта жизни. Здесь есть то, что отличало это время: революционный энтузиазм и отживающий нэп; бескорыстие и жертвенность одних, делячество и эгоизм других. В пестроте жизни, но под влиянием ее главного, революционного содержания складываются убеждения и нравственные нормы героя повествования. Он вырастает как подлинный сын своего времени: преданный революционной идее и пролетарскому братству, гордящийся своей принадлежностью к мировому сообществу большевиков.

Историзм романа не только в очень точных приметах времени, но и в рассказе о событии, которое довольно скудно освещено в детской литературе — Первом Всесоюзном слете пионеров 1929 года. Меня, одного из участников и работников слета, порадовало увлечение и радостное волнение, с каким Юрий Коринец передал размах и необыкновенное обаяние этого праздника.

«Привет от Вернера» — книга об интернациональном братстве трудящихся, о революционной жертвенности, мужестве коммунистов в борьбе с поднимающим голову фашизмом. Из Москвы действие переносится в Берлин, и перед читателем развертываются впечатляющие и напряженные картины столкновения ротфронтовцев с фашистскими штурмовиками и полицией. Глазами ребенка увидены и ярко переданы непримиримость социальных противоречий, классовая борьба, единство пролетариев всех стран. Сцены больших революционных боев соединены в повести с тесной идейной и товарищеской дружбой двух семей: советского коммуниста и немецкого коммуниста, советского мальчика Юры и немецкой девочки Гизи. Это и рассказ о драматической судьбе семьи коммуниста, о людях, сознательно идущих на гибель ради великой цели, ради сохранения человеческого достоинства.

Проза Ю. Коринца — это проза поэта. Дело не в том, что ее маленький герой сочиняет стихи и в тексте романа есть отличные стихи уже взрослеющего автора. Ее поэтическое достоинство — в тонко переданных лирических и драматических картинах детства, в образном языке. В размышлениях о значении слов, понятий, норм необычно и интересно сплавлены мысли и представления маленького ребенка с комментариями его же, выросшего, обогащенного жизненным опытом... В этих лирических отступлениях проводится одна из главнейших мыслей писателя: для человека необыкновенно важно не только что, но и как, не только цель, но и средства...

В «Привете от Вернера» есть и живые смешные ситуации — без этого нет и не может быть детства! Но есть в этом произведении подлинный драматизм, который писатель и не пытается затушевать, скрыть от своих маленьких читателей. В конце своей книги, возвращаясь к ее героям, к их судьбам, он, вспоминая тех, кто погиб в революционной борьбе, в борьбе с фашистами, — пишет: «Они погибли для того, чтобы лучше жили мы с вами, говорим мы себе, и это так! Но эта мысль не излечивает. Есть в этих словах неразрешимая печаль».

Новая книга Юрия Коринца воспитывает в юном читателе гражданскую память, серьезно развивает его, обогащает духовно.

Лев РАЗГОН

Ю. Коринец. «Привет от Вернера». Роман. Издательство «Детская литература». М. 1972.

ХОЛОДНЫЙ ДОЖДИК ЛЬЕТ...

В творческом багаже молодого поэта Валентина Солоухина — публикации в периодике, книга стихов. Теперь уже не одна, а две книги. Вторая — «Заповедная тропа» — издана недавно.

Вот как начинается одно из включенных в нее стихотворений:

Все дни и все недели
напролет
Погода скверная —
холодный дождик льет.
В избе натоплено, и
сонные, как мухи,
Жужжат бессмысленно
слова больной старухи.

Что ж. Такая хандра лирического героя понятна. «Погода скверная», «дождик льет», а значит, и носа не высунешь из душной избы. А тут еще эта старуха со своим невнятным, бессмысленным бормотаньем-жужжаньем...

Читаем дальше:

Она давно готова помереть,
Да в непогоду некрасива
смерть, —
Не все придут
проститься на погост...
Причина веская, и смысл
ее не прост.

Откровенно говоря, я не сразу даже взяла в толк, о чем эти строчки, так мало подготовлены мы к их восприятию. Ведь те четыре первые строки вроде говорили о другом. А теперь?

Старуха, которая, казалось, только для того и нужна была поначалу герою, чтобы передать его сплин (наравне с дождями и натопленной избой), оказывается, умирает. И ее слова — совсем не бессмыслица, как об этом нам только что сообщали, а, напротив, исполнены «не простого» смысла.

Жизнь отшумела
в праздники и будни.
Был добрый человек —
пусть пожалеют люди.
Все дни и все недели
напролет
Погода скверная —
холодный дождик льет...

О чем это стихотворение? О жалости, о сострадании, о ценности и значительности каждой человеческой личности?

Да, но как же все-таки увязать это с началом стихотворения, тональность которого восстановлена вновь двумя последними строчками?

Видимо, никак. Потому что эта тональность свидетельствует, что мысли автора занимает не старушка, а его собственная мало объясненная меланхолия. И — хотел этого Валентин Солоухин или нет — его призыв «...пусть пожалеют люди» звучит, как: пожалейте, если хотите, а мне сейчас не до нее.

Я не стала бы так подробно разбирать это стихотворение, если бы оно оказалось в книге частностью, пусть и досадной.

Но вот другое стихотворение. И тоже, по всей видимости, — о трагическом. Я имею в виду «Балладу о кисете». О том, как расстреливают фашисты советского солдата. Глядит солдат в лицо своим палачам и жалеет, что нет с ним сейчас его кисета:

Перед смертью б солдат
не спеша закурил,
И, прищурясь
от крепкого дыма,
Пока враг его грудь
под прицел подводил,
Он простился б
с родными, с любимой...

Вот как не соответствует форма содержанию! Ведь если эти бубнящие «перед смертью б», «простился б» создают настроение монотонности, а значит, хоть как-то передают трагизм, то о строчке «грудь под прицел подводил» этого не скажешь. Ее реальность заставляет даже забыть о высоком предмете стихотворения. Не говорю уже о том, что эту грудь подводило под прицел тоже какое-то странное и, кажется, комическое существо — какой-то «покавраг».

Ну разве не странно, что автор, выпускающий уже вторую книжку, так не чувствует слова? Поэт плетет словесную ткань наподобие силка, чтобы самому в нем и запутаться!

А так и выходит, когда, начав с упреков в адрес любимой, что и взгляд ее гаснет, и смотрит она зло, автор вдруг заканчивает стихотворение так:

Вот рожь, вот васильки,
Вот разные цветы.
Вот на опушке —
Древние старушки,
В их лицах —
Незнакомые черты...
И чему мне зло?
Зачем мне ты?..

А старушки, спрошу и я, зачем? При чем здесь старушки на опушке? А рожь, а василек, а другие «разные цветы»? Что все это значит?

Или вот, путешествуя по степи и обнаружив в ней старинный курган, Валентин Солоухин задался целью дознаться, «кто под этим курганом лежит...». Такая любознательность понятна. Но зачем же требовать ответа на этот вопрос от «кукушек-гадалок»? Ведь это же не кулики, не жаворонки, не перепела, не степные орлы. Это кукушки, которые я ответить-то на вопрос не смогут по той простой причине, что в степи не живут!

Но пора, наверное, сделать вывод. Он напрашивается сам собой. Допустим, сдал Валентин Солоухин в издательство еще «сырую» рукопись. Надо ли было «Советскому писателю» спешить с выпуском книги?

Ирина ПИРОГОВА

СТАВРОПОЛЬ

КНИГ

- **ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ:** Рецензируем книги Василия Кулешова и Осипа Резника
- **РОМАНЫ ЭННА ВЕТЕМАА:** Мнение критика и ответ автора

ОТ ЛОМОНОСОВА ДО ГОРЬКОГО

Было время, о литературной критике писали так: «Критика, но, государи мои, какую пользу может принести в России критика? Что прикажете критиковать, посредственные переводы посредственных произведений? Критика и роскошь — дочери богатства, а мы еще не Крезы в литературе». Это слова поэта В. Жуковского. Прошло немного времени, и лучшие писатели, прежде всего Пушкин, не только заговорили о необходимости критики, но осознали невозможность существования литературы без критики, признали ее частью литературы. Гоголь писал в пушкинском «Современнике»: «...критика, основанная на глубоком вкусе и уме, критика высокого таланта имеет равное достоинство со всяким оригинальным творением: в ней виден разбираемый писатель, в ней виден еще более сам разбирающий».

А еще через несколько лет Белинский наглядно показал, какую пользу может принести в России критика. Он придал ей значение гражданской деятельности и поднял на высоту подлинного искусства. Через критиков и публицистов 60-х годов, через критиков-марксистов начала XX века традиции Белинского дошли до наших дней.

Критика давно перестала быть «роскошью», давно отпал вопрос о том, какую пользу она может принести. А накопленный ею за два столетия опыт так огромен, что изучение этого опыта, другими словами изучение истории русской критики, стало одной из прямых задач советского литературоведения.

Книга В. Кулешова — первая попытка дать массовому читателю полный обзор русской дореволюционной критики: от Ломоносова до первых русских марксистов, до Горького. Книга задумана как учебное пособие, однако ее с интересом прочтут не только студенты и аспиранты филологических факультетов, но и все, кто интересуется такой важной частью литературного творчества, как критика. Яркие, порой драматические страницы ее истории, насыщенные пафосом борьбы, столкновения идей, мнений, вкусов, воссозданы в новой книге свежо и обстоятельно (хотя порой по необходимости сжато).

Примечательно, что книга В. Кулешова не единственная. Почти одновременно с нею одна за другой вышло в свет еще несколько работ, посвященных истории отечественной критики.

В одной из глав своей книги В. Кулешов справедливо указывает: «Сочинения Н. П. Надеждина ни разу не переиздавались». И сетует на то, что читателей приходится отсылать к первым журнальным публикациям конца 20-х и начала 30-х годов прошлого века. Однако эти указания уже устарели: совсем недавно опубликован том сочинений Надеждина, подготовленный Ю. Манном; он включает важнейшие труды замечательного критика, предшественника Белинского. И еще пример: в небольшой главке об А. Островском В. Кулешов лишь в общей форме излагает малоизученные литературно-эстетические взгляды драматурга; в библиографическом списке источников и пособий, которым сопровождается каждый раздел книги, автор смог указать всего одну работу на данную тему. Но вот появилась книга А. Аникста «Теория драмы в России от Пушкина до Чехова», непосредственно относящаяся к истории русской критики. Едва ли не впервые здесь подробно рассмотрена эстетическая позиция Островского — основа его художественного реализма, изложены суждения его о драме как виде искусства, формировавшиеся во многом под влиянием критических концепций Добролюбова.

Во введении к своей работе В. Кулешов определяет критику как теоретическое самосознание литературных направлений, активное средство борьбы за утверждение их творческих принципов, способ истолкования и оценки художественных произведений. Думается, это верное определение, тем более что оно дополнено размышлениями о том, что у критики есть необходимые и прямые связи с жизнью, общественной борьбой, идеологическими течениями, философией и эстетикой. Эти связи помогают критике «судить о литературе в соответствии с логикой жизни, вырабатывать общественные критерии для оценки художественных произведений, разъяснять их смысл читателям».

Автор рассматривает критику как открытую программу того или иного литературного направления (классицизм, романтизм, критический реализм), придающую ему идеологическую оформленность и устойчивость. Обращаясь к истории критики, прямой теме книги, он справедливо видит в ней специальную литературоведческую дисциплину и намечает научную периодизацию: в принципе она совпадает с литературной, которая — в пределах XIX века — восходит к ленинской периодизации русского освободительного движения.

С таких позиций автор развертывает перед читателем картину возникновения и развития русской критической мысли, начиная с первых ее шагов: «Впервые слово критик в русской литературе употребил Кантемир в 1739 году в примечаниях к своей седьмой сатире...».

Выработка норм русского языка и первые трактаты о правилах «российского стихотворства», деятельность Ломоносова и Тредиаковского; реформы Карамзина, расширившего диапазон критики, впервые придавшего ей общественный характер; революционно - романтические черты в критике декабристов, защищавших идею народности и самобытности русской литературы; первые подступы к реалистической критике (Надеждин); тонкие и мудрые суждения Пушкина и Гоголя о литературе, о реализме и сатире, о сущности и задачах критики; концепции критического реализма, созданные Белинским, Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, сумевшими слить литературное дело с борьбой против крепостничества и самодержавия, литературные взгляды великих реалистов — Салтыкова - Щедрина, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, Горького; критические труды Плеханова, впервые применившего марксистский метод к изучению русской литературы и критики; новаторский вклад В. И. Ленина и других русских марксистов в разработку принципа партийности искусства, их борьба с декадентством — вот только некоторые темы и проблемы из тех, что затронуты в книге.

Коллективные работы подобного характера обычно состоят из суммы отдельных глав, не однородных по выполнению. В. Кулешов сумел преодолеть этот недостаток, показал непрерывность единого исторического процесса развития литературной критики. Причем многие этапы этого процесса освещены тщательно и подробно. Такова глава о Карамзине. Содержательна глава о критической деятельности Белинского. В главе о Писареве создан убедительный литературный портрет выдающегося критика и четко определено его место — при всех заблуждениях и ошибках — рядом с Чернышевским и Добролюбовым. Интересны по материалу и главы, посвященные этим двум корифеям революционно-демократической критики 60-х годов. Очень важно, что автор не стремится обойти трудности, приглушить уязвимые стороны их критических выступлений, прежде часто оставшиеся в тени. Так, он отмечает нечеткость в трактовке понятия «народность», известную утилитарность в вопросах эстетики, присущую Добролюбову, некоторую упрощенность высказываний Чернышевского об искусстве (в диссертации).

Есть в этих главах и спорные, на мой взгляд, положения. Трудно согласиться с тем, что оставлен почти без внимания цикл статей Добролюбова, посвященных писателям, писавшим о народе (и частности, такая важная статья, как «Черты для характеристики русского простонародья»). О них сказано мимоходом и только в негативном плане.

В главе о Чернышевском дается анализ известной статьи «Русский человек на rendez-vous», где вычерчена родословная российских «лишних людей»; анализ этот интересен, но в нем не хватает указания на то, что критическая статья Чернышевского была одним из программных документов того наступления, которое вела революционная демократия против буржуазно-дворянского либерализма. Жаль также, что не упомянута принципиально важная статья Чернышевского «Об искренности в критике».

История русской критики есть история ее борьбы за реализм, против враждебных литературных течений. Автор не сглаживает противоречий этой борьбы и не обходит молчанием критическую деятельность противников реализма. В обширных разделах он характеризует реакционный лагерь так называемой «официальной народности», взгляды защитников «чистого искусства» дает объективную оценку критикам — представителям славянофильства.

В последнее время критика оказалась в центре внимания советской литературной общественности. Поэтому можно сказать, что книга, о которой идет речь, вобравшая в себя результаты большого, многолетнего труда, вышла как нельзя более своевременно.

В. ЖДАНОВ

В. И. Кулешов. «История русской критики». Издательство «Просвещение». М. 1972.

МЕСТО В РАБОЧЕМ СТРОЮ

Наверное, ни одного любителя поэзии не порадует тот факт, что книга О. Резника об Илье Сельвинском вновь переиздана недавно. Причем не просто переиздана, но и существенно дополнена новым материалом.

Надо сказать, что писать о Сельвинском очень нелегко. Нелегко потому, что это большой и сложный поэт. Непростым был его путь в литературе, непростой была и литературная эпоха, в которую творил Сельвинский.

Естественно, что это не могло не обусловить некоторые противоречия в его поэзии. О. Резник их не замалчивает. Не в том-то и состоит задача исследователя, что он должен «стереть случайные черты» и в то же время не разрушить целостного облика художника.

Вот с этой задачей О. Резник, на мой взгляд, бесспорно справился. Анализ, предложенный автором, вдумчив и объективен.

Да и как не быть вдумчивости и объективности, если О. Резник глубоко постигает сему существ манеры поэта, его стиля, если его суждения отличаются обстоятельностью, взгляды на литературный процесс — достаточной широтой, если критик, наконец, попросту любит и понимает поэзию. К тому же замечу, что время, вызвавшее к жизни творчество Сельвинского, и для О. Резника — не история. Он сам современник и участник этих событий. И потому нечасто приходится прибегать ему к архивным материалам. Я бы даже сказал, что книга во многом написана с натуры, что делает ее живой, освобожденной от литературоведческой сухости.

Каким же предстает Илья Сельвинский в книге? Не лишенным, как я уже писал, противоречий, сложностей и в то же время человеком напористого, наступательного характера, свидетельствующего о внутренней цельности.

Исследователь не рассматривает отдельно стихи поэта и его жизнь, напротив, анализируя поэзию, он показывает, какое огромное значение для ее развития имело вступление И. Сельвинского в ряды Коммунистической партии в 1941 году, участие в Великой Отечественной войне.

О. Резник показывает, как сам поэт преодолевая свои заблуждения, находил в себе мужество критически оценивать собственные произведения. И не только оценивать, но и переоценивать их, возвращаться и уже известным и достаточно «нашумевшим» вещам, чтобы подвергнуть их подчас очень серьезной переработке. Наверное, читателю будет интересно узнать, что не только, скажем, «Челюскиниана», но и такая вещь, как «Улялаевщина», правилась Сельвинским не однажды. Об истинной ли творческой взыскательности поэта, его самой высокой требовательности к себе свидетельствуют эти факты?

О. Резник не только анализирует творчество Сельвинского, он пытается объективно разобраться и в тех критических оценках, которые получали стихи поэта при жизни, соглашается с одними критиками, полемизирует с другими. И приводит немало ценных высказываний о Сельвинском его соратников по поэтическому цеху, товарищей по работе: В. Маяковского, А. Фадеева, Вс. Вишневского, С. Кирсанова, П. Антокольского и других.

Не одно поколение советских поэтов училось у И. Сельвинского. Я тоже причисляю себя к его ученикам. И потому для меня появление книги О. Резника о поэте, книги серьезной и глубокой, побуждающей снова и снова читать и перечитывать И. Сельвинского, — еще и огромная личная радость.

Павел БОГДАНОВ

О. Резник. «Жизнь в поэзии. Творчество И. Сельвинского». Издательство «Советский писатель». М. 1972.

ХУДОЖНИК И КНИГА

К 100-летию со дня рождения классика украинской литературы Михайлы Яцкова издательство «Художественная литература» выпускает сборник «Новеллы». Иллюстрации художника Ю. Логвина.

ЧЕТЫРЕ ЖИЗНИ ОДНОГО ГЕРОЯ?

Алла МАРЧЕНКО

Энн Ветемаа, о котором у русского читателя до двум публикациям в журнале «Дружба народов» — «Монумент» и «Реквием для губной гармоники» — уже сложилось представление как о писателе яркого дарования, недавно издал книгу «Маленькие романы». Кроме названных вещей, в нее вошли еще два произведения — «Яйца по-китайски» и «Усталость».

О «Маленьких романах» будут спорить. И это естественно: по природе своего таланта Ветемаа — спорщик, предпочитающий ситуации, не имеющие однозначного решения. Его вещи в замысле рассчитаны на внимательного, думающего читателя, которого не обманут непривычные формы отношения автора к его далеко не положительным героям. Ю. Оклянский, написавший к «Маленьким романам» обстоятельное послесловие, назвал эти отношения поединком. И это действительно поединок, даже дуэль, но дуэль особого рода, не допускающая ни прямого нападения, ни грубых силовых приемов. Если не учесть этих не совсем обычных «правил», легко уподобиться первым читателям «Героя нашего времени» (они, как мы помним, приняв Печорина за Лермонтова, оказались в «положении провинциала», который подслушал двух дипломатов, принадлежащих к враждебным дворам, и остался в уверенности, «что каждый из них обманывает свое правительство в пользу взаимной, нежнейшей дружбы»). Словом, в случае с Ветемаа спор об отношении автора к герою носит отнюдь не теоретический, а практический характер, ведь речь идет прежде всего о правильном «ключе» к роману, который должен помочь читателю понять его если уж и не в полном согласии с замыслом, то хотя бы не «поперек» авторского намерения.

Однако сложность, на мой взгляд, не только в необычности поединка, который ведет Ветемаа со своими героями, но и в необычности жанра этой книги.

С формальной стороны это сборник из четырех «коротких», или, как их еще называют в Эстонии, «новеллистических» романов; я бы, правда, употребила другой термин — «романизированные повести», сославшись на М. Бахтина, утверждающего, что в эпоху господства романа романизируются, освобождаясь от власти канона, все смежные с ним жанры. Во всяком случае, в двух вещах книги — «Монументе» и «Реквиеме для губной гармоники» мы определенно имеем дело не столько с романными, сколько с романизированными формами, где еще сильна, жизнеспособна первичная жанровая основа (сатира — в «Монументе», притча — в «Реквиеме...»); да и остальные («Усталость» и «Яйца по-китайски»), на мой взгляд, все-таки ближе к повести, чем к сжатому до размеров повести «маленькому» роману — «конспекту романа», если воспользоваться определением Веры Пановой.

И все-таки «Маленькие романы» Энна Ветемаа не совсем сборник, скорее, цикл или даже созданный путем циклизации роман, и притом роман «большой», то есть настоящий, многомерный, очень свободный, но с явно выраженной «сюжетной целостностью», обусловленной и единством замысла, и единством героя.

Последнее предположение может показаться слишком вольным, поскольку в каждом из маленьких романов — свой собственный, отдельный герой. И все-таки, если отвлечься от житейского, «позиционного» несходства, объяснимого возрастом, общественным положением и т. д., нельзя не заметить странного подобия нравственной структуры центральных героев: в них есть что-то ненастоящее, мнимое. Вроде бы даровитый, несомненно умный Свен Вооре оказывается мелким завистником, на недоразумении строится «героическая» репутация Арне, не оправдывает надежд своего профессора Руубен Иллиме и как человек, и как поэт; даже болезнь Яана в конце концов оказывается ложной.

Разумеется, сходство, даже на уровне «генотипа», можно найти у героев очень многих писателей. Но в «Маленьких романах» родство уж очень близкое, и только единством происхождения его не объяснишь. Но оно становится более понятным, если предположить, хотя бы в порядке рабочей гипотезы, что, решив испытать своего героя, Энн Ветемаа подарил ему фантастическую вероятность — четыре разные жизни (в романах традиционной романной формы задача неразрешимая, но вполне реальная для романа с четырьмя разными сюжетными линиями, которые мы можем соединять, подключать друг к другу — как «последовательно», так и «параллельно»). Это-то и придает «Маленьким романам» недостающую им «стилистическую трехмерность». В цепи цикла каждый из них не только длиннее и объемнее, в нем отчетливее проявляются романные черты. Так, в «Реквиеме...», например, ничего не говорится о том, как сложилась послевоенная жизнь восемнадцатилетнего Арне, если мы можем мысленно как бы продолжить эту судьбу, воспользовавшись тем психологическим материалом, который дает «Усталость».

И тут мы еще раз убеждаемся: дело не в роковых обстоятельствах, но в роковых свойствах мелкого человека, делающего его «рабом обстоятельств». Выражение это употребляет и Ю. Оклянский, очень точно, на мой взгляд, подметивший характерную для героев Ветемаа психологическую особенность: они не противостоят обстоятельствам, а приспосабливаются к ним. Но вот объяснил он эту черту, по-моему, не совсем верно: «Свен Вооре, и Руубен Иллиме, и Арне, и Яан — все они так или иначе заняты собой и события внешнего мира соизмеряют лишь со своими душевными состояниями в данный момент. Они рабы этих состояний и, значит, обстоятельств».

По-моему, беда не в эмоциональном эгоцентризме и даже не в социальной индифферентности — и то, и другое лишь следствие, вернее, вторичный признак непрочной, ломкой, не способной к долгому сопротивлению и потому ненадежной души, так же как и предрасположение к цинизму. Впрочем, применительно к героям «Монумента» и «Яиц по-китайски» формулировка Ю. Оклянского на первый взгляд кажется более точной — уж очень не похож мелкий человек образца 60-х годов на своих военных и послевоенных «родственников». В нем вроде бы даже ничего мелкого, «заячьего» (так говорил о себе в припадке самоуничижения герой «Реквиема...») не осталось. Не только преуспевающий Свен Вооре, но и тяжелобольной Яан уверены в себе и победительны. Но это только на первый взгляд... Приглядитесь — и окажется: изменилась лишь гамма внешнего поведения, а по существу, мелкий человек остался тем, что он есть,— мелким человеком, с умом хотя и развитым, но посредственным, с душой изощренной, но пустой. И этот итог тем знаменательней, что Энн Ветемаа не спешит с выводами, он почти хочет ошибиться в диагнозе душевной болезни, поразившей его героев, поэтому и не оставляет незамеченной ни одной попытки «подсудимого» реабилитировать самого себя, поэтому же отказывается от привычных комментариев, от авторского текста, уступая всю полезную площадь романа своим героям. При некоторой «подозрительности» подобная терпимость может показаться странной и даже недопустимой. Вот ведь и Ю. Оклянский не удержался — обвинил автора в том, что временами тот становится «жертвой излишней доверчивости к герою». Но это не «излишняя доверчивость» — скорее, великодушие совершенно твердой уверенности: подделка есть подделка, как бы искусно ни прикидывалась она настоящей ценностью.

Особенно отчетливо эта мысль звучит в «Яйцах по-китайски». Пытаясь уверить Яана в том, что у него не рак, а «навязчивые мысли на почве медицинской литературы», и исчерпав, по-видимому, запас аргументов, врач приводит последний довод: «Подобные заметки может написать лишь человек, которому до смерти еще очень далеко, человек, у которого легкая психастения... не болезнь, а тип нервной системы. Тогда люди ведут себя совсем иначе». Не навязывая читателю этой уверенности (всерьез талантливые, всерьез больные, всерьез ненавидящие и всерьез расквасившиеся ведут себя совсем иначе), Энн Ветемаа тем не менее не оставляет ее за текстом, но реализует посредством жесткой расстановки героев. Временами она кажется даже чересчур жесткой, тем более, что «схема» неизменно одинакова во всех четырех маленьких романах. В каждом, кроме сюжетно поставленного в центр повествования, есть обязательно персонаж откровенно отрицательный, сравнению с которым дает нашему герою серьезные основания для самоуважения: бездарный скульптор Магнус Тээ в «Монументе», кулак Яоханнес в «Реквиеме...», подонок Александер в «Усталости».

И все было бы просто, если бы в «Монументе», кроме Тээ, не было Айна, с его бесстрашием и его не нуждающимся ни в каких ухищрениях талантом, если бы Руубену Иллиме не противостоял профессор и поэт Каррик, с его не зависящей ни от каких «условий» порядочностью, если бы рядом с Яаном не было Яаники, с ее простым мужеством и простым отчаянием. И хотя, за исключением Айна, непосредственного участия «в разоблачении» они не принимают, их присутствие в романе очень важно. При сопоставлении с этими людьми, настоящими в самом простом и буквальном смысле слова, все мнимое в характере героя заметнее, все мелкое мельче, все подлое подлее... Это-то и дает внимательному читателю, если он пожелает участвовать в этом своеобразном «суде» в качестве «народного заседателя», возможность занять — по отношению к искусному в самозащите подсудимому — единственно верную и недвусмысленную позицию.

Но для чего, спрашивается, такие сложности? Не лучше ли вести дело старым, испытанным, открытым способом, чтобы всем и сразу стало ясно, кто положительный, кто отрицательный, а кто просто так — средний?.. И не лучше ли было бы изменить «акценты», вернув положительному герою его законное, центральное место?

Нет, не лучше, ибо та разновидность цинизма, я бы даже сказала — мутация, которую исследует Энн Ветемаа, существует, главным образом, в соединении с безобидными, а порой и привлекательными свойствами человеческой натуры, и выделить ее в «химически чистом» виде, даже просто обнаружить в породе человеческой — и то нелегко.

Что касается личности главного героя, то выбор этот мы должны оценивать, учитывая не только аналитический уклон дарования Энна Ветемаа, его личные художественные пристрастия и склонности, но и те задачи, которые ставит перед собой современная эстонская проза, борющаяся и за обогащение «исследовательского арсенала», и за расширение «зоны» психологического и социального анализа.

ДИАЛОГ О «МАЛЕНЬКИХ РОМАНАХ»

Энн Ветемаа готовился стать инженером-химиком. После окончания Таллинского политехнического института работал на целлюлозно-бумажном комбинате. Потом учился в консерватории по классу композиции, и любители музыки в Эстонии знают произведения композитора Ветемаа — он автор симфонии и нескольких камерных вещей. В 1962 году в кассете «Молодые авторы» (издательство «Ээсти раамат») вышла его первая книжка «Переломный возраст» — это были стихи. А потом один за другим начали выходить «короткие романы» Энна Ветемаа.

В докладе на VI съезде писателей Эстонии В. Взаман говорил о нем: «Своеобразие прозы Э. Ветемаа, которая в период между съездами заняла заметное место в нашей литературе, заключается в сплаве психологического и социального начал в лаконичном коротком романе, где каждая образная деталь и каждая сюжетная подробность наполнена глубоким смыслом... Особенно интересует Ветемаа мера этической и социальной ответственности человека».

Сегодня мы предлагаем читателям несколько необычный вариант диалога: размышления критика А. Марченко о книге Э. Ветемаа «Маленькие романы», вышедшей на русском языке, и ответ Э. Ветемаа.

Для автора в анализе его произведений есть всегда что-то новое. В высказываниях таллинских и московских (а также венгерских и финских) критиков многое совпадает, и останавливаться на этом здесь, пожалуй, не имеет смысла. Гораздо более интересны проблемные новооткрытия критиков. Уже Юрий Оклянский считал, что четыре моих романа образуют цикл. Еще дальше в этом направлении идет Алла Марченко, которая говорит даже об одном едином романе с одним главным героем, который, однако, имеет четыре различных образа и четыре различные биографии.

«Я написал четыре, а они утверждают, что только один», — подумал я в первый момент с некоторым неудовольствием, но когда при более внимательном прочтении статьи А. Марченко заметил, что наличие четырех отдельных коротких романов не отрицается и даже утверждается, что образовалась «прибыль» — возник новый, пятый, большой роман, я сразу успокоился... Шутка шуткой, но гипотеза А. Марченко кажется мне интересной и трудно опровергаемой, чего я делать и не собираюсь.

Само собой разумеется, в процессе работы у меня не было подобного намерения. Но тема отступничества, измены себе самому (а ведь любая измена, кроме всего прочего, конечно же, и отречение от себя самого), исследование которой я начал первым своим коротким романом, казалась соблазнительной для ее рассмотрения в разных аспектах. Один ли сквозной герой во всех моих романах? Ответить весьма не просто. Во времена «комедиа дель арте» Пьеро и Арлекины перекочевывали из пьесы в пьесу, у них были несколько несхожие судьбы, герои сталкивались с разными препятствиями, но все же их объединял некий постоянный, один и тот же стержень — никогда они не делали ничего принципиально неожиданного. В этом смысле может возникнуть известная аналогия с четырьмя главными героями моей книги — хотя они не носят одинаковых «традиционных костюмов», разнятся по возрасту, но и они не делают ничего радикально противного единой своей сути. Таково же, очевидно, и мое как автора отношение к ним, так сказать, «tête-à-tête».

СКОРЕЕ — ЧЕТЫРЕ ВАРИАЦИИ НА ОДНУ ТЕМУ

Энн ВЕТЕМАА

«Как же так случилось?» — думаю я, оглядываясь назад с некоторым удивлением. Ответ мне подсказывают эстонские критики, которые по поводу двух первых романов замечали в шутку, что это трактаты о генезисе предательства, его филогенезе, анатомии и физиологии. То же можно распространить и на главных героев двух моих последующих работ. Свен Вооре предал друга, Руубен Иллиме — учителя и каждую вещь стилистически по-иному. Не уверен, что описание литературной кухни является хорошим тоном, но уж так и быть: в «Монументе» я добивался холодного, элегантного сверкания, в «Усталости» — более приглушенной, более мягкой, «под сурдинку» цветовой гаммы (изо всех сил старался достичь чего-то бёлевского, хотя вряд ли такое поддается подражанию), в «Реквиеме...» было стремление к простоте, беспретенциозности, а в «Яйцах по-китайски» — к сухой до болезненности точности, не считая, конечно, контрастной заключительной сцены с Яанникой. Но стилистическая мимикрия была разгадана критиками, и я уже не знаю, радоваться мне по этому поводу или огорчаться.

Теперь, когда я постарался ответить на вопрос «как?», следовало бы ответить на вопрос «почему?». И это, пожалуй, важнее. Действительно, к чему столько предательств, если в жизни встречается отнюдь не меньше самопожертвования; зачем рассматривать плохое, если в жизни нас окружает гораздо больше хорошего? Это серьезный вопрос. Признаю, что писал о мелких душах именно для того, чтобы бороться с ними, анализировал их, чтобы осудить.

Некоторые читатели интересовались, собираюсь ли я и в дальнейшем разрабатывать круг проблем, поднятых в четырех коротких романах. Похоже, не собираюсь. После того как были закончены «Яйца по-китайски», я и сам почувствовал, что завершился какой-то цикл и что эксплуатировать дальше тот же пласт я уже не в состоянии. Для точности добавлю, что после этого я написал веселый парафраз нашего национального эпоса «Воспоминания Калевипоэга» и еще пьесу о жизни эстонских шахтеров. Проза опубликована в 1972 году в журнале «Лооминг», пьеса в канун 1973 года поставлена на сцене Таллинского театра имени Кингисеппа — оба эти произведения пока неизвестны русскому читателю и зрителю.

К Дням литературы и искусства Бурятии в Москве

Линогравюра Г. Мамилова из журнала «Байкал»

Сергей ЧАГДУРОВ

ПЕВЕЦ ЗЕМЛИ БУРЯТСКОЙ

Весной 1956 года в общежитие Литературного института пришел А. Твардовский. Студенты читали ему свои стихи. На этом вечере Александр Трифонович тепло отозвался о «Песне степей» молодого бурята Николая Дамдинова. Позже по рекомендации Твардовского «Песнь степей» была напечатана в журнале «Новый мир». Через три года, когда в Москве вышла книжка стихов Дамдинова, другой большой русский поэт — Ярослав Смеляков выступил о ней в печати.

Первое ощущение редко обманывает опытных мастеров, и сегодня мы можем с уверенностью сказать: и Твардовский, и Смеляков не ошиблись, давая доброе напутствие бурятскому поэту.

Удивительное чувство испытываешь, когда приезжаешь на Байкал не на день-два, как обычно, а недели на три-четыре. Поначалу вроде даже не верится, что простая деревенская изба, снятая тобой на лето, стоит на берегу самого великого Байкала, воспетого в легендах и преданиях. Небольшой участочек, что под огородом у хозяина дома, спускается прямо к изумрудным волнам. А выйдешь под утро, оглядишься — и чудится, Байкал дышит, словно живой, и колышется под пеленой густого тумана...

Здесь становишься особенно чуток к красоте, к поэзии. В тихую погоду, бродя по берегу славного моря, я часто ловил себя на том, что бормочу стихи, ритм которых удивительно совпадал с мерным шорохом неторопливых волн:

Знают все о его богатствах,
Он и сам потерял им счет.
Вольно рыбьи стада резвятся
В глубине его синих вод.

А когда разгуляется ветер, когда волны заходят ходуном — и на этот случай память сохранила строки:

Крут он в гневе, и хватит горя.
Кто застанет Байкал, когда
На широком его просторе,
Потемнев, закипит вода.

(Перевел А. ЩИТОВ)

Н. Дамдинов — поэт гражданской, публицистической направленности. Но ему не чужды и тихие часы раздумий, и порывы откровений, и глубокие размышления о смысле жизни, счастье, любви. Вот, скажем, его стихи о родной земле:

Я у Земли про возраст не спрошу —
Ей много-много лет уже, я знаю...
Когда на горы здешние гляжу,
Где каждая вершина — ледяная,
То думаю: «Седая голова...
Земля моя,
ты столько испытала!»

(Перевел О. ДМИТРИЕВ)

Ныне, кажется, никто не жалуется на нехватку стихов о любви. Ничего не поделаешь, как сказал великий Гейне: «Старинная сказка! Но вечно пребудет новой она». Не избежал чар этой сказки и Николай Дамдинов. Полная отдача могучему чувству — таков удел, выбираемый лирическим героем поэта. И есть что-то рыцарски прекрасное в том открытом и гордом преклонении перед женщиной, которое звучит, словно афоризм:

На этой,
стремящейся к воле планете,
Оковы любви не разбил человек!

Любовь к женщине, любовь к родной земле... Вряд ли человек, равнодушный к судьбам Родины, способен на возвышенные чувства по отношению к женщине. Насколько известно, великие патриоты, оставившие свое имя в памяти народной, были, как правило, людьми большого сердца, нежно любящей души.

Лирический герой Дамдинова — верный сын родной земли. Его любовь к Родине, ее красочным и бескрайним просторам не созерцательна, а действенна и активна. Он готов встать грудью на ее защиту. И поэзия Дамдинова облекается в доспехи гражданственности, смело бросается в битву.

Восемь лет назад делегаты и гости Второго съезда писателей РСФСР горячо приняли слова бурятского поэта о славном священном Байкале. Конечно, сейчас, после известных постановлений партии и правительства об охране природы, о мерах по защите Байкала, кто-то может и подумать: «Сказал, мол, слово в защиту Байкала — что ж тут особенного?» А ведь тогда многое было еще непонятно, в том числе не выяснено до конца, так ли в самом деле велика опасность, угрожающая сибирскому морю.

Байкал — бесценный дар природы —
Да будет вечен на земле,

— этими замечательными строками Твардовского, этим пламенным стихотворным призывом закончил тогда свое выступление Н. Дамдинов.

А с каким поистине драматическим накалом написана одна из лучших его поэм — «Новая земля».

Пашут поле, где стояли дома небольшого улуса, и герой поэмы оказывается там в тот момент, когда трактор проводит первую борозду:

И тут земля качнулась подо мной —
Цветы с головок ярких пыль стряхнули,
Заржали скакуны в степи ночной,
И жаворонки детства промелькнули!
Они запели звонко в вышине —
И небо накренилось надо мною!
Так на мгновенье показалось мне...

Смятение поэта вполне понятно: он не скрывает своих чувств, видя, как на его глазах исчезает одно... детство золотое. Но поэма сильна тем, что в ней ... прошлое гражданского возмужания героя. Постепенно он осознает глубокий исторический смысл происходящего: степь облагораживается трудом человека.

У настоящего поэта трудно определить ту зыбкую грань, где лирика преображается в эпос и, наоборот, где эпик «уступает» место лирику. То же самое происходит в «Новой земле»: увиденное, пережитое неразрывно сплетается с важнейшими событиями народной жизни. Не менее ярко Н. Дамдинов демонстрирует это качество в поэме «Имя отца». Глава в этой проникновенной поэме может начаться в доверительно-интимном тоне, ну, скажем, так: «Пять лет тогда мне было, ровно пять...», а заканчиваться широкой картиной революционных перемен:

Когда, как солнце,
беспощадно светлая
и молодая, как весна сама,
шла по земле победно
власть Советская,
вставляя окна в новые дома!

(Перевели М. ЛУКОНИН и Евг. ЕВТУШЕНКО)

Переломным для бурятского народа событием, предрешившим его дальнейшую судьбу, было вхождение Бурятии в середине XVII века в состав России.

Прослеживая историю своего края, поэт обращается к наиболее значительным ее моментам: тут и народная легенда о Шилдэй-занги, бурятском военачальнике-патриоте, казненном маньчжурскими чиновниками, и декабристы, сосланные в Забайкалье, и первый бурятский ученый Доржи Банзаров, и верный ученик Ленина Иван Васильевич Бабушкин... И, конечно, образ самого вождя революции, руководителя первого в мире многонационального социалистического государства. «Учитель мой—Ленин», так назвал Н. Дамдинов свою новую поэму — взволнованное поэтическое повествование о свете великих ленинских идей, озаривших путь к новой жизни большим и малым народам.

Исследуя проблемы истории, поэт смело перекидывает мосты из революционного прошлого народа в настоящее. Реалии минувших лет и эпох, образы и мотивы фольклора приобретают в его стихах и поэмах новое значение, выражают обогащенный временем эстетический опыт советского человека.

В песню бурятского поэта органично входят свист охотничьих стрел предков и грохот космических кораблей двадцатого века. И творчество Николая Дамдинова мне представляется главами одной большой книги о судьбах отчего края, которую он пишет с любовью к родному народу, своей многонациональной Родине.

Владимир НАМСАРАЕВ

Любимица степи

Красавица речка,
Любимица степи — Онон.
Рассвет заалеет —
Ты тем же пылаешь огнем.
Подернешься синью,
Коль синью объят небосвод, —
Живое как будто бы
Певчее зеркало вод.

Красавица речка,
О чем ты поешь?
Обо мне?
О предках моих,
Об ушедшей в века старине?
Ты помнишь о прошлом,
Легенды слагаешь о нем.
Ты — память народа,
Любимица степи Онон.

Соседями люди
Становятся у родника.
В семью собирает людей
Небольшая река.
Большая роднит в своем лоне
С народом народ.
О братстве поет мне
Подвижное зеркало вод.

Красавица речка,
Любимица степи Онон,
В тебе отражались
И зарева красных знамен,
Огни новостроек.
Ты слышала песню гудка.
И все отражала
И запоминала река.

Онон,
Ты, знакомая
С посланным к звездам огнем,
О будущем думая,
Песни слагая о нем,
Готова, как прежде,
И берег волной веселить,
И веслами машешь,
И жажду спешишь утолить.

Алексей БАДАЕВ

Беспокойство

И я —
как прежде предки по степям —
по стройкам, людным и большим, кочую.
А за спиною по моим стопам
встают дома.
И в сторону какую
ни шел,
за мной — то город, то село.
И предкам не понятно это свойство.
Но то же мне досталось беспокойство,
что их кибитки по земле гнало.
И по душе мне этот непокой.
Как прежде, мне оседлость не знакома.
В степи, в тайге,
на стройке заводской
живу по новым «кочевым» законам.
Не мне улиткой прятаться в тени,
к раскатам дня прислушиваясь хмуро.
Пусть мускулы звенят, как струны хура*.
Под звуки их —
хоть песню затяни.
Мой труд люблю.
Людей люблю вдвойне,
за их судьбу все время беспокоюсь.
И непокой,
и странствие такое
призванием даны с рожденья мне.

* Музыкальный инструмент.

Солбон АНГАБАЕВ

■

Ты где, мой день?
Я жду,
найди меня!
Минул ли ты,
иль скоро постучишься?
На крыльях ли,
на поезде ли мчишься?
Какого ты облюбовал коня?
Вот только жаль,
не современны кони...
Какие краски вдоль твоих дорог?
А может быть, как лист, меня погонят
холодные ветра твоих тревог?
Ты где-то есть.
Я знаю, что ты светел
и смел,
как эта голубая высь,
упруг,
как в парусах попутный ветер...
Где ты, мой день?
Откликнись,
отзовись.
Ты явишься —
и труд мой словно вечен.
А без тебя
я — ни велик, ни мал...
Толкни меня по-дружески при встрече,
чтоб я в толпе судеб тебя узнал.

Перевел с бурятского В. ПРОТАЛИН

Дамба ЖАЛСАРАЕВ

Байкальские строки

Ты даришь, Байкал величавый,
Мне звонкие волны-слова —
Сказания древнего главы,
Исполненные волшебства.

Они, многоцветьем сверкая,
Заманчивы, как новизна,
Они глубоки, как людская
Душа, — не добраться до дна!

То движутся плавно, как будто
Беспечных подружек гурьба,
А то повернут они круто,
Стремительные, как судьба.

То ль клекотом кличут их птицы,
То ль гонит их грозный бурун —
Встревоженные кобылицы,
Те волны бегут, как табун.

То бьются о мощные скалы,
А то захлестнут их взахлест,
То бег прекратят небывалый,
Распавшись на тысячи звезд.

Но вечен поток их широкий,
Как будто искусной рукой
Суровые пишутся строки,
Чтоб нежной смениться строкой.

Немало здесь песен звучало,
Веками народ их слагал,
Но ты — всех начал ты начало,
Великая песня — Байкал!

Перевел с бурятского С. ЛИПКИН

АРХИВ «ЛГ»

«ВДУМЧИВЫЙ ТРУД НАД СЛОВОМ...»

Исполнилось 80 лет со дня рождения А. Дейча, известного советского литератора, чья деятельность отличалась поистине удивительной многогранностью.

Литературовед и знаток театра, переводчик, мемуарист, А. Дейч оставил книги о Г. Гейне и Т. Шевченко, Д. Свифте и А. Навои, Лесе Украинке и великом французском актере Тальма, статьи о литературе и воспоминания о тех, с кем приходилось ему встречаться за свою долгую жизнь.

А. Дейч был поистине неутомимым пропагандистом украинской литературы, ее классического наследия, исследователем, переводчиком и, наконец, редактором собраний сочинений украинских классиков: Т. Шевченко, Леси Украинки, М. Коцюбинского, Панаса Мирного. Эта редакторская сторона деятельности А. Дейча — с виду наименее заметная — требовала огромных знаний и поистине самоотверженного труда.

В архиве А. Дейча сохранилось большое количество писем, так или иначе связанных с его редакторской работой.

Особенно интересны письма замечательного советского поэта Михаила Васильевича Исаковского в связи с работой над переводами Леси Украинки и Т. Шевченко. Сегодня мы публикуем фрагменты некоторых из них.

ЧИТАЯ письма Михаила Васильевича Исаковского к Александру Иосифовичу Дейчу, поражаешься прежде всего объему написанного: огромная стопа, около 300 страниц на пишущей машинке убористого текста, в сущности — целая книга. Книга, которая могла бы рассказать не только о результате работы (результат — совершенные переводы из Т. Шевченко, Леси Украинки, М. Рыльского — широко известен), но о самом процессе ее, зачастую волнующе захватывающем и во многом поучительном.

Сам Михаил Васильевич не придавал этим письмам особого значения и по прошествии 20 лет даже почти забыл о них. Но очевидно, что носившая исключительно рабочий характер переписка М. Исаковского и А. Дейча выходит за эти узкие рамки и становится фактом литературы. К сожалению, писем А. Дейча почти не сохранилось, и об их содержании можно судить лишь на основании ответов Михаила Васильевича.

Он имел обыкновение на каждое редакторское замечание — сделано ли оно было устно, или в виде заметок на рукописи, подчеркиваний, или в иной форме — отвечать письменно, обосновывая свое согласие с редактором и особенно подробно причины несогласия, если таковые случались. Последнее наиболее интересно: рассуждение об уместности употребления в данном случае того или иного выражения могло перерасти в настоящую статью о языке, исполненную с неподдельным пафосом подлинного мастера слова.

Совместная работа А. Дейча — редактора и М. Исаковского — переводчика сначала над переводами Леси Украинки, а потом Т. Шевченко началась с письма Александра Иосифовича от 2 июля 1952 года, в котором он высказывал ряд замечаний по поводу уже изданного (в 1946 году) перевода драмы-феерии Леси Украинки «Лесная песня», одного из самых пленительных и поэтических созданий украинской поэтессы.

Одновременно А. Дейч послал М. Исаковскому экземпляр перевода со своими замечаниями и замечаниями М. Рыльского — другого редактора издания.

Прошло всего четыре месяца, и М. Исаковский прислал новый перевод «Лесной песни», сопровождаемый обширным письмом:

Дорогой Александр Иосифович!

Посылаю Вам новый вариант перевода «Лесной песни» Леси Украинки.

Собственно говоря, это даже не новый вариант, а новый перевод.

Дело в том, что я все сделал заново — от начала до конца. Я исправил не только те неточности, которые Вы подчеркнули, но, по собственной инициативе, переделал и многие другие места, хотя они и не были подчеркнуты Вами, как неправильные или не совсем точные. Конечно, при этом я в значительной степени использовал и прежний вариант своего перевода, но все же особенно на него не полагался...

...Вообще говоря, «программу» я выполнил, как мне кажется, полностью и даже перевыполнил (уже по собственной инициативе).

Тем не менее мне хотелось бы поговорить с Вами о некоторых отдельных моментах, может быть, и не имеющих существенного значения, но все же важных с моей точки зрения.

Вот, например, слово «аж». Вы подчеркнули его, очевидно, как слово, нуждающееся в замене, как «украинизм», который необходимо убрать. Я последовал Вашему совету и убрал это слово. И все-таки я считаю, что это слово вполне можно было оставить. Дело в том, что это слово очень распространено в русской речи. Это не украинизм. Это слово в такой же степени принадлежит русскому языку, как и украинскому. Его употребляют буквально все: не только, скажем, рабочие или колхозники, но и интеллигенция. В том числе, конечно, и писатели. «Я так старался, аж вспотел»; «Мне было жаль его аж до слез» и пр., и т. п. Все это фразы вполне закономерные в русском языке. Их услышать можно на каждом шагу (хотя слова «аж» и нет, к примеру сказать, в словаре Ушакова). Я сам употреблял неоднократно это слово в своих стихах и буду употреблять его дальше, если оно мне понадобится...

Слово «аж» — очень емкое слово. Вот, смотрите, что получается, когда это слово выбрасывается и заменяется другим.

Во втором действии «Лесной песни» Русалка говорит Мавке:

Ну, и пускай теперь опустит траур
аж до земли! —
тот ветер обнимать
ей не придется — он
уже промчался.

Слово «аж» в данном случае просто нечем заменить. Все другие слова, которые можно поставить на его место, не могут выразить того, что выражает оно.

Можно вместо слова «аж» поставить слово «даже» (конечно, сделав соответствующую перестановку, чтобы сохранить ритм стиха). Однако слово «даже» звучит не так «густо», как «аж». Слово «даже» — более «бледное» и менее емкое, чем «аж». Может быть, я не могу этого доказать Вам, но я это чувствую каким-то внутренним чутьем, чувством языка.

Что же остается дальше? Слово «аж» можно заменить словом «хоть» или «хотя бы». Но это слово «двуличное». Оно заключает в себе и понятие максимальности, и понятие минимальности. Например: «дай мне хоть каплю воды» (минимальность). Или: «хоть убей меня, все равно я буду стоять на своем» (максимальность).

И вот представьте себе, что в приведенных строках слово «аж» заменено словом «хоть». Что получается?

Ну, и пускай теперь опустит траур
хоть до земли!

Что значит это «хоть до земли» — минимальность или максимальность? Значит ли это — «хотя бы только до земли» (то есть минимум «до земли») или — «хотя бы до семой до земли, до предела» (то есть максимум)? Все это не совсем ясно. И только по смыслу приходится догадываться, что именно хотел сказать автор (или переводчик).

Я заменил слово «аж» словом «вплоть» («вплоть до земли»). Это довольно точно. Но такая «точность» я поэзии мне не очень нравится. В поэзии всегда должен оставаться какой-то простор, какая-то возможность, чтобы читатель сам мог представить те явления, о которых говорит поэт.

Вот почему слово «вплоть» мне не особенно нравится. И если бы Вы ничего не имели против слова «аж», то я охотно оставил бы его. Право же, слово это хорошее и всем понятное.

Жаль, что размеры газетной публикации не позволяют привести и другие рассуждения Михаила Васильевича по поводу тех или иных слов...

Новый перевод был действительно новым, но работа над «Лесной песней» на этом не кончилась. Вспоминаются бесконечные обсуждения смысла тех или иных выражений подлинника, стилистических и смысловых оттенков слов. Наконец все спорные вопросы были более или менее улажены, но все же их оставалось немало.

8 декабря 1952 года А. Дейч посылает М. Исаковскому следующее письмо:

Дорогой Михаил Васильевич.

...Я все-таки еще раз внимательно перечитал рукопись Вашего нового (именно нового) перевода «Лесной песни». Позволил себе сделать замечания в тексте и на полях. Прошу, посмотрите их.

Следя за Вашей кропотливой переводческой работой, думаю о том, как личность переводчика — критика и истолкователя произведения — решает качество перевода. Давно мне хочется написать о работе переводчика, да все нет времени. Ваш вдумчивый труд над словом, над глубоким изучением подлинника дает множество примеров для такого рода теоретической статьи о переводе. Ведь каждый переводчик неизменно влияет на переводимое произведение, потому что он вкладывает в перевод свое восприятие этого произведения; и «Лесная песня» Леси Украинки в Вашем переводе окрашена поэтической индивидуальностью Исаковского.

Еще раз сердечное Вам спасибо за большой труд во славу украинской и русской поэзии.

Ответ М. Исаковского (через 2 месяца) занимает 13 машинописных страниц и включает 52 пункта.

Некоторые из этих пунктов чрезвычайно лаконичны: «...с Вашей поправкой на стр. 129 согласен». Другие более развернуты.

Но наиболее интересны, конечно, те, где Исаковский, не соглашаясь, спорит, убеждает, доказывает, обнаруживая неизменно тонкое чувство языка. Приведу лишь один из них:

...Вы предлагаете вместо

«все гати, все запруды
свожу на нет повсюду»,

написать так:

«все гати, все запруды
ломаю я повсюду».

Я думаю, что эта переделка не улучшила бы текст. Конечно, можно употребить слово «ломаю», но оно все же мало подходит, когда речь идет о плотинах и гатях. Както немножко несуразно звучало бы выражение «я ломаю гати», «я ломаю запруды». Гати и запруды все-таки не «ломают», а делают с ними что-то другое.

Тут бы больше подходило слово «смываю», но это слово уже употреблено немного выше («плотины размываю») и употреблять его вторично нельзя.

Можно было бы сделать так:

«все гати, все запруды
срываю я повсюду».

Но и этот вариант меня не удовлетворяет по той причине, что слово «срывать» имеет двойной смысл (например: срывать дверь с петель, срывать землю). Оно в моем представлении звучит как-то не крепко, не совсем определенно.

Учитывая все это, я и поставил выражение «свожу на нет». Это выражение, во-первых, мне кажется энергичным и, во-вторых, оно как бы заключает в себе все другие понятия (разрушаю, смываю, разбиваю и пр.). И я думаю, что оно является самым подходящим.

Впрочем, если редакция очень уж настаивает на переделке, то надо будет сделать так:

«срываю я повсюду»

(но, повторяю, меня это устраивает меньше).

В конце концов новый перевод «Лесной песни» был создан, и, по справедливому замечанию А. Дейча, этот яркий перевод, «окрашенный поэтической индивидуальностью Исаковского», стал самостоятельным явлением поэзии.

В библиотеке А. Дейча среди наиболее дорогих ему книг стоят издания «Лесной песни» с теплыми надписями М. Исаковского. Приведу одну из них:

Дорогой Александр Иосифович. Вы больше многих других знаете, цените и любите украинскую литературу, больше многих других сделали и делаете для того, чтобы эта литература звучала на русском языке. И именно Вам я хотел бы подарить это на редкость поэтическое, на редкость прекрасное произведение Леси Украинки, в переводе которого мне посчастливилось принять участие. Желаю Вам всего самого лучшего. М. Исаковский.

Публикация Евгения ДЕЙЧ

К 70-летию со дня рождения Гафура Гуляма

ЩЕДРОСТЬ МАСТЕРА

ГАФУРУ ГУЛЯМУ сегодня исполнилось бы семьдесят лет. И трудно представить себе, что нет в живых поэта, который своим могучим, удивительно многогранным и на редкость современным талантом возвеличил узбекскую поэзию, ярко и вдохновенно воспел героические дела советского народа, строящего коммунизм.

Гафур Гулям был поэтом поистине народным. Он принадлежит к тому славному поколению литераторов, на долю которых выпала трудная и вместе с тем благородная миссия — быть зачинателями многонациональной советской литературы. Вышедший из народа, он никогда не проходил мимо того, что совершается в жизни соотечественников, он жил их делами и думами, делил с ними радость и печаль. Не случайно узбекский поэт с гордостью повторял: «Я солдат своей партии, язык своего народа».

С первых же шагов Гафур Гулям обращается к жизни, труду, мыслям и чувствам своих земляков, завоевавших свободу, вступивших в братскую семью народов Советской страны. Пятьдесят лет назад было опубликовано его первое стихотворение, и с тех пор поэт-трибун, поэт-лирик, пламенный публицист, неустанно славил вдохновенный труд народа.

О строящие зданья коммунизма!
Навек прославлен ваш геройский труд.
А труд народа, доблесть и уменье —
То, от чего поля страны цветут.
И город, что на новых землях встанет,
Любой кишлак цветущий и колхоз
Поклонятся тебе,
строитель коммунизма,
Поклонятся с букетом нежных роз.

В годы Великой Отечественной войны, в суровый для нашей Родины час пламенные стихи узбекского поэта звали бойцов и тружеников заводов и фабрик, колхозов и совхозов на ратные и трудовые подвиги, вселяли уверенность в нашу победу.

...Мы вместе с ним росли. Удивительный это был человек! Я восхищался силой его ума, теплом его сердца, его бурлящей молодой энергией. Нет такого уголка в Узбекистане, где бы не побывал Гафур Гулям. С любовью и вдохновением писал он стихи о трудовых победах братских народов — нефтяников Азербайджана и машиностроителей Москвы, хлеборобов Украины и металлургов Грузии... Всюду у него были друзья, везде он был желанным гостем — у колхозника и рабочего, студента и ученого, строителя и школьника. И там, где появлялся Гафур Гулям, царили радость, смех и шутки — он обладал неистощимым даром острослова. Дом Гафура Гуляма в Ташкенте всегда был широко открыт для всех, кто хотел с ним встретиться, поговорить по душам. А для нас, поэтов, этот дом стал своеобразным штабом поэзии: мы шли сюда со своими новыми стихами, чтобы услышать требовательную и откровенную оценку, поделиться замыслами, а нередко и за тем, чтобы создать коллективное поэтическое произведение.

Он щедро делился своими знаниями и опытом, был тонким и глубоким знатоком народной речи, фольклора, мировой литературы. Он мог часами читать на память стихи Навои и Хафиза, Саади и Бедиля, Хайяма и Фурката. Впервые в его доме мы услышали на родном языке бессмертные творения Руставели и Шекспира, Пушкина и Лермонтова, Шевченко и Бомарше, Маяковского, Пабло Неруды и Бехера...

Кто же был учителем самого Гафура Гуляма?

Прежде всего — узбекская классическая поэзия и великая русская литература. Как яркие вспышки, осветившие всю творческую жизнь поэта, были его встречи с Максимом Горьким, любовно и заботливо относившимся к молодым писателям братских республик; знакомство со стихами Маяковского, которого он потом начал переводить на узбекский язык; творческая и личная дружба с выдающимися представителями русской советской литературы — А. Серафимовичем, Н. Тихоновым, А. Твардовским, В. Луговским, М. Светловым, К. Чуковским, Н. Погодиным...

Пожалуй, не назовешь ни одного крупного современного советского писателя, с которым он не был бы знаком. Близкими друзьями Гафура Гуляма были украинцы П. Тычина и М. Рыльский, белорусы Я. Колас и П. Бровка, азербайджанцы С. Вургун и С. Рустам, казахи М. Ауэзов и С. Муканов, таджики С. Айни и М. Турсун-заде, киргизы А. Токомбаев и К. Маликов, туркмены Б. Кербабаев и К. Сейтлиев, грузины Г. Леонидзе и С. Чиковани, многие другие прозаики и поэты нашей многонациональной литературы.

Гафур Гулям часто повторял нам, что его учитель В. Маяковский призывал мастеров слова устремлять свой взор вперед, предвидеть будущее, быстро понимать и улавливать все новое, прогрессивное в жизни. Следуя этому завету великого поэта революции, Гафур Гулям всегда был на переднем крае событий, откликался на все, что происходило в нашей стране. Его поэзия, воспевающая пламенный советский патриотизм, проникнутая жизнеутверждающим пафосом борьбы, была устремлена в будущее. Многогранное новаторское творчество Гафура Гуляма, отличающееся необычайно разнообразной тематикой, глубокой идейностью, подлинным интернационализмом, высоко оценено Коммунистической партией и Советским правительством: произведения народного поэта Узбекистана Гафура Гуляма удостоены Ленинской премии и Государственной премии СССР.

УЙГУН, народный поэт Узбекистана

Евг. ЕВТУШЕНКО

В ПОЛНЫЙ РОСТ

ПОЭМА

— В феврале этого года, — сказал корреспонденту «Литературной газеты» поэт Евгений Евтушенко, передавая рукопись новой своей поэмы «В полный рост», — я побывал в деревне Чернушки, где погиб Александр Матросов. Я также побывал в детском доме, где он воспитывался. Ныне этот детдом носит его имя. Выступление с чтением стихов в этом детдоме было, пожалуй, одним из самых трудных в моей жизни. Аудитория состояла из детей от 4 до 17 лет, и, кроме того, я необыкновенно волновался — читать в тех стенах, где в воздухе еще чувствуется живое дыхание Саши... В результате родилась поэма, в которой, пересекаясь, проходят две темы — тема героическая и тема детдомовских детей, оставшихся одинокими или в силу трагических обстоятельств, или в силу непростительного невыполнения кем-то родительского долга. Эти две темы я хотел соединить в поэме, как связующей нитью, мыслью о Родине, не бросающей детей, даже брошенных родителями, о ее роли воспитательницы подвигов.

I.

Как пустотелый колос,
песня слабей волоска,
если не в полный голос —
только вполголоска.
Как голосищем ни грохай,
песня еще не всерьез,
если перед эпохой
встанешь не в полный рост.
Людям до полного роста
надо расти и расти,
чтобы, как Саша Матросов,
к подвигу доползти.
Саша Матросов,
Россия —
это не разорвешь.
Это понятья родные —
кровью не разольешь.
Родину не выбирают —
Родину с жизнью дают.
Пусть нас враги убивают —
Родину в нас не убьют.
Маму не выбирают,
не выбирают отца.
Бросив детей,
обирают
крошечные сердца.
Саша Матросов на фото:
строгие складки у рта.
В скулах недетское что-то —
стриженый сирота.
Не был ты брошен,
Саша —
померли тятька и мать.
Все-таки было страшно
брошенность понимать.
Ржавая чья-то селедка
не приставала к рукам,
если:
«Поешь, сиротка...»
теркою —
по кишкам.
Саша, куда ты, Саша?
Въелась на лбу под вихром
от паровозов сажа
черным сиротским клеймом.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ:

По-над Волгой
и на Волге
синета,
синета,
а твои глаза наволгли,
сирота,
сирота.
У земляцы нашей русской
широти,
широта,
но бредет дорожкой узкой
сирота,
сирота.
Не спасет себя обедней
в сермоте,
в сермоте,
кто не даст кусок последний
сироте,
сироте.
И навек в миру прославит
доброту,
доброту
тот, кто на ноги поставит
сироту,
сироту.

Родина рано вставала.
Строил народ, колдовал,
только что из подвала,
пряменько — в котлован.

Полымем пятилеток
встали Магнитка, Турксиб,
но проходил по телегам
скрытно тоскующий скрип.

Родина бедовала,
но ни в какой недород
все-таки не выдавала
в руки сиротству —
сирот.
Вырвали из отбросов,
вырвали из шпаны
душу твою, Матросов,
сильные руки страны.

■

Если беспутство, скотство
в матери и отце —
сызмальства чувство сиротства
в худеньком огольце.
Если народ не забудет
брошенного мальца,
чувство народа будет
в нем, будто чувство отца.
Ты, поднимаясь, поднял
тех, кто народом сильны.
Усыновленный подвиг —
это дитя страны.
Подвиг, в детдоме росший, —
это не случай, не рок.
Тот, кто народом не брошен,
после не бросит народ.

■

Не густа детдомовская каша,
все же —
наша.
Вязок черный хлеб с полынью,
Саша,
но полынь горька,
а все же наша.
Если испытанья —
это чаша,
эта чаша
тоже будет наша.

2.

А в руках у Гайдара
гроздь воздушных шаров.
Нет прекраснее дара
для косичек, вихров.
Сам, как детям подарок,
встал Гайдар у кафе,
словно в полугитарах,
в боевых галифе.
Он чуть-чутошно выпил.
Он болезненно желт
и предчувствует —
гибель
за углом стережет.
Но тугими шарами —
связкой пестрой, живой,
как другими мирами,
он трясет над Москвой.
Красный сказочник звонкий,
вождь ручьев, детворы,
раздает он в ручонки
наливные миры.
Шар упрямый, багровый
сам рванулся из пут.
Дышит, — ниткой суровой
перевязанный пуп.
И над кромками кровель
шар в бездонье небес,
словно капелька крови,
растворился, исчез.
Красный сказочник басом,
так, что слышит Москва!
«Ну-ка вместе и—разом —
выпускаем, братва!»
Вот шары потянуло.
Миг, и с ними взлетишь.
В них — команда Тимура
и Мальчиш-Кибальчиш.
Над Кубанью и Доном
кружат эти шары
и над волжским детдомом
у зеленой горы.
Саше спать не мешая,
опускается шар,
и выходит из шара
сам писатель Гайдар.
Он садится на койку,
Саше свой до строки,
и блатную наколку
взглядом сводит с руки.
Пахнет порохом, скаткой
Красной Армии Тиль...
Что воспитано сказкой,
превращается в быль.

3.

У лошадей подрагивают холки.
Ты слышишь, Саша, —
где-то рядом волки.
Еще не те,
которые грядут
с закатанными нагло рукавами
и с воем,
словно стая роковая,
по нашему Отечеству пройдут.
Смертельный бой вести,
платить с лихвой
и за ошибку чьи-то — отступленьем.
Но наступленье станет искупленьем
и столькое искупит подвиг твой,
и в памяти всемирной не умрет
Матросовых и Теркиных народ.
...Так будет,
а пока ты, Саша, — мальчик,
и крыльями
костер тревожно машет.
Еще без черной свастики на лапах
здесь волки воют
и пугают слабых.
Но в нашем детстве —
помните, историки! —
и трусости,
и мужества истоки,
и ты,
бросаясь к рыжему огню,
выхватываешь
гневно
головню.
Серой вашей власти,
волчьей вашей власти
головнею —
в пасти!
Головнею —
в пасти!
...Мы хоронили стольких
без гробов,
еще живых
нас отпевали пули,
но головнями наших городов
мы глотки гауляйтеров заткнули.
Прав тот,
кого толкает горе в бой.
Нет в мире выше
доблестного долга
стать самому
горящей головней,
заткнувшей пасть хоть одного,
но волка!

4.

Саша, ты любил до дрожи
под метельный перехлест
встать, в руках сжимая вожжи,
в полный рост,
в полный рост!
Снега рыжего охапка
под ногами хороша,
и не зябко,
если шапка
отлетела, как душа.
Сани взмыли, не елозя.
Полушубок ветром сжат,
и полозья
на морозе
упоительно визжат.
Лес шатается в угаре.
Каждый ствол сулит синяк.
Словно в космосе Гагарин,
мчит Матросов на санях.
Из чего же ты,
Матросов,
сделан,
слеплен,
сварен,
сбит?
А из русского мороза,
из того, как снег слепит,
из полыни, повилики,
из гармошек вдоль села,
из улыбки поварихи,
той, что лишку подлила,
из детдомовских, но лесен,
из босых, но трубачей —
ведь никто тебе со спесью
не сказал, что ты — ничей.
Пастухи и мотористы
у костров просили: «Спой!»
Их отцовство, материнство
воспитало подвиг твой.
Есть ли в подвиге случайность?
Утверждаю правоту,
где отчаянье —
в отчаянность
вырастает на лету.
Где полет — не все равно ли! —
в небе с верным «ястребком»,
или в страшном белом поле
на врага полет ползком.
И гагаринское детство
ты от имени сирот
заслонил,
вставая дерзко
в полный рост,
в полный рост!
Как Матросов, жить непросто,
и в житье-бытье своем
часто мы встаем вполроста
и вполголоса поем.
Мы не празднуем ли труса,
если бой,
а мы — в кустки?
Это как-то не по-русски
и вообще не по-мужски.
Если цвесть —
так в полный колос,
если взмыть —
так выше звезд,
если петь —
так в полный голос,
если встать —
так в полный рост!

5.

Деревня Чернушки,
ты помнишь — когда
частили частушки,
бренчали стада?
Под плеск перелесья,
под звоны удил
старинные песни
народ заводил:

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ:

Какая у песни народной судьба?
Такая же, что у народа.
Народ —
он от радости
пел не всегда,
и чаще — надрывно, надгробно.
Какая у песни народной судьба?
Как ночь, но уже с петухами.
Беременна песней спина у раба,
когда ее бьют батогами.
Какая у песни народной судьба?
Такая, как рожь поспевает.
Народ — он и сам отпевает себя,
и сам он себя воспевает.
Какая у песни народной судьба?
Такая, как латки на латках.
Но ягодки огненного суда —
с разгульных цветов на трехрядках.

И встали Чернушки,
и встала тайга,
отбросив чекушки
носком сапога.
Под бас Левитана
у каждых ворот
полынь лепетала,
просила: «Вперед!»
И Гжатск, и Полесье
пошли на фашизм,
и новую песню
придумала жизнь.
Та песня, не дрогнув,
вставала в огне
о нашей народной
священной войне.
Не крохотной точкой
и не запятой —
Матросов был строчкой
той песни святой.
Деревня Чернушки,
дай шапку сниму.
Ты помнишь веснушки
бойца на снегу?
Угрюмо и грузно
качались леса.
Как плакальщиц русских —
«Катюш» голоса.
Слезами металла,
прицельным огнем
Россия рыдала
всемирно о нем.
Ему не потрогать
девчонки-связной.
Ему не погрохать
в Берлине кирзой.
К союзным солдатам
по Эльбе не плыть,
и виски с мулатом,
обнявшись, не пить.
Смешливый, смуглявый,
упавший на дот,
он «Теркина» главы
уже не прочтет.
Уже не услышит
ни Баха, ни джаз,
и в душу не вдышит
ни Братск, ни КамАЗ.

А вот повариха
грустит об одном:
заехал бы тихо
в свой бывший детдом.
Вошел бы не сказкой,
а жив и здоров
с гайдаровской связкой
воздушных шаров.
Погладил бы
стихших
у белых колонн
детишек,
детишек,
таких же, как он...

6.

Жертвенность подвига одиночки
не переломит истории ход...
Бабы шептали: «Сынки, сыночки...»,
благословляя на подвиг народ.
Благословили горящие ложки,
благословила матерь-страна
триста Матросовых —
если не больше, —
только другие у них имена.
Кто они?
Русские и украинцы,
и белорус,
и еврей,
и узбек.
Национальной границы
в подвиге нет и не будет вовек.
Кто всенароден
в примере бесстрашия,
тот в человечестве не одинок.
Это сестренка французская Сашина
грудью на рельсы —
войне поперек.
Всюду деревня Чернушки,
где бомбы,
где оккупанты идут по телам.
Сашины черточки —
в парне из Беркли,
жгущем повестку свою во Вьетнам.
Где-то под взрывы
неровными буквами
новое имя пришлось записать —
Саша, ты в джунглях
вьетнамских бамбуковых
ползи на врага, воскресая опять.
Ты перед нами и перед вечностью
памятник борющийся, живой.
Подвиг становится всечеловеческим,
если он был всенароден, как твой.

7.

Сверкает утро горнами,
и галстуки горят.
Идет отряд по городу —
матросовский отряд.
Как глупо быть насупленным!
Танцуют, хохоча,
веснушки на облупленном
носу у трубача.
Трубач белесый, тоненький,
ты скуку прогони,
и что-нибудь, и что-нибудь
такое прогорни!
Вы пойте полным голосом,
девчата, пацаны.
Вы — будущая молодость
и зрелость всей страны.
Пусть ваша жизнь получится
из добрых, умных дел.
Кто в детстве думать учится —
тот в молодости зрел.
Умейте сразу броситься
во имя всех сирот
бесстрашно, по-матросовски,
за друга, за народ.
И пусть костер не гасится
в тебе или во мне,
когда такие галстуки
трепещут по стране.
Пусть, свежим ветром обданы,
с бессмертьем говорят
все дети нашей Родины —
матросовский отряд.

8.

Саша, в твоем детдоме
я окружен ребятней,
будто бы на ладони
перед тобой и страной.
Строго заправлена койка,
узкая койка твоя.
Гидша лопочет бойко,
мне о тебе говоря.
Гидше двенадцать — не больше.
Галстучком красным горда.
Думаю сдавленно: боже,
тоже ведь сирота!
Чистые спальни и классы,
но не забуду о том,
что и детдом прекрасный —
все-таки это детдом.
Действует диорама.
Саша, на дот пора.
Там, за стеклом, проорало
русское наше «ура!».
Что-то ревет, скрежещет,
и повторяет для нас
Саша Матросов из жести
подвиг в стотысячный раз.
Саша, в твоем детдоме
жалкого нет лица.
Все для детишек — кроме
матери и отца.
Трепет необычайный
вижу в глазенках детей.
Дети с надеждой тайной
смотрят на взрослых гостей.
Детскую горькую драму
не прикрывает уют.
Ждут они папу и маму —
может, придут и возьмут.
Этих детей не взяли.
Чем провинились они!
Что прочитаю в зале,
полном такими детьми!
Что-то с глазами не слежу.
Помню я все-таки то,
что и Матросова Сашу
в дети не взял никто.
Разве никто! Неправда.
Взял его в дети тот
строгий отец, чье право
так называться: «народ».

9.

Просто живой —
не фанерный,
не бронзовый,
шкурою знающий, что почем,
был а не раз,
как ребенок брошенный,
не защищенный ничьим плечом.
Клацая челюстями невесело,
все-таки помнил,
не став причитать:
есть — слава богу! — во человечестве
та,
кому горько могу прошептать
«МАМА!»,
и вновь на Четвертой Мещанской
в доме, где тополи жмутся к окну,
слишком большой,
чтобы тем умащаться,
все же калачиком в прикорну.
Старый наш домик,
полусарай,
словно твой томик,
дядя Гиляй.
Полон историй,
он перед сном
ерзает, стонет —
время не слом.
Всхлип водостока:
«Люди, зачем!»
Это жестоко
и насовсем.
Домик-дворняга,
вечно я твой.
В сердце двояко,
но не раздвой.
В доме со шпилем
я водружен.
Тортовым стилем
я окружен.
В окна лепные
хлещет метель.
Рядом «Россия» —
то есть отель.
Болью пронизан
я о былом,
словно прописан
в доме на слом.
Старый наш домик
у тополей,
спрячься, как гномик,
и уцелей.
Как-нибудь вывернись,
людям прости
и среди вывесок
вновь прорасти.
По-стариковски,
словно привет,
высунь авоську
на шпингалет.
Выкрутись, выживи
навсегда
с мокрыми, рыжими
сосульками льда,
снова — с девчоночками
в кошачьих манто,
снова — с бочоночками
лото,
с хриплым Утесовым
за стеной,
с гадким утенком —
то есть со мной.
Самый мой самый,
выжить сумей,
главное — с мамой,
с мамой моей...

10.

Есть ли что более в мире
грабительское,
чем обокрасть не кого-то —
детей!!
Дети,
не знавшие дома родительского,
благословляю вас болью своей.
Что передачки веселые радио
или плакатики «Детям—цветы!»,
если простая возможность украдена
«мама» и «папа» произнести.

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ:

Дитятко без матушки,
словно льдинка льдинная.
Царские палатушки —
не изба родимая.
Дитятко без батюшки
холеное-холеное,
и в красивом платьюшке
голеньков-голеньков.

Если убиты родители, умерли,
взрослые могут понять —
это смерть.
В детских глазенках
недетские сумерки —
этого им не понять, не суметь.
Как же поймут они,
нравственно ранены,
ваше притворное умирание,
папочки, мамочки типа «фьюить»!
Как они могут счастливыми быть!

К сожалению, к слову «отец»
часто просится рифма «подлец».
Разбежались во все концы
по планете отцы-беглецы.
Как живется таким отцам —
производства сирот молодцам!
Пусть целуют таких отцов
лишь достойные их, стервецов.
Пусть, подобный таким отцам,
сиротой станет в старости сам.

Собственных ваших детей предатели,
может быть,
к детям чужим вы нежны!
Вы ощущеньем вины придавлены
или не чувствуете вины!
Худенький призрак Оливера Твиста
не посещает ночами вас!
И погремушка в аллеях ветвистых
вас не страшит,
как набатный глас!
Горько от вашей духовной увечности.
Стыдом бездетный фальшивый уют.
Предели будущее человечество
те, кто детей своих предают.
Дети для вас —
это нечто бросовое!
Вздрогните,
если душой не мертвы —
может, грядущего Сашу Матросова
бросили вы...

11.

Словно в саваны одеты,
босиком по детдомам
поздней ночью бродят дети,
бродят, ищут пап и мам.
И рабочие руки,
голубые, словно сны,
мам и пап, как из разлуки,
выскребают из стены.
И с закрытыми глазами
дети бродят сквозь огни
по Танзании, в Рязани
и в предместье Сен-Дени.
Шепчут губы их, слабея,
шевелясь едва-едва,
в Белебее и в Бомбее
те же самые слова.
Мокрой шерстью горько пахнут
на руках сквозь все века
слово «мама», слово «папа» —
два бездомные щенка.
Но при всем глобальном сходстве
тем я горд во наш народ,
что в стране отцов — сиротства
нету даже у сирот.
Вы откройтесь, наши самые,
и впустите в них детей,
что ощупывают землю —
нет ли матери на ней.
Тот, кто взял к себе ребенка
не от жиру — от души, —
сам и душе его легонько
превращенье соверши.
Избегай движенья злого,
а потом — тайком почти —
два украденные слова
ты ребенку возврати.
Пусть он, став умнее, старше,
полный внутренней весны,
будет, как Матросов Саша, —
сын приемный всей страны.

12.

«Не та мать, что родит,
а та, что сердцем наградит».
Русская пословица

Как вам смеркается,
как вам светается,
мамы духовные юных умов?
Низко я кланяюсь вам,
воспитательницы
детских домов.
Вот вы склонились над партами
с нежностью,
а по тетрадке вперед и вперед
перышко чье-то,
как полем заснеженным,
будто бы Саша Матросов ползет.
Родина детские души оттаяла,
и по закону добра и любви
Родина этих детей не оставила —
их завернула в знамена свои.
Нету сиротства,
где души оттаиваются.
Дух воспитующих — в учениках,
Словно великая воспитательница,
Родина ставит отметки в веках.

13.

Всей стране и, значит, мне, поэту,
доверяя самое свое,
написала девочка в газету,
что ее обидело хамье.
Вижу я сквозь мартовские прутья —
кто-то плачет горестно, навзрыд.
Там, на нераспутанном распутье,
юная вселенная стоит.
Что страшней, чем ранняя убитость?
Кто посмел с ухмылкой палача
юную вселенную обидеть,
лапу на нее поднять, рыча?
Нет, не самолет над головою —
словно горе горькое само
в самолете этом воем воет
сложенное вчетверо письмо.
Люди есть, как брошенные дети,
брошенные в сотни «почему?»,
если исповедаться газете
хочется, а больше никому.
Не забудь, родная, о хорошем,
соберись, не жалуйся, не плачь.
Может быть, он кем-то тоже
брошен —
юный твой нечаянный палач.
К людям взгляд очей твоих опухших
с тихою надеждой устреми.
Для тебя писали Моцарт, Пушкин,
девочка матросовской страны.
Верь в народ, как в строгого,
но друга,
если, учиняя свой погром,
встал антиматросовым хамлюга,
заслоняя Моцарта мурлом.
Хамство может быть не только
грубым —
часто вежлив самый хищный зверь.
Но и милым, нежным душегубам,
юная вселенная, не верь.
Сквозь плевки, усмешки, анекдоты
ты иди, Отечество храня,
на замаскированные доты
хамства, равнодушия, вранья.
Рановато, девочка, устала.
Ты сильна, а вовсе не слаба.
Крошечное знамя из металла
плещется над сердцем у тебя.
Так ли страшен чей-то пьяный гогот—
пострашнее с бомбами враги.
Ты но жди, когда тебе помогут, —
всем, кому несладко, помоги.
Девочка, я столько раз
был битым —
до сих пор в печенках боль печет,
но не вел я счет людским обидам —
вел хорошим людям точный счет.
Целая вселенная вопросов,
юная вселенная у нас,
но за нами все-таки Матросов —
нас для человечества он спас.
Я делю с тобою все до крохи,
и пускай уже не юный я,
нам с тобою вечно по дороге,
юная вселенная моя.

14.

«А это трудно — быть поэтом?»
Из вопросов воспитанников детдома имени Матросова

Антинароден тот
поэт под канарейку,
кто, видя рядом дот,
в траншейку прячет шейку.
Народен только тот
поэт, врагов разящий,
кто бросится на дот,
Отечеству грозящий.
Будешь трусом
и позорно сгинешь ты.
Трусостью никто себя не спас.
Жизнь дается в жизни
лишь единожды,
но и совесть — тоже только раз.
Кто огня боится перекрестного —
трус, а снисхожденья к трусам нет.
Тот поэт, в котором нет Матросова, —
это невзаправдашний поэт.

15.

Матросовское вечное начало
на Волго струги Разина качало.
Матросовское мужество полета —
в крылатости дерзнувшего холопа.
Во взглядах декабристов,
как в зеркале,
матросовские искорки мерцали.
Шатая басом
шар земной и космос,
матросовское перло в Маяковском.
И как Матросов миллионоликий,
поднялся на врага народ великий.
И щель в плотине Братской
на аврале
Матросовы собою прикрывали.
Пусть в человеке часто разность,
всякость —
Матросовым вовеки не иссякнуть.
Среди исканий, споров и работы
они идут невидимо на доты,
и нас в толпе толкают временами
Матросовы, не узнанные нами...

ИВАНОВКА—УЛЬЯНОВСК—МОСКВА
Февраль—май, 1973.

IV съезд художников СССР

Игорь ОБРОСОВ,
секретарь правления Союза художников РСФСР

КРАСКИ СОВРЕМЕННОСТИ

Итак, работа IV съезда художников СССР началась.

Здесь, в Большом Кремлевском дворца, испытываешь законное чувство гордости за наше многонациональное искусство, представители которого собрались на свой большой форум. Каждый из нас, художников, понимает всю ответственность за свой труд. Нас связывает в искусстве идейная общность, единство целей и задач, которые мы решаем сообща.

Работая, мы видим перед собой многомиллионную аудиторию советских людей, наших взыскательных зрителей, ощущаем постоянное внимание и заботу партии о развитии социалистической культуры.

Наши художники в последние годы работали много и плодотворно. Все больше полотен, скульптуры, графики посвящено кардинальным темам современности. Свидетельство тому — крупнейшие выставки последних лет. Наряду с московскими, ленинградскими художниками здесь интересно, отлично выступили художники из братских союзных, автономных республик. Любая выставка в столице и за много тысяч километров от нее свидетельствовала о росте нашего искусства, о его идейной, философской глубине, художественной силе. Вспоминаются произведение Т. Яблонской, В. Иванова, П. Оссовского, П. Никонова, В. Попкова, Д. Жилинского, С. Мурадяна, М. Савицкого, Т. Нариманбекова, Э. Илтнера и других, в которых современность оживала в образах, острых по мысли, по пластическому строю.

С советским изобразительным искусством в последние годы знакомились зрители не только нашей страны, но и далеко за ее рубежами. Во все уголки земного шара направлялись наши выставки. Мы стремились к тому, чтобы у зарубежного зрителя сложилось представление о социалистическом искусстве в целом, о его стилевом и жанровом разнообразии. Мне посчастливилось побывать на Кубе, в Венгрии и ГДР. Всюду я наблюдал живой, глубокий интерес к советскому искусству.

Большим успехом пользовалась за рубежом выставка, составленная из произведений молодых художников СССР. В печати отмечались пристальное внимание, любовь наших молодых художников к человеку, ко всему, что связано с нашей современностью.

Мы видим в нашей смене завтрашний день советского искусства. X пленум правления Союза художников СССР принял положение о мерах помощи и содействия в работе с молодыми художниками и искусствоведами, не являющимися членами Союза художников СССР. Это даст возможность молодому художнику жить и работать в постоянном общении с мастерами всех поколений, глубже чувствовать свою причастность к большому делу строительства коммунистического общества.

ВСТРЕЧИ С ИСКУССТВОМ

ТРУДНЫЙ «ЛЕГКИЙ ЖАНР»

Никита БОГОСЛОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

Статьей критика Ал. Михайлова «Почему-то грустно кошке...», напечатанной в прошлом номере «ЛГ», редакция начала разговор о песне. Эта статья была посвящена литературной основе песни — стихам.

Сегодня с полемическими заметками выступает композитор Н. Богословский. Тема его статьи — исполнительское мастерство наших певцов.

ЗВУК ПРОПАЛ неожиданно. Я повертел ручку телевизора туда-сюда, постучал по ящику: сначала тихо, потом сильнее, потом совсем сильно — никакого эффекта. Досадно.. Как раз передавали сборную программу, выступления советских и зарубежных эстрадных певцов. А впрочем, много ли я потерял? Репертуар был знакомый, а вокальные данные некоторых исполнителей, к сожалению, таковы, что зрители с пропажей звука... не слишком проигрывали. Решил посмотреть, последить хоть за манерой держаться на сцене.

И вот по экрану не по годам живо запрыгала, засмеялась дородная певица, исполняющая детскую песенку, ее полные руки описали несколько движений, достойных пловца. «Это значит, я играю на гармошке», — догадался я. Теперь рука исполнительницы, крепко зажавшая микрофон, совершала колебательные движения в вертикальной плоскости: поднесет микрофон ко рту — опустит вниз, потом опять ко рту — потом вниз. Тут я снова сообразил: «Это она ест пятьсот эскимо, подаренных волшебником». А песня продолжалась. Надув губы, изображая на лице обыженное недоумение, артистка допела ее, сетуя на то, что «день рождения только раз в году».

Поначалу это было забавно. Дальше начались сложности. Мимика исполнителей, их пластика настолько зашифровывали песню, не соответствуя ни теме, ни содержанию, что понять было ничего нельзя. Но вот на сцену вышла болгарская певица Лили Иванова, артистка, обладающая безукоризненным вкусом во всем, что касается эстрады. Выбирает ли она репертуар или инструментовку, платье или манеру исполнения, — кажется, что песня и певица рождены друг для друга. И свершилось мини-чудо. Телевизор словно ожил. Лили взмахнула рукой, прошлась по сцене, и каждое ее движение, каждый жест так точно передавали ритм песни, соответствовали ее образному и музыкальному строю, что мы... услышали песню. Услышали! Она звучала, рождала эмоции, заставляла переживать...

И с грустью вновь подумалось мне тогда, что непростительно мало у нас сегодня исполнителей, достойных славы Л. Утесова, М. Бернеса, К. Шульженко, Л. Руслановой — настоящих полпредов советской песни. И в жизни, и в искусстве они запомнились мне как очень разные люди, но у каждого из них я ценил и ценю то, без чего не стоит, по-моему, вообще выходить на сцену, — индивидуальность художника. Недаром говорили: «утесовская песня», «бернесовская песня»... О современных эстрадных песнях такое редко услышишь. В чем здесь дело? Почему так похожи друг на друга сегодняшние артисты эстрады? Отчего песни в их исполнении так часто сливаются в нечто безликое?

Есть некая двусмысленность в самом понятии «исполнитель эстрадной песни». Будто это человек, лишь «исполняющий» замысел композитора и поэта, а вовсе не их соавтор, не равноправный художник, не творец. К сожалению, часто так оно и есть. Редко, очень редко можно встретить среди артистов-песенников людей по-настоящему творческих, ищущих в песне возможность выразить себя, свое отношение к миру. Часто это только копиисты, исправно следующие партитуре.

Всегда были исполнители — и Исполнители. Люди, у которых жажда общения с аудиторией была столь велика, что их не могло остановить... даже отсутствие «классических» вокальных данных. Марк Бернес и Леонид Утесов с лихвой компенсировали эти данные своей удивительной музыкальностью, неповторимым пластическим рисунком поведения на сцене, обаянием, умением находить в каждой песне емкие образы. Ни Бернеса, ни Утесова нельзя назвать певцами в обычном смысле слова. Они не пели — они исполняли песню. Это было профессиональное музицирование, помноженное на мастерство драматических актеров. С их именами связано зарождение советской песенной эстрады — со своим лицом, своими темами.

Эта эстрада создавалась не на голом месте. В «утесовских песнях» мы узнавали порой то лучшее, что было найдено в свое время старыми куплетистами, вспоминали, как мастерски исполнял Борис Борисов свои песенки на стихи Беранже. А в задушевных, каких-то по-особенному теплых, человечных песнях Марка Бернеса слышался лиризм старинных русских романсов.

Но не только, в них были еще и новые ритмы, ритмы бурных, наполненных романтикой созидания предвоенных лет. С этими исполнителями мы, композиторы, создавали песни, выражавшие свое время. И может быть, в этом главный секрет их популярности в 40-х годах.

А что же сегодня? Первенство среди исполнителей держат И. Кобзон, Г. Ненашева, М. Магомаев, В. Мулерман, то есть артисты с хорошими голосами. Отлично работают на эстраде Вл. Макаров, В. Толкунова, М. Кристалинская, Л. Лещенко, М. Пахоменко. Соперничать с ними трудно, потому что голос, как говорится, — дар божий, а образное искусство исполнения, способное порой заменить этот дар, за последние десятилетия растеряно напрочь. Произошло это, на мой взгляд, потому, что у нас была подлинная эстрада, но не было настоящей эстрадной школы. И у Бернеса, и у Утесова были подражатели, но не было достойных учеников, продолжателей их дела. И те перемены, что принесло в эстраду новое время, застали наших исполнителей врасплох. Разумеется, я не могу предложить им сегодня копировать манеру блестящих мастеров прошлых лет. Известна аксиома: со временем культурные запросы людей растут. Все более сложные проблемы их занимают. Усложняется искусство, но истиной остается и другое: большинство сегодняшних исполнителей эстрадной песни не всегда творчески относится к своей профессии. Творчество умирает, и рождается ремесленничество. Вред его очевиден. Горе-исполнители «поют» ведь не в домашнем кругу, а на людях, и девальвированное искусство формирует среди слушателей, мягко говоря, не совсем правильные представления о творчестве композиторов и поэтов-песенников, портит вкусы молодежи.

Я отнюдь не сгущаю краски. От качества исполнения зависит очень многое. Можно привести немало примеров, когда, казалось бы, безнадежно плохие песни «вытягивались» хорошим певцом, но еще больше случаев, когда хорошие песни гибли из-за плохих исполнителей. Среди композиторов моего поколения есть один, в свое время очень плодовитый, умевший в собственном исполнении так подать свою песню, что она казалась чуть ли не шедевром. Правда, потом исполнители средней руки невольно разоблачали автора... А вот пример противоположный. Скромно и незаметно для многих прозвучала в документальной ленте одна из песен В. Соловьева-Седого. И вот спустя несколько лет ее исполнил Владимир Трошин. Дальнейшая судьба песни всем известна: «Подмосковные вечера» обошли весь земной шар.

Несколько десятилетий назад, в эпоху возникновения массовой песни, у некоторых композиторов выработалась стереотипная схема — 8-тактовое построение с определенным чередованием гармоний. Разница была только в вариациях мелодии. Но благодаря мастерству исполнителей, их яркой индивидуальности каждое такое произведение воспринималось как нечто новое. Теперь, на первый взгляд, история повторяется. В огромном количестве появляются песни, написанные в одинаковых ритмах, с очень схожими музыкальными фразами, и невзыскательному слушателю даже приятно предугадать за несколько секунд будущий оборот — это приносит ему радость узнавания. Но что же потом? Потом трудно вспомнить, что это была за песня, там похожи они друг на друга. И делают их близнецами не только авторы, но и исполнители. Таких песен, честно говоря, мне не жаль. А вот другие...

Сейчас получила распространение очень интересная усложненная форма песни. Ее условно называют «балладой», но это скорее музыкально-драматическая поэма, как правило, с героическим сюжетом. Эмоциональное восприятие таких песен (удачнее других в этом жанре выступают композиторы М. Таривердиев и О. Фельцман) в огромной степени зависит от мастерства исполнителей. И когда за «балладу» берутся М. Магомаев и И. Кобзон, то все получается прекрасно. Обладая большим голосовым диапазоном, эти артисты ведут песню от еле слышного сокровенного «пианиссимо» до редкого, наполненного пафосом «форте». Но ведь процент талантов на эстраде мал, а песни эти считаются современными по манере, выигрышными. И вот безголосые дилетанты своим исполнением, по сути, дискредитируют новый жанр.

Кстати, о жанрах. Давно кажется естественным, что есть не просто композиторы-эстрадники, а композиторы-лирики, или тяготеющие к героико-патриотической теме, или к джазу, или к комедийным песням. Отчего же не понять наконец, что и исполнители должны специализироваться, совершенствоваться в каком-то одном жанре, более всего соответствующем их характеру и темпераменту, любимому сценическому рисунку и образу мыслей, даже внешности, то есть всему тому, что и составляет индивидуальность артиста? А может, «всеядность» исполнителей, берущихся за все, что под руку попадет, и получается как раз от отсутствия этой самой индивидуальности, от неумения определиться, понять самое себя? Неверно, потому, что примеры дифференциации жанров лежат рядом. Каждый, кто интересуется зарубежной эстрадой, знает, что есть среди французских певцов многочисленные жанровые подразделения... У нас же, за исключением нескольких ведущих исполнителей, тщательно следящих за формированием своего репертуара, картина прямо противоположная. И если бы дело касалось только молодых, неопытных артистов... Но вот недавно известная эстрадная певица на творческом вечере одного композитора исполнила несколько его песен, абсолютно ей противопоказанных! Она сделала это из самых благих побуждений, отдавая дань таланту автора, но это лишь подчеркнуло границы ее возможностей.

Убежденность в том, что «я могу спеть все, потому что я вообще талантлива», идет, мне кажется, не столько от уверенности в своих силах, сколько от отсутствия требовательности. Я вспоминаю, как долго, тщательно работал над песней Марк Бернес. Как волновал его миг первого выхода с новой песней на сцену. Каждый раз он преодолевал некий психологический барьер. Теперь все делается просто, на ходу. Достаточно профессиональные исполнители приходят на запись в радиостудию, даже не зная, что именно им предстоит спеть. За полчаса разучивают песню, не вдаваясь в нюансы, не успев даже толком осмыслить ее тему, — и запись готова. Все это сильно напоминает некую песенную индустрию, где исполнитель — просто необходимое условие для записи, так же как микрофон, магнитная лента и динамик..

А истинное творчество, даже в «легком жанре» — в эстраде, — невозможно без труда. Чтобы понять это до конца, нужно видеть, как до изнеможения, до седьмого пота отшлифовывал каждую фразу, даже каждую паузу, работают на репетициях Жильбер Беко или Жак Брель. К сожалению, на эту сторону деятельности зарубежных артистов иные наши исполнители не обращают внимания, зато старательно, вплоть до иностранного акцента, копируют их манеру держаться на сцене.

Этот акцент не просто раздражает своей нелепостью — он настораживает. Это значит, что песня для такого исполнителя уже потеряла всякую национальную основу. Да, не находя опоры в традициях, растерянные и оглушенные ритмами бит-музыки, исполнители все чаще посматривают на пластинки корифеев западной эстрады: «Вот бы так!». Им кажется, что и для них, и для слушателей будет естественнее такая песня, насыщенная заморскими синкопами, и слова-то они произносят с шепелявинкой, с картавинкой, с неправильными ударениями. Это двойное заблуждение. Во-первых, работать для слушателей — это не значит идти на поводу у средних вкусов. В том-то и должна заключаться задача советской эстрады, чтобы воспитывать вкусы. Во-вторых, нельзя согласиться с тем, что современные музыкальные ритмы — нечто чужеродное для советской музыки. Поддерживают слушателей в этом мнении сами же исполнители.

А вот недавно мне довелось видеть выступление талантливого ансамбля «Самоцветы». Как будто те же электрогитары, и органола, и ударные... Но ребята так исполняли народные песни, что электрогитара казалась уже чуть ли не национальным народным инструментом. А широко известные «Песняры» и «Лайне»? А ансамбль «Ариэль» из Челябинска? Этот коллектив пока мало знаком широкому зрителю, а жаль. Достаточно, мне кажется, прослушать только две вокально-инструментальные пьесы в его исполнении — «Лебедушку» и «Отдавали молоду», чтобы стать горячим почитателем ансамбля. В обработке русских народных песен, сделанных руководителем «Ариэля» В. Ярушиным, бережно сохранены своеобразие и очарование народных мелодий. В современном звучании оркестрового сопровождения мы с радостным удивлением слышим характерные тембры русских иструментальных наигрышей, ладовые гармонии. «По-балалаечьи» запели вдруг те же самые электрогитары и орган...

Впрочем, все это трудно передать на бумаге, надо слышать. Но как? Фирма «Мелодия» не воспроизводит на пластинках обработки русских песен вокально-инструментальными эстрадными ансамблями. Стоит ли удивляться после этого, если слушатели и исполнители считают естественным пение с иностранным акцентом под электрогитару! Вряд ли они слышали что-то иное!..

И все-таки далеко не всегда шаблонную однообразную манеру исполнения у артистов эстрады можно объяснить какими-то «внешними» причинами. Чаще всего причина одна, простая, как мир, — отсутствие таланта. Не следует думать, что для эстрадной песни годится все, что не пригодилось в других искусствах — в опере, оперетте, музыкально-драматическом театре. Нет, талант эстрадного певца — дар особенный и, увы, редкий.

И потом, мне кажется, дело не только в том, чтобы найти талантливого эстрадника, а в том, чтобы его сохранить. С исполнителями ведь, по существу, никто не работает, они предоставлены сами себе. Разумеется, артистам, нашедшим себя, определившим свое творческое кредо, такая помощь, может, и не требуется. А тем, кто делает первые, не очень уверенные шаги на эстраде? Бывает, что «молодая звезда», ярко вспыхнув, тут же исчезает за горизонтом. Помню, как прекрасно начинала Жанна Горощеня, а сейчас она превратилась в рядовую исполнительницу. Полад Бюль-Бюль оглы считался одним из очень способных и образованных молодых композиторов. Мне довелось слышать некоторые из его интересных, серьезных сочинений. Они, и правда, хороши. Но сочиняемые им песни однообразны. А манера держаться на сцене порой вызывает иронические улыбку.

Нет, нет, что ни говорите, умение выступить с эстрадной песней — дар. Напрасно иные исполнители считают, что работа на эстраде совсем не сложна, не требует даже относительной культуры. Что ж, за пренебрежительное отношение иных артистов к эстраде зритель платит очень просто — забвением.

Нелегко написать эстрадную песню. Написать об ее исполнении горькие слова вдруг не легче. И все-таки без этого нельзя. Потому что всех нас волнует завтрашний день советской эстрадной песни.

Ионас КУЗМИНСКИС,
народный художник СССР, председатель правления Союза художников Литвы

СЧАСТЬЕ ТВОРЧЕСТВА

10 000 и 25 миллионов — с этих цифр я хотел бы начать наш разговор. Первая из них — число выставок, организованных Союзом художников СССР между предыдущим и нынешним съездами. А вторая — количество зрителей, которые побывали на этих выставках. В цифрах выражена и наша работа, и внимание тех, кого можно назвать нашими главными заказчиками, — советских людей.

IV съезд проходит в обстановке одновременно и торжественной и деловой; и праздник, и смотр сил, и подведение итогов. Вся наша работа — это не только выставки, встречи с людьми на производстве, многочисленные поездки по стране и за рубеж, но это и новые скульптурно-архитектурные ансамбли, памятники и монументы, мозаики, плакаты, книжные иллюстрации, оформление спектаклей, фильмов, гигантские мозаики — все, что делают художники.

Высокая миссия советского искусства видится мне в общности интересов художника и зрителя, которые вместе строят новое общество не коммунистических началах. Миллионы зрителей на выставках, в крупнейших музеях — это показатель большой эстетической культуры народа. Это свидетельство живого, заинтересованного отношение нашего зрителя к творчеству художников.

Художественное творчество — это всегда общение, пусть сперва только с предполагаемым собеседником. Разговор со зрителем — это разговор душевный, острый, страстный. Мы видим, что культура зрителя растет, следовательно, и наш диалог с ним становится все более интересным.

Каждый советский художник обретает подлинное счастье творчества в героических буднях всенародной стройки, видит свое призвание в том, чтобы полнее и ярче показывать жизнь народа, зримо воплощать величественный эстетический идеал нового общества.

В течение двух последних лет художники жили и работали в Темиртау, у нефтяников Башкирии, у колхозников Ставрополья, на Усть-Илимской ГЭС, на строительстве Камского автогиганта. Прямо на местах устраивались небольшие выставки. Они горячо обсуждались, и это был тот необходимый контакт, который возникает между творцом искусства и человеком, которому оно предназначено.

Мы не отделяем себя от тех, кто славит своим трудом нашу великую Родину. Художники идут в едином строю с трудящимися страны, их искусство не только говорит о нынешнем дне, оно активно участвует в формировании духовного мира современника, нового, коммунистического осознания эпохи. И мне хочется от всей души пожелать больших творческих успехов всем моим коллегам, друзьям, художникам всех поколений.

КАНН: ПЕРВЫЕ ДНИ ФЕСТИВАЛЯ

У ОТЕЛЯ «Карлтон» высятся громадные изображения твердолицых парней в черных жилетах и ослепительно белых рубашках. Чувствуется, что для таких субъектов стрельба по живым мишеням — а у каждого из них по пистолету — наиприятнейшее занятие. Сделано это весьма искусно: откуда ни подходишь к отелю, впечатление одно — целятся именно в тебя. А поскольку с «Карлтона» как бы начинается территория нынешнего 26-го Международного кинофестиваля в Канне — здесь поселилось большинство его участников и гостей, — то, пройдя между этими фотогангстерами, волей-неволей настраиваешься на соответствующий лад. Не пришлось бы созерцать в обильных дозах столь модные в западном и особенно в американском кино акты жестокости и насилия с применением самых современных систем огнестрельного оружия?

Однако эти опасения оказались напрасными. За первые пять дней фестиваля — он открылся 10 мая — был показан ряд фильмов, свидетельствующих о весьма ответственном отношении киноделателей разных стран к общечеловеческим ценностям, ряд произведений, проникнутых идеями гуманизма и общественного прогресса.

Да, экран первых дней фестиваля обошелся без участия тех парней, что стоят у входа в «Карлтон», без их стрелкового искусства. Тишину, впрочем, нарушили автоматные очереди в итальянском фильме «Хотим полковников». Но это кинематографическая стрельба иного рода — картина разоблачает те силы современной Италии, которые путем убийств и разного рода экстремистских акций пытаются повернуть общественную жизнь вправо. Герои фильма готовят и пытаются осуществить переворот, в результате которого у власти будет поставлено правительство «твердой руки», способное «ликвидировать безработицу», обеспечить «классовое единство», упразднить «социальные язвы», привать к порядку кинорежиссера Феллини, поскольку он в своем фильме «Рим» показал столицу Италии в неприглядном виде. Эти призывы, данные в современном сатирическом обличье, восходят непосредственно к заявлениям Муссолини, связывают крайне правые элементы, действующие сегодня, с фашистскими демагогами тридцатилетней давности.

Режиссер Марио Моничелли создал острый политический фильм, который по форме является сатирическим гротеском, а по существу — предупреждением о той опасности, которую несет в себе движение, предпочитающее всем аргументам силу оружия.

Стреляли и в американском фильме «Голубой мотоцикл». Но и здесь, хотя картина по некоторым мотивам и напоминает боевики, прославляющие доблесть полицейских, в грохоте выстрелов улавливался иной смысл. Преследуя группу хиппи, подозреваемую в преступлении, полицейский Шиппер, не раздумывая долго, застрелил двух парней. Другой полицейский, Джон Винтергрин, предотвращает дальнейшую расправу, но в схватке с разъярившимся Шиппером, защищая свою жизнь, убивает его. Финал фильма вроде бы возвращает нас в замкнутый круг добра и зла: Винтергрин, спасший от выстрелов Шиппера несколько невинных молодых людей, чуть позже сам погибает от рук подлинных преступников — его подводит доверчивость, которой, конечно, не проявил бы Шиппер...

Создатели картины (режиссер Джордж Герсон) явственно держат сторону Джона Винтергрина — именно он главное лицо в этом, казалось бы, заурядном полицейском сюжете, но его выстрел звучит протестом против культа жестокости и насилия, бездушного суперменства.

А каковы другие фильмы, где вообще не стреляют, где гуманистические идеи отстаиваются иным способом?

Глубоко и своеобразно толкует тему человеческого достоинства и женской эмансипации английская картина «Кукольный дом», снятая по одноименной драме Ибсена, в которой прекрасно играет Нору Джейн Фонда. Другая английская картина, «Презрение», — тоже экранизация литературного произведения, поставленная режиссером Аланом Бриджем по роману Хартли, затрагивает весьма серьезные социальные проблемы.

Редкий гость международных кинофестивалей — португальская кинематография. Представленный на этот раз фильм «Обет» (режиссер Антонио Маседо) рассказывает о тяжелой доле простого люда этой страны — семьи рыбаков.

Более подробно говорить о фестивале пока рано. Он прошел лишь треть пути. Впереди новые работы Бергмана «Крик и шепот», Трюффо «Американская ночь», других известных режиссеров. Советская кинематография в основной — конкурсной — программе будет представлена фильмом «Монолог», снятым режиссером И. Авербахом по сценарию Е. Габриловича.

Помимо основной программы, на экранах Канна идут хроникально-документальные картины, работы молодых режиссеров. Присудит свою премию Международная ассоциация кинокритиков... Всего за пятнадцать дней будет показано около трехсот фильмов.

Да, пока только начало. И, пожалуй, большинство участников фестиваля верит, что тон, определившийся в первые дни, сохранится, окрепнет и что в подборе фильмов организаторы фестиваля руководствовались верой в торжество гуманизма, человеческого достоинства.

Евгений КРИВИЦКИЙ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»
КАНН. (По телефону)

ХРОНИКА

Президиум ВЦСПС, коллегия Госкино СССР, секретариаты правлений Союза кинематографистов СССР и Союза писателей СССР подвели итоги конкурса на лучший сценарий художественного фильма о современном рабочем классе.

Лучшие из 236 представленных на конкурс сценариев отличались высоким идейно-эстетическим уровнем, правдиво показали жизнь и труд советских рабочих, раскрыли их богатый духовный мир и высокие нравственные качества.

Президиум ВЦСПС, коллегия Госкино СССР, секретариаты правлений Союза кинематографистов СССР и Союза писателей СССР от присуждения первой премии воздержались.

Вторых премий удостоены сценарии Ю. Чибрякова «Встать и уйти?», Р. Хигеровича «И будет завтра», А. Эпштейна «Время и братья Гуляевы».

Третьими премиями отмечены киносценарии Л. Чумичева «Три четверга», И. Вондина «Никакая сила не взяла», Л. Завальнюка и С. Кулиша «Развлечение для старичков», А. Гелмана и Т. Калецкой «Ксения, жена Федора».

Поощрительные премии присуждены В. Кудрявцевой, А. Белову, А. Горохову, А. Шлепянову, О. Гвасалия, А. Бородянскому.

■

Состоялся очередной пленум правления Союза писателей Литвы. Он был посвящен проблемам детской литературы.

В своем докладе «Литература для детей и современность» секретарь правления А. Поцюс рассказал участникам заседания о состоянии литовской детской литературы за последние пятилетие.

Участники пленума дали высокую оценку новой книге стихов Э. Межелайтиса «Дневник Дайны», книгам стихов Я. Дагутите, Ю. Марцинкявичюса, А. Матутиса, прозаическим произведениям Н. Авижюса, В. Петкявичюса, В. Бубниса, М. Слуцкиса, К. Сая, драматургии В. Пальчинскайте, а также произведениям многих других литераторов.

Но вместе с тем было отмечено, что наряду с успешно развивающимся жанром сказки, день которой отдают почти все «детские» авторы, еще ощущается недостаток в произведениях о современности. Создать такие произведения — задача ближайшего будущего.

На пленуме выступили писатели В. Бубнис, А. Матутис, В. Пальчинскайте, В. Петкявичюс, М. Вайнилайтис, секретарь ЦК ЛКСМ Литвы Р. Балтрушайтис, доцент Вильнюсского государственного университета Г. Рагуотене, доцент Вильнюсского педагогического института В. Аурила, начальник учебно-методического отдела Министерства просвещения Литовской ССР Н. Пошкус, кандидат искусствоведения И. Корсакайте, работники детских библиотек, издательства «Варга», сотрудники газет и журналов.

В работе пленума приняла участие заведующий Отделом культуры ЦК КП Литвы С. Шимянус.

ПРОГРАММА МИРА — В ДЕЙСТВИИ

Польша, 11—12 мая

БРАТСТВО НАВЕКИ

Визит Леонида Ильича Брежнева в народную Польшу — еще одно свидетельство братских польско-советских отношений. Прошедшие со дня окончания второй мировой войны годы не раз уже показывали всему миру, какое важное значение имеют диалоги руководителей стран социалистического содружества.

Нам этот визит, состоявшийся вскоре после апрельского Пленума ЦК КПСС, показал, как четко, ясно и последовательно реализуется советская Программа мира, а которой народная Польша видит гарантию мирного труда и эффективного развития. Вместе с нашим великим соседом и братом мы активно выступаем в ООН и на других крупных международных собраниях с различными мирными инициативами.

В ближайшее время состоится визит Л. И. Брежнева в ФРГ. Совершенно ясно, что нормализация отношений между СССР и ФРГ будет иметь воздействие на всю международную обстановку, будет способствовать оздоровлению атмосферы во всем мире.

Мне думается, что радушие, с которым мой народ встречал Леонида Ильича Брежнева, говорит само за себя. Подчеркивая большой личный вклад Л. И. Брежнева в осуществление Программы мира, Э. Герек заявил: «Наш народ питает к вам глубокое уважение как к выдающемуся деятелю советского и международного коммунистического движения, выдающемуся ленинцу, ведущему руководителю братского союзнического государства и надежному другу народной Польши».

Мы, поляки, стремимся к миру, прогрессу и социализму. А это может быть гарантировано лишь мощью, дальновидной политикой и практическими действиями Советского Союза, последовательно и мудро осуществляющего понятную и близкую всем народам Программу мира.

Кароль МАЛЦУЖИНСКИЙ,
политический обозреватель газеты «Трибуна люду»
ВАРШАВА. (По телефону)

ГДР, 12—13 мая

ЛИКУЮЩИЙ БЕРЛИН

Май — особая пора в жизни Германской Демократической Республики. 8 мая — День освобождения от фашизма, день начала традиционной Недели германо-советской дружбы. Большие венки и скромные букеты первых весенних цветов ложатся к подножию монумента советскому воину-освободителю в Трептов-парке, к многим другим памятникам советским солдатам, воздвигнутым на нашей земле. Трудящиеся ГДР не забывают, кому они обязаны тем, что смогли стать хозяевами своей судьбы.

Но особенно праздничным стал день 12 мая, когда берлинцы встречали дорогого гостя — Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Леонид Ильич Брежнев последний раз был в Берлине полтора года назад. Тогда на аэродроме его приветствовал дипломатический корпус, состоявший из представителей 30 государств. А сейчас список стран, которые установили нормальные дипломатические отношения с немецким социалистическим государством, уже превысил 80.

Ликвидация политико-дипломатической блокады нашей республики — огромный успех согласованного внешнеполитического курса стран социалистического содружества, и а первую очередь Советского Союза, чья Программа мира, принятая XXIV съездом КПСС, способствовала созданию климата доверия и добрососедства в Европе и во всем мире.

Радостно принимая Л. И. Брежнева, трудящиеся ГДР приветствовали верного ленинца, который обосновал эту мирную программу, ставшую сегодня программой действий всех сил, выступающих за мир, безопасность и сотрудничество народов.

Визит Л. И. Брежнева в ГДР перед всем миром продемонстрировал могучую силу нашей дружбы, в основе которой — верность социалистическому интернационализму.

Кемпен ДЕТТМАНН,
немецкий журналист (ГДР)

БЕРЛИН. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В МАЕ...

ФРГ, 18—22 мая

НАКАНУНЕ

За несколько последних дней мне довелось исколесить по Федеративной республике не одну сотню километров. Был я и на севере, в крупнейшем городе ФРГ — Гамбурге, и на юге, в Людвигсхафене, центре химической индустрии, и на традиционной промышленной ярмарке в Ганновере, и в индустриальных районах Руре, в древнем Кёльне и в финансовой столице Западной Германии — Франкфурте-на-Майне. Встречался и беседовал с политиками и представителями делового мира, видными деятелями культуры и науки, с людьми труда. Мнение у всех единодушное: предстоящий визит Л. И. Брежнева в ФРГ — событие огромной важности не только для советско-западногерманских отношений, но и для Европы, и для всего мира в целом. Приведу несколько высказываний, записанных на магнитофонную ленту.

В Кёльне я встретился с рабочим Якобом Штеубом.

— Мы, рабочие, очень рады визиту, — сказал он. — Завод холодильных установок, на котором я работаю, поддерживает деловые связи с Советским Союзом, и мы на собственном опыте убеждаемся, как важны для нашего благосостояния советские заказы...

Бонн. Вид на здание бундестага.

На Ганноверской ярмарке председатель правления концерна «Маннесман» Эгон Овербек с удовлетворением рассказывал мне о деловых связях своей фирмы с Советским Союзом. Визит Л. И. Брежнева г-н Овербек рассматривает как свидетельство того, что между ФРГ и СССР успешно развиваются взаимополезные отношения.

Обер-бургомистру Людвигсхафена д-ру Вернеру Людвигу всего лишь за сорок, а он уже восемь лет управляет быстро развивающимся индустриальным городом. Предстоящему приезду Л. И. Брежнева опытный «отец города» придает исключительное значение. Он ожидает, что визит откроет новую эру в отношениях ФРГ и СССР, эру тесного сотрудничества.

Арно Бериш, в прошлом депутат бундестага, а ныне один из руководителей Немецкого союза мира, сказал:

— Значение приезда Л. И. Брежнева трудно переоценить. Это первый визит на высшем уровне из Советского Союза, и результаты его окажут большое и благоприятное воздействие на ход международных дел.

А вот мнение депутата бундестага Остмена фон дер Лайе:

— Значение визита Леонида Брежнева велико для двусторонних отношений между ФРГ и СССР. Велико и его общеевропейское значение, особенно в связи с ведущимися консультациями в Хельсинки и переговорами в Вене...

Можно было бы привести еще немало высказываний подобного рода. Конечно, есть в ФРГ и «силы вчерашнего дня», которые еще достаточно активны. Но не они делают ныне политическую погоду на Рейне. Как заявил Председатель Германской коммунистической партии Курт Бахман, в Европе наблюдается переход от «холодной войны» к разрядке напряженности. И ФРГ заняла реалистическую позицию по ряду важнейших внешнеполитических вопросов.

Бонн. Площадь перед ратушей.

Предстоящий визит товарища Брежнева в ФРГ К. Бахман назвал событием исторического значения. Этот визит, заявил он, отвечает интересам рабочего класса, интересам мира и безопасности.

Виктор ГЛАЗУНОВ,
собственный корреспондент Советского телевидения и радио — специально для «Литературной газеты»
БОНН. (По телефону)

США, 18—26 июня

НАДЕЖДЫ АМЕРИКИ

Сообщение о предстоящем 18—26 июня визите в США Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева встречено в Америке с одобрением и с надеждой, что визит станет важной вехой на пути к нормализации и улучшению отношений между нашими двумя странами.

«Накануне больших свершений» — так назвал свою статью обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» Сайрус Сульцбергер. Автор подчеркивает актуальность визита, отмечает взаимную заинтересованность стран в продолжении и расширении сотрудничества. Сульцбергер призывает американский конгресс одобрить внесенный администрацией законопроект о торговле, предоставляющий президенту право распространить режим наибольшего благоприятствования и на Советский Союз.

Еженедельник «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» в каждом номере под рубрикой «Уорлдграмм» публикует сводку важнейших международных событий, составленную в телеграфном стиле — для своих занятых и спешащих читателей-бизнесменов. В номере от 14 мая журнал сообщил: «Выступая 1 мая с трибуны Мавзолея Ленина на Красной площади, Леонид Брежнев подчеркнул тему мира и важность улучшения отношений с Соединенными Штатами».

Бостонская газета «Кристчен сайенс монитор» пишет, что «государственный департамент занят составлением справок и памятных записок, готовясь к встрече в верхах», и подчеркивает, что «разрядка должна продолжаться...».

В первых откликах на сообщение о новой советско-американской встрече и предстоящих важных «девяти днях в июне» я не нашел ни одного, который был бы откровенно отрицательным. Противники нормализации советско-американских отношений, которые здесь еще не перевелись, предпочитают не выступать прямо против встречи и переговоров, а вместо этого пытаются саботировать их возможные положительные результаты «советами» Вашингтону быть «твердым», стоять «на своем», не идти «на уступки». Эта тактика незаметной подмены переговоров конфронтацией обречена на провал, поскольку не соответствует ни настроениям широкой американской общественности, ни провозглашенным намерениям президента.

Об этом свидетельствует, в частности, и заявление профессора Колумбийского университета в Нью-Йорке Маршалла Шульмана вашему корреспонденту.

— Предстоящий визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, — сказал он, — я рассматриваю как позитивный шаг к дальнейшей разрядке напряженности в отношениях между нашими двумя странами. Я мог бы назвать две причины, по которым считаю полезными такие регулярные встречи в верхах. Во-первых, они дают политическим руководителям обеих сторон возможность лучше узнать друг друга и народы, которые они представляют. Во-вторых, важные проблемы, прежде всего в области ограничения стратегических вооружений и в области торговли, требуют для своего решения ответственности и решимости высшего политического руководства. Дело экспертов и специалистов — детализировать проблемы, дело политических руководителей — находить им четкие решения.

— Я вижу по крайней мере несколько проблем, в разрешении которых возможен дальнейший прогресс во время предстоящей советско-американской встречи на высшем уровне, — заявил далее профессор Шульман. — Во-первых, в области ограничения вооружений. Во-вторых, в области торговли и экономического сотрудничества между нашими странами. С точки зрения долгосрочного улучшения советско-американских отношений торговля является важнейшим вопросом. В-третьих, обе стороны могут расширить сотрудничество во многих других областях, и мне прежде всего хочется назвать перспективы совместных усилий по охране окружающей среды. Можно с уверенностью предсказать, что в последующие десятилетия эта проблема будет становиться все более важной.

— А главное, надо сделать все, чтобы не ставить под угрозу международный мир. Поэтому, — заявил профессор Шульман в заключение, — мы в Соединенных Штатах приветствуем визит Л. И. Брежнева в нашу страну и верим, что он станет успешным этапом в процессе нормализации отношений между СССР и США.

Геннадий ГЕРАСИМОВ,
собственный корреспондент АПН и «Литературной газеты»
НЬЮ-ЙОРК. (По телефону)

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

«АЭРОФЛОТ» — «ЛЮФТГАНЗА»

Окна кабинета г-на Бекмана, директора управления зарубежных линий западногерманской авиакомпании «Люфтганза», смотрят прямо на бескрайнее летное поле самого большого в ФРГ аэропорта «Рейн-Майн» во Франкфурте-на-Майне. За зеркальными стеклами столь знакомая всем путешествующим панорама — вытянутые коридоры посадочных перронов, яркие цистерны заправщиков, разноцветные полосы и гербы на серебристых корпусах авиалайнеров из разных стран мира...

— Только что стартовала рейсовая машина «Люфтганзы» в Москву, — улыбается г-н Бекман. — Это символично для начала нашей с вами беседы. Гражданские авиаторы наших стран были подлинными пионерами воздушных сообщений между Западной и Восточной Европой. Ведь первая авиалиния между Советским Союзом и Германией была создана еще при жизни Ленина, в 1921 году. В те далекие времена полет из Берлина в Москву требовал немалого мужества не только от пилотов, но и от пассажиров.

После войны долгое время эту добрую традицию продолжали лишь наши коллеги из ГДР. Политическая напряженность недобрых лет «холодной войны» мешала «Люфтганзе» и «Аэрофлоту» установить взаимовыгодное сотрудничество. Воздушное сообщение между Москвой и западногерманскими аэропортами ограничивалось в те годы нерегулярными чартерными рейсами...

— Осень 1971 года стала началом новой эпохи сотрудничества между «Люфтганзой» и «Аэрофлотом», — продолжает г-н Бекман. — Вскоре после памятной встречи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева с канцлером В. Брандтом в Ореанде было подписано соглашение о прямом воздушном сообщении между Советским Союзом и ФРГ.

Не скрою, вначале мы закалькулировали, как и полагается коммерсантам, элемент делового риска. Так, кое-кто полагал, что машины в Москву в отдельные периоды будут летать недогруженными. Действительность, однако, опровергла опасения скептиков. Три еженедельных полета в Москву, которые совершают «боинги» «Люфтганзы», и три рейса «ИЛ-62» «Аэрофлота» вполне рентабельны, а в разгар туристского сезона и этого оказывается недостаточно. Развитие воздушного сообщения с Советским Союзом и другими социалистическими странами сыграло не последнюю роль в том отрадном обстоятельстве, что «Люфтганза» смогла впервые за много лет выплачивать повышенные дивиденды по своим акциям. (Две трети акций компании принадлежат государству, а одна треть находится в руках частных акционеров.)

Соглашение о воздушном сообщении между Советским Союзом и ФРГ дает возможность «Люфтганзе» летать непосредственно в Ленинград, Киев и, может быть, Ташкент, а «Аэрофлоту» — в Гамбург, Кельн и Мюнхен. Учитывая бурный рост западногерманского туризма в СССР, выгоду таких рейсов, которые, по-видимому, будут открыты в ближайшем будущем, просто нельзя переоценить.

— Но мы пошли и дальше, — увлеченно продолжает Бекман. — Сейчас уже не секрет, что переговоры о транзитном воздушном сообщении Франкфурт — Токио через Сибирь вступают в завершающую стадию. Линия будет эксплуатироваться тремя авиакомпаниями — «Люфтганзой», «Аэрофлотом» и японской «Джапан эйрлайнз». Путь из ФРГ в Токио через Сибирь на четыре летных часа короче маршрута через Северный полюс, не говоря уже о пути через Юго-Восточную Азию. Это имеет для нас первостепенное коммерческое значение, учитывая тесные контакты японского делового мира с Европой...

— Я полагаю, что авиалиния Франкфурт—Токио через Сибирь станет знамением времени, — заключает Бекман. — Когда-то «ось Берлин—Токио» была символом агрессии. В наши дни воздушная ось Франкфурт — Москва — Токио должна будет стать действенным инструментом партнерства между Советским Союзом и ФРГ, между Западом и Востоком. Мы надеемся, что в дни визита в ФРГ Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева будет подписано и соглашение о расширении воздушного сообщения между Советским Союзом и ФРГ.

— Вы, наверное, зайдете сейчас к Мишукову, — прощаясь, говорит директор. — Горячий привет ему. Он надежный партнер, деловой человек...

Генерального представителя «Аэрофлота» в ФРГ Константина Степановича Мишукова с его неизменной трубкой во рту мы, советские корреспонденты, аккредитованные в Западной Германии, знаем хорошо. Улетая в отпуск и возвращаясь к месту работы, всегда заходим в его кабинет в аэропорту перекинуться парой слов, обменяться новостями.

— Извините, что заставил ждать. Ездил на Кайзерштрассе. Там завершаются работы по оборудованию нового помещения нашего представительства, — говорит Мишуков. — Мы, сотрудники «Аэрофлота» в Западной Германии, прилагаем все усилия, чтобы внести свой вклад в активизацию внешнеэкономических взаимовыгодных связей СССР с государствами иного социального строя, активизацию, о которой говорится в постановлении апрельского Пленума ЦК КПСС.

Мой коллега Бекман рассказал вам о перспективах, которые откроет перед «Люфтганзой» подготавливаемый протокол о расширении воздушного сообщения между СССР и ФРГ. Нам это соглашение тоже продоставит новые интересные возможности. «Аэрофлот» не только будет участвовать в совместной эксплуатации линии Франкфурт—Токио через Сибирь, но, по всей вероятности, откроет через территорию ФРГ транзитные трассы в ряд западноевропейских столиц и, возможно, в Южную Америку. Наши машины обладают, по сравнению с большинством западных самолетов, большей грузоподъемностью. Это позволит нам, наряду с пассажирскими перевозками, увеличить и транспортировку грузов. В ближайшее время «Аэрофлот» планирует открыть новую линию между Ленинградом и Гамбургом, а в дальнейшем и между Киевом и Мюнхеном...

Беседу прервал вошедший в кабинет знакомый служащий «Люфтганзы».

— Господин Мишуков, министерство внутренних дел ФРГ обращается к обеим нашим компаниям с просьбой, — говорит он. — Речь идет о том, чтобы помочь молодому спортсмену Вольфгангу Шмитту, получившему на соревнованиях тяжелую травму — перелом позвоночника. Он парализован. Наши врачи связались с Институтом нейрохирургии в Ленинграде, где профессор Поленов с успехом делает по разработанному им методу уникальные операции при таких переломах. Не могли бы мы совместно помочь ему и отправить одним из наших чартерных рейсов в Ленинград?..

Этот небольшой, будничный, казалось бы, эпизод как нельзя лучше иллюстрирует новые качества, которые обретает ныне советско-западногерманское сотрудничество во многих областях.

Николай ПОРТУГАЛОВ,
собственный корреспондент АПН — специально для «Литературной газеты»
БОНН. (По телефону)

ТЕЛЕКС

ТУННЕЛЬ ЧЕРЕЗ ЭРЕСУНН

Швеция предложила Дании вместе построить туннель через пролив Эресунн. Ширина этого важного морского пути в Балтийское море в самом узком месте — между Хельсингборгом и Хельсингёром — составляет всего 4 километра. Шведский министр коммуникаций Бенгт Норинг сообщил об этом проекте, выступая в Стокгольме на пресс-конференции после того, как незадолго до этого он обсудил его с датским министром транспорта Енсом Кампманном. Планы установить связь через пролив либо с помощью моста, либо туннеля существуют уже с конца прошлого века.

ТАСС

678 ЗАБАСТОВОК

За три первых месяца нынешнего года на Британских островах, по официальным данным, опубликованным в Лондоне, было проведено 678 забастовок, в которых приняли участие 654 тысячи рабочих (в первом квартале прошлого года — 518 забастовок и 362 тысячи участников).

ТАСС

«УОТЕРГЕЙТСКОЕ ДЕЛО»: ЧТО ПРОИСХОДИТ?

Читателям «ЛГ» уже известно об этом «деле» из статьи американского обозревателя Джеймса Рестона, перепечатанной нами из газеты «Нью-Йорк таймс» («ЛГ», № 6 за 1973 г.). Напомним вкратце обстоятельства.

На рассвете 17 июня прошлого года в штаб-квартиру демократической партии США, расположенную в фешенебельном вашингтонском отеле «Уотергейт», проникли таинственные взломщики. Подоспевшая полиция застала их на месте преступления как раз в тот момент, когда они пытались установить в помещении подслушивающие устройства.

Во главе этой группы, арестованной полицией, как выяснилось впоследствии, стоял бывший сотрудник Белого дома Говард Хант: в прошлом он специализировался на тайных операциях ЦРУ. Непосредственно руководил налетом агент ЦРУ Бернард Баркер. Среди арестованных были Гордон Либби и Джеймс Маккорд — члены предвыборного комитета республиканской партии; Маккорд также в свое время являлся агентом ЦРУ.

Всего в группу, подготовившую и осуществившую налет не штаб-квартиру демократической партии, входило семь человек.

Спустя три месяца всем им был предъявлен обвинительный акт, состоявший из семи пунктов: «участие в заговоре», «взлом второй степени», «установка подслушивающих устройств» и т. д.

Дальше, как сообщала американская печать, происходило следующее.

В начале января этого года в Вашингтоне было объявлено о суде над семью участниками «уотергейтского дела». Защита выставила 60 свидетелей, в большинстве своем — полицейских и сотрудников ФБР.

Главный обвиняемый Говард Хант признал себя виновным по всем пунктам и посоветовал остальным последовать его примеру. Как писала тогда американская печать, быстрое признание обвиняемых объяснялось стремлением заинтересованных лиц как можно скорее погасить скандал. Пятеро основных участников налета, признавших себя полностью виновными, были приговорены к различным срокам тюремного заключения (двое второстепенных налетчиков должны быть судимы позднее).

«Уотергейтское дело» сразу получило широкую огласку. Замешанными в нам оказались бывший министр юстиции Митчелл, через две недели после налета ушедший в отставку с поста председателя предвыборного комитета республиканской партии, бывший министр торговли Стэнс и бывший ответственный сотрудник Белого дома Колсон.

В последних числах апреля нынешнего года ушли в отставку министр юстиции Клайндинст, руководитель ФБР Грей, ответственные сотрудники аппарата Белого дома Холдеман, Эрлихман, Дин и некоторые другие официальные лица.

В опубликованном заявлении президента Никсона в связи с отставкой Р. Холдемана и Д. Эрлихмана говорилось:

«...Я подчеркиваю, что ни представление ими просьб об отставке в это время, ни мое согласие с ними не должны расцениваться кем бы то ни было как доказательство каких-либо злоупотреблений со стороны любого из них. Подобное предположение было бы несправедливым и беспочвенным».

Судя по сообщениям американской прессы, ожидают, что обвинительный акт будет предъявлен Митчеллу, бывшим его помощникам по проведению предвыборной кампании республиканцев Магрудеру и Ларю, а также Холдеману, Эрлихману и Дину.

Ныне расследование продолжается. По инициативе республиканского сенатора Перси сенат принял резолюцию, призывающую назначить для расследования «уотергейтского дела» беспристрастного следователя «со стороны», кандидатура которого должна быть одобрена сенатом. Новый министр юстиции Ричардсон заявил, что намерен с санкции сената такого следователя назначить.

Между тем сенатор-демократ Эрвин объявил, что возглавляемая им специальная сенатская комиссия по расследованию «уотергейтского дела» 17 мая начнет собственное разбирательство.

ТЕЛЕКС

КОНКУРС В НРК

Министерство культуры Народной Республики Конго объявило конкурс на лучшую театральную пьесу в ознаменование 10-й годовщины августовской революции в Конго. Об этом заявил член Политбюро ЦК Конголезской партии труда А. Лопаз на встрече с деятелями культуры и искусства Конго.

ТАСС

ПРОГРАММА ПЕРЕПИСИ В АФРИКЕ

В доме Африки в Аддис-Абебе началось заседание консультативной группы по осуществлению программы переписи населения в Африке. Эта программа направлена на оказание помощи тем африканским странам, которые не проводили в последнее время переписи населения. Из 41 государства — членов экономической комиссии ООН для Африки лишь 24 страны провели с 1960 года перепись своего населения. 10 африканских стран решили провести перепись в течение ближайших двух лет, причем 15 стран сделают это впервые за свою историю.

ТАСС

Уважаемая редакция!

Пишет вам рабочий одного из московских предприятий. Знаете, к газете, как к врачу, обращаются обычно, когда уж действительно заболит что-нибудь. Но мне даже трудно сформулировать причины своего беспокойства. Предприятие отличное, современное, производительность труда высокая, заработки неплохие, — словом, все вроде как надо. Работай и радуйся. Между тем не для всех работа в радость. Нет-нет, да и увидишь: один трудится спустя рукава, другой решил увольняться. ...Спрашиваешь, в чем дело, что за причина. Говорит: неинтересно, скучно, каждый день одно и то же точи и точи. Посмотришь вокруг глазами этого парня и покажется на минуту: правда, скучно, правда, одно и то же. (Что же вы хотите? Поточное производство.) А после станешь за станок — и скуки как не бывало: каждой новой деталью любуешься, гордишься своими руками.

Мне кажется, все зависит от самого человека. Сумел ты заставить себя полюбить свой труд — будет он тебе мил. Не сумел — предстанет перед тобой работа монотонной и однообразной...

А что думают по этому поводу «специалисты по человеческим душам» — социологи, психологи?

В. МАЙОРОВ,
фрезеровщик

КТО НЕ ЛЮБИТ РАБОТУ И ПОЧЕМУ

О социальных и психологических проблемах труда рассказывает доктор философских наук, профессор В. ЯДОВ

БЕСЕДЫ С УЧЕНЫМИ

ЖЕСТКИЙ АЛГОРИТМ ТРУДА

— Когда мы слышим: «Мне не нравится моя работа», — то нередко начинаем подозревать человека в лености, — говорит корреспондент «ЛГ». — Проще всего и спокойнее объяснять какие-то проблемы личными недостатками человека. Бесспорно, встречаются среди нас и откровенные лодыри, никчемные люди, которых ни воспитанием, ни чем другим не проймешь. Но нередко даже настоящие труженики разочаровываются в своей работе. Любовь к своему труду — понятие очень широкое и емкое: за ним стоит масса социальных и психологических факторов. Многие из них активно исследуются. Проблемы «совместимости» людей в коллективе, иногда приводящие к конфликтам, и тому, что человек не уживается на работе, изучаются специалистами по социальной психологии. Облегчить технологический процесс любого труда стремится инженерная психология. Мы же, если не возражаете, будем беседовать о другом.

Прежде всего попробуем понять, какая работа нравится. Мы часто говорим — «творческая работа». Именно такую работу считаем идеальной. Но употребляем понятие «творческий труд» с такой легкостью и так часто, порой даже не особенно ясно представляя себе его подлинный смысл, что, думается, начать беседу нужно с более строгого определения этого термина. Что же такое творческая работа? Почему она так влечет к себе людей?

— Это труд, выходящий за рамки стандартов в мышлении и позволяющий при выполнении какой-то операции самостоятельно «перебирать» различные способы и варианты в поисках оптимального решения, — отвечает В. Ядов. — И этот поиск — высшая радость для человека, освобожденного от эксплуатации. Это вид самоутверждения личности. Ты был совсем не уверен, что получится все так, как задумал, ты чем-то рисковал, но вот получилось, и ты сознаешь, что не можешь жить спокойно — без этого напряжения, без риска, без того, чтобы не проверить себя, на что способны твой мозг и твои руки.

Разумеется, самая творческая работа — в науке. Исследователь располагает необъятным числом вариантов поиска. Но и токарь на заводе творит, применяя различные методы обработки деталей, используя собственные «секреты». И пусть ученый открывает нечто новое, а токарь хоть и необычным способом, но вытачивает стандартную деталь — в обоих случаях мы узнаем творчество! Потому что проявляется оно не только в конечном продукте — в изобретении, но и в самом процессе работы. И часто именно этот процесс приносит человеку наслаждение от труда.

Но вот так называемые простейшие, массовые профессии: монтажницы на конвейерах, штамповщики... Здесь часто заняты люди невысокой квалификации. Они трудятся по жесткому алгоритму, их действия, даже движения, запрограммированы. Где уж здесь творчество, где работа для души!

ЦЕНА ПРОСТОТЫ

— А ведь эти профессии порождены самим техническим прогрессом. Получается определенное противоречие: за прогресс, за «упрощение» профессий мы платим дорогой ценой — неудовлетворенностью людей своим трудом.

— Вы правы. Люди часто и охотно рассуждают о положительных сторонах научно-технической революции: об облегчении трудоемких работ, ускорении обработки всевозможной информации, повышении производительности труда. И при этом стараются не замечать возможных отрицательных последствий. А их совершенно необходимо предвидеть. Они в том, что новые, суперсовременные машины все больше как бы подчиняют людей себе.

В самом деле, основной путь механизации и автоматизации заключается в том, чтобы сначала «расчленить» некую операцию, «упростить» ее до суммы элементарных действий, которые выполняют люди, как бы берущие на себя функции будущих автоматов. Потом появляется конвейер, где рабочие, по существу, становятся частями некоего воображаемого механизма, работают в «принудительном» режиме, определяемом скоростью движения ленты. И лишь затем возникает автомат, берущий на себя функции конвейеристов. Люди освобождаются для другой работы — для управления этим автоматом.

— А нельзя ли миновать стадию конвейера и сразу создавать автоматы?

— Вся история развития техники говорит о том, что это вряд ли возможно. Так что с фактом существования конвейеров приходится мириться.

И вот основная проблема, порожденная одной из сторон сегодняшнего технического прогресса: происходящее упрощение массовых профессий подчас вызывает неудовлетворенность людей, которые ими занимаются.

Миновать стадию конвейера нельзя, но многие специалисты видят выход в ускоренном переходе от этой стадии к комплексной автоматизации. Работа человека, управляющего автоматом или поточной линией, гораздо менее монотонна и скучна. Но пока число рабочих, занятых таким трудом, составляет всего 2—4 процента от общего числа тружеников.

АВТОМАТИКА — НЕ ПАНАЦЕЯ...

— Но намного ли это интереснее — управлять автоматами? Ряд психологов скептически относится к этой перспективе, полагая, что если труд рабочего сведется к редкому нажиманию кнопок, то и такая деятельность вряд ли будет отвечать его духовным потребностям.

Мне на память приходит эксперимент, произведенный американскими психологами Маккензи и Гартманом. Ученые усадили в кресло перед специальным пультом несколько человек и предложили им нажимать кнопку в тот момент, когда на пульте загорится лампочка. Световые сигналы подавались сначала с большой частотой — 3600 в час. И люди то и дело ошибались, нажимали кнопку невпопад. Затем частоту снизили до 500 световых импульсов в час. Теперь операторы работали почти без ошибок. Но когда число сигналов снизили до сорока, — опять пошли ошибки. Казалось бы, работать стало легче, но люди подолгу в напряжении ждали каждого сигнала, а в промежутках между ними бездействовали, и это бездействие и напряженное ожидание привели к промахам. А ведь такой ритм работы и соответствует в общем-то реальному ритму управления автоматикой в производственных условиях. Тут опять возможна неудовлетворенность.

— Безусловно. Мы проводили исследование деятельности рабочих на одном химкомбинате и наблюдали такую картину. Рабочий-оператор управлял автоматическим устройством. Он нажимал одну кнопку — и в аппарат начинала поступать в приемный бункер вязкая масса. Минут пять спустя нажимал другую — процесс полимеризации заканчивался. Потом опять первую, потом вторую. И вдруг через час он взял тачку и куда-то повез продукцию. Мы удивились: неужели нельзя автоматизировать и эту операцию и на худой конец поставить на нее подсобника? Рабочий рассмеялся: «Да что вы! Я здесь отдыхаю от кнопок, пока вожу тачку туда-сюда. Хоть немного мускулы работают...»

Такое положение, в котором оказывается этот автоматчик, или операторы в американском эксперименте, или конвейеристы, называют мышечным и сенсорным «голодом». В самом деле, мозг рабочих голодает, не получая интеллектуальной творческой пищи, новых впечатлений. Голодают и мышцы, которые мы так поспешно стремимся освободить от физической нагрузки.

— Значит, расчет на то, что все проблемы «простого» труда разрешатся сами собой с введением автоматизации, — этот расчет мало оправдан. Любопытно, однако, что некоторые хозяйственники и ученые-психологи полагают, будто проблемы вообще не существует. Так, первые считают, что в любом труде творческую неудовлетворенность можно компенсировать... денежными вознаграждениями («квартальными», прогрессивками, тринадцатыми зарплатами). Между тем даже западные психологи говорят сегодня, что деньги, как и другие внешние стимулы (возможность продвижения по службе и т. п.), вовсе не решают проблемы. Часто, говорят они, случается как раз обратное. Боязнь не получить вознаграждение давит на рабочих, «закрепощает» их инициативность, то есть внутренние мотивы к творчеству оказываются подавленными внешними стимулами. Да и мы нередко можем встретить токаря, действующего шаблонно, лишь бы план выполнить. И ученого, давно уже ничего не изобретающего и думающего только о том, как бы сохранить перед миром свое поблекшее от времени имя.

В наших социалистических условиях преобладание внутренних мотивов над внешними выражено, конечно, гораздо более ярко: с детства у нас человек усваивает, что труд сам по себе — величайшая ценность, не сводимая к одним лишь «материальным благам».

— Деньги не единственный рычаг для управления поведением людей и удовлетворения их внутренних потребностей. Между тем вы правы: некоторые руководители предприятий, страдающие недостатком общей социальной и психологической культуры, забывают об этом.

Несколько лет назад мы проводили массовый опрос молодых рабочих Ленинграда. Было обследовано 2665 человек. И выяснилось, что для большинства из них главное — это содержание труда, его интеллектуальное наполнение, и только после этих факторов — заработная плата и возможность продвижения по работе.

— Но вот мнение некоторых психологов, которых нельзя упрекнуть в отсутствии «психологической культуры»: любой труд можно превратить в творчество: нетворческих профессий нет, а есть нетворческие люди...

— Интересно, в чем же эти психологи усматривают возможности творчества, например, на конвейере?

— Полагают, что во время такой работы можно сочинять стихи или повторять в уме, скажем, домашние задания для вечерней школы...

— Эта точка зрения нелепа: от сочинения стихов творчества в работе конвейериста не прибавится ни на йоту.

— Тем не менее некоторые теоретики так считают. А вот попытки психологов-практиков найти выход из положения. На рижском ВЭФе мне приходилось видеть, как работниц пересаживали с одной операции на другую, очевидно, стремясь разнообразить их работу...

— Разнообразие труда вовсе не эквивалент творчества, а лишь его необходимое условие. В переборе вариантов при решении какой-то задачи, безусловно, проявляется это разнообразие. Но если работнице предлагают вместо одной стандартной операции некоторое время выполнять другой, то что же здесь от творческой работы?

— А заводские психологи ВЭФа утверждают, что при этом повышается производительность труда. Точно так же, как и от введения функциональной музыки, приятной окраски стен и выбора светильников. По-видимому, людям действительно при этом лучше работается?

— Все эти меры эффективны для облегчения условий и повышения производительности работы, но это еще не означает, что они много дают для удовлетворения человека самой деятельностью.

Вообще в современной психологии труда четко различимы два направления. В центре первого направления стоит анализ выполнения работы с точки зрения ее эффективности, в центре второго, развиваемого в основном психологами социалистических стран, — проблема удовлетворения людей трудовой деятельностью. И это самое главное для нашего общественного строя. Труд для человека, а не человек для труда — вот кредо этого направления. Нужно отчетливо представлять себе психологические и социальные условия, при которых человек получает удовлетворение от своего труда. Только тогда можно будет разрешить проблему несоответствия «простой» работы запросам людей.

Я вовсе не утверждаю, что человек, занятый на творческой работе, непременно счастлив, а рабочий на конвейере обязательно несчастлив. К идеальной ситуации можно приблизиться, по видимому, несколькими путями. В большинстве случаев, повторяю, человек удовлетворяется только такой работой, где он может самостоятельно творить. Но вот ученый, десять лет бившийся над решением какой-то проблемы и зашедший в тупик. Счастлив ли он? Разумеется, нет. Но в то же время я вспоминаю наши беседы с некоторыми работниками обувной фабрики «Скороход», где все производство поставлено на конвейер, на поток. Они были довольны своей работой. В чем здесь дело? А дело в социальных потребностях людей и их индивидуально-психологических свойствах.

— Какие же свойства могут определять наше отношение к работе? И как?

— Возьмем, например, так называемую адаптивность, или, как ее еще называют, «лабильность». Люди, обладающие этим качеством, легко приспосабливаются к среде, условиям работы. Человек же с ярко выраженной ригидностью, то есть с противоположным качеством, наоборот, пытается как-то приспосабливать микросреду «под себя». И, приспособив, всячески стремится удержаться в этом состоянии. Его раздражает всякое возмущение извне, всякая новая информация, то есть все то, к чему легко привыкает «адаптивный» человек, для ригидного типа становится чуть ли не драмой. Он-то как раз и заинтересован в спокойном, однообразном, монотонном труде.

— Но если ограничить анализ личности труженика только этими свойствами — ригидностью и адаптивностью, — то и тот, и другой тип людей должен быть доволен «простой» работой. Ведь и адаптивный тип легко, видимо, приспосабливается к обстановке конвейера, воспринимает ее как должное...

— Поэтому-то необходимо выяснить роль еще и других психических свойств, таких, как интровертивность*, например. Человек, наделенный этим качеством, получив какую-то новую информацию, подолгу рефлектирует: обдумывает, с трудом воспринимает и переживает новое впечатление. Словом, восприятие нового требует от него, так сказать, больших психических затрат энергии, дается дорогой ценой. И такой человек противится этому новому в своей жизни, оно его раздражает. Для него работа на конвейере отнюдь не трагедия. А экстровертивный** тип, напротив, только тогда и живет полной жизнью, ощущает ее вкус, когда постоянно получает новые впечатления.

— А велика ли доля рабочих, которые, возможно, в силу своих индивидуальных психологических особенностей находят удовлетворение в монотонной и однообразной работе?

— В нашем исследовании мы обнаружили не более 5 процентов таких людей. Правда, я не берусь утверждать, что все они интроверты.

— Но можно это предположить?

— Предположить можно, и уж во всяком случае можно уверенно сказать, что какие-то психические особенности отличают этих рабочих от других, которым монотонность деятельности «психологически противопоказана».

ХОББИ—РАЗВЛЕЧЕНИЕ ИЛИ... ПРИЗВАНИЕ?

— Тогда возникает очевидная проблема. Предположим, что в ходе предварительной профессиональной ориентации, проверки на различные физиологические и психологические особенности человека с помощью тестов, мы выявим эту небольшую группу людей, удовлетворенных «простыми» работами. Но промышленности нужны целые армии таких тружеников. Значит, для остальных нужно искать некий заменитель творчества, ведь человек экстравертивного типа не может иначе как проявлять себя активно в жизни?

— Такая проблема действительно существует. Французский социолог Жорж Фридман в свое время выдвинул гипотезу: если активность человека не проявляется в основном труде, то она находит выход в часы досуга. Казалось бы, это очевидно. Вспомните все хобби, все увлечения людей, которым они отдают свободное время. Но когда эту гипотезу стали более или менее строго проверять другие французские социологи, она не подтвердилась. И тем не менее сейчас мы проводим аналогичные исследования, полагая, что Фридман не так уж неправ. Отчего же возможны расхождения в результатах опытов? Да дело в том, что они проводились в разных социальных условиях. Для большинства советских людей творческая деятельность стала едва ли не основной социальной потребностью. В буржуазном обществе, в той же Франции, основной, вынужденной целью для многих остается денежный доход. Он определяет и труд, и развлечения после работы.

Есть, кстати, очень любопытные исследования американского психолога Фредерика Херцберга о мотивации труда американских рабочих. Если сравнивать данные Херцберга с нашими, обнаруживается наглядная разница в «ценностных ориентациях» рабочих двух стран. Одно дело, когда ты воспитан так, что деньги для тебя главное в жизни, и совсем другое, когда со школьной скамьи тебе внушают: овладевай знаниями, они помогут тебе проявить себя как личность в полную силу, приведут к интересной работе, где будут ценить твои способности.

— А вы никогда не замечали такую странную на первый взгляд ситуацию, когда человек продолжает и после работы заниматься своей же профессией, причем делает это не для приработка, а «для души»?

— Знакомый радиоинженер, придя с завода, снова берется за схемы, мастерит приемники, но он занимается не совсем тем же. Во-первых, эта «вторая» работа приносит ему несомненную радость: он вечно что-то напевает, смеется, шутит, колдуя над транзисторами. А во-вторых, на службе он считается средним специалистом, а тут создает такие аппараты, что даже на выставках отмечают оригинальность его решений... Дома он освобождается от внешних побудительных стимулов, начинает творить, руководствуясь только внутренними мотивами.

Если основная работа у человека творческая, то свободное время он часто старается посвятить либо физическому труду (вспомните, как любил работать на пашне Лев Толстой), либо бесхитростному занятию (коллекционированию марок, спичечных этикеток)...

Если же его труд монотонен и скучен, тогда он и вовсе жаждет переключиться на нечто иное, часто прямо противоположное своей основной работе, ищет противоядие от скуки, от голодания своего интеллекта. Можно привести в пример немало рабочих-рационализаторов, в том числе и конвейеристов, которые ночи напролет просиживают над чертежами собственных изобретений. Что движет этими людьми? Внутреннее побуждение к активной деятельности.

При разумном досуге человека выигрывают и он сам, и общество в целом. Для него творчество и на работе, и в свободное время — необходимый бальзам, а для всех нас — новые изобретения и идеи, помогающие прогрессу.

— Мне, честно говоря, эта картина представляется несколько идеалистичной. Разве всегда человек в свободное время творит с пользой для общества? А если люди мастерят мебель для собственной квартиры, вышивают крестиком или разводят декоративных собачек? Кто спорит, это тоже творчество, но ведь направлено оно внутрь, на себя.

— Допустим, но ведь и в этом случае социальный эффект от такого творчества бесспорен. Ведь наше общество заинтересовано в том, чтобы люди чувствовали себя удовлетворенными. И если это удовлетворение приходит от такого узконаправленного «бытового» творчества, то что же в этом плохого?

— Да я и не говорю, что это плохо. Но мы ведь ведем разговор об общественно полезном труде, акцентируя внимание на его экономическом эффекте. Говорим о том, что именно основная работа человека должна соответствовать его внутренним интересам, тогда она будет максимально эффективна.

— Ну, в этом смысле вы, пожалуй, правы. Труд в часы досуга нельзя полностью подчинить экономическим интересам общества. Не в этой области следует искать радикальное решение проблемы.

ПОДСКАЗАНО ЖИЗНЬЮ

— Решение это было указано XXIV съездом КПСС. Оно заключается в органическом соединении научно-технического прогресса с преимуществами нашего социалистического общества. Мы обязаны сделать все для развития общественной активности человека, его самоутверждения в труде, расширения социальной роли труженика в управлении государством. Советская социология и психология руководствуются широкими и гуманными целями.

Сейчас наметилось несколько путей решения проблемы существующего иногда несоответствия между запросами тружеников и характером их труда. Эти пути подсказывают и наука, и сама жизнь. Один из них — в широком участии рабочих в обсуждении проблем и забот предприятия, дающем им возможность проявить свою творческую активность в общественной жизни. Люди, приходящие сегодня на завод, не просто технически грамотные специалисты, способные участвовать в обсуждении технологии изготовления какой-то детали. Они — широкообразованные люди и могут на равных с инженерами решать, скажем, некоторые экономические проблемы. Предложения рационализаторов могут касаться не только технических, но и социальных проблем участка, цеха, завода. Не правда ли, это вполне достойная компенсация за нетворческую работу?

На Ленинградской фабрике имени Желябова руководители заметили, что с введением постоянно действующего производственного совещания активность рабочих в обсуждении общефабричных вопросов не возросла, а, наоборот, упала по сравнению с тем временем, когда регулярно проводились общецеховые собрания. Выборные представители фабричных подразделений на производственном совещании уже не ощущали локтя товарищей, не слышали их одобрения, не чувствовали себя уверенно при решении вопросов общефабричного масштаба. И сработала отрицательная мотивация: люди стали смотреть на свое участие в совещании как на обязательную общественную нагрузку, относились к делу формально. Внутренняя потребность в инициативе оказалась подавленной. И тогда желябовцы задумались: а почему не создать временную комиссию из рабочих и инженеров фабрики, которой поручалась бы подготовка какого-то вопроса для доклада на цеховом или общефабричном собрании? А в следующий раз собрать другую временную комиссию, в третий раз — третью? Во-первых, обсуждение вопроса при его подготовке проводилось бы на самой демократичной основе, в самом же цехе, а это уже гарантирует максимум активности. Во-вторых, благодаря чередованию комиссий в решении проблем предприятия примет участие огромная масса тружеников.

Идея хорошая. Не знаю, правда, воплощена ли она в дело. В любом случае активность в общественной жизни — естественное состояние для нашего рабочего класса. Известно, например, что по мере отработки технологии необходимо снижать расценки на деталь, иначе заработок рабочего будет неправомерно возрастать. Казалось бы, рабочий должен противиться снижению расценок. Но его понимание задач общества в целом сегодня столь велико, что он сознательно идет на повышение норм и временную потерю в заработке. «Если нашей бригаде предложат, — говорили нам рабочие на одном из ленинградских заводов, — изменить расценки в общей сумме на пять процентов, так мы сами на одних операциях снизим норму, на других повысим — словом, сделаем, как надо. Кто же лучше нас представляет себе нашу работу?» В таких ситуациях, когда люди, занятые даже на «маленькой» работе, ощущают свою причастность к общему делу, формируются гражданская ответственность за него, политическая зрелость.

ЕЩЕ РАЗ О ГОРДОСТИ

— Вы говорили о том, что существуют и другие способы компенсации нетворческой работы...

— Да, и они опять-таки связаны с системой социальных потребностей. До сих пор мы беседовали в основном о двух типах мотивации в трудовой деятельности — о стремлении к творчеству либо о материальной заинтересованности, о деньгах, позволяющих реализовать какие-то жизненные планы.

Но есть немало и других социально - психологических мотивов. Например, престижность работы, причем это понятие для нас качественно иное, чем на Западе, где престиж почти всегда можно выразить в получаемой зарплате. Поэтому там мотивация, связанная со стремлением к повышению престижа, по существу, сводится все к той же материальной заинтересованности.

У нас престиж работы во многом зависит от социальной значимости того или иного вида труда для общества. Кому может быть безразлично, важна или неважна твоя работа? Кому не хочется ощущать ее особую ценность? Ведь мы отдаем ей треть своей единственной жизни...

— По-видимому, возможно и обратное положение, когда высокая социальная престижность профессии может в значительной мере «утешить» человека, не удовлетворенного тем, что его работа не творческая?

— Совершенно верно. На заводах объединения «Светлана» немало рабочих, которых можно было бы отнести к экстровертивному типу людей, вполне довольных работой на потоке. «Предприятие у нас современное, — говорили они. — Новейшая отрасль — радиоэлектроника. Ни одна схема не заработает без наших транзисторов. Сколько их, скажем, в аппаратуре космических кораблей...». Вот эта гордость от сознания нужности и полезности всего дела в целом играет огромную роль.

Более того, в наших многочисленных интервью с заводскими тружениками мы обнаружили, что чем ниже квалификация работника, чем тяжелее может быть его труд, тем важнее для него престижный фактор. Многие подсобники и разнорабочие прямо заявляли: «На нас весь цех держится. Вот если токарь ошибется, так его мастер поправит, а если я заготовку вовремя не подвезу, — весь цех встанет...» Так человек интуитивно ищет для себя в социальном престиже компенсацию за нетворческую работу. Ему хочется, чтобы его уважали, чтобы труд его не оставался для других чем-то малозначительным.

И как раз в политике стимулирования деятельности рабочих очень важно учитывать этот фактор — престиж. Вербальное вознаграждение, то есть поощрение словом, благодарность в приказе, вывешенном на заводе, портрет на Доске почета, — все это играет часто гораздо большую роль для внутренней удовлетворенности человека, чем очередная премия. При этом, как отмечают многие соционсихологи, у людей повышается чувство собственной компетенции и уверенности в себе почти в такой же степени, как при выполнении творческого задания! Между тем посмотрите на заводские доски почета: «Лучший токарь», «Лучший фрезеровщик»... Но редко вы встретите там портрет, скажем, лучшего такелажника. А ведь ему нужно как раз моральное поощрение: по деньгам-то такелажник, может быть, больше старшего инженера зарабатывает...

Одним словом, мы должны использовать все возможности, заложенные в нашей социальной системе, чтобы повысить удовлетворенность людей своим трудом. Необходимо добиться такого положения, чтобы к проблемам личности каждого работника относились с тем же вниманием, как и к плановым заданиям. Для этого недостаточно одних благих намерений, — необходимо глубокое знание психологии человека-труженика. И тогда, несомненно, гораздо меньше станет тех, кто «не любит работать».

Беседу вел
Е. ДЕМУШКИН

* Интровертивность (по определению некоторых психологов) означает направленность психологического склада личности, характеризующегося замкнутостью, созерцательностью, обращенностью «в мир самого себя». — Прим. ред.

** Экстровертивность — свойство, противоположное интровертивности, обращенность «вовне». — Прим. ред.

ЭКСПЕРИМЕНТ «КЛУБА ДС»

Как сделать работу интересной? «Клуб 12 стульев» предлагает свой проект рабочего места станочника.

Рисунок Виталия ПЕСКОВА

● РОДИТЕЛЕЙ НЕ ВЫБИРАЮТ. НО ВСЕ-ТАКИ ПОВЕЗЛО ЭТИМ ОДИННАДЦАТИ!

РОДИТЕЛИ И ДЕТИ

● КАК ШКОЛЬНИК ПОПАЛ НА СКАМЬЮ ПОДСУДИМЫХ.

ДОКУМЕНТЫ, ЛЮДИ, ВРЕМЯ

Э. МАЛЫХ

МАТЕРИНСКИЙ ДНЕВНИК

I

Это письмо, пришедшее в «Литературную газету» из Ленинграда, было особенным. На ста пяти страницах автор письма, Анна Павлова, отстаивала свое право помочь молодой матери по имени Люба, с которой встретилась в роддоме полтора года назад. Жизнь двадцатилетней Любы была сложна и неблагополучна. И Анна, получив согласие мужа, хотела взять Любу с ее новорожденным сыном к себе, в свою семью. Но оказалось, что Люба, выйдя из родильного дома, исчезла. А так как она не была нигде прописана и нигде не работала, найти ее было трудно. Больше года Павловы пытались разыскать ее. Но попытки их вызывали недоумение: кто она вам? Зачем? Для чего? Все их старания оказались безуспешными.

И тогда Анна села за письмо. Анна писала так, что сто пять страниц толстой тетради проглатывались за один присест. Из последней страницы становилось известно, что Анна Абакаровна Павлова — 1932 года рождения — не профессиональный литератор, не юрист, не педагог, а кочегар.

II

Изящный овал лица, тонкий профиль и натруженные руки.

Да, отчество ее — Абакаровна. Отец — аварец, а мать — русская, библиотекарь. Анна — коренная ленинградка. В юности увлекалась селекцией, заочно училась в сельскохозяйственном техникуме. Но, проработав один год агрономом, ушла из техникума. Да, разочаровалась. Нет, не в деле — в себе. Поняла, что такая работа, где надо спрашивать с людей, ей не по силам. Да, она может спросить только с себя.

...Ну, а тут пошли дети...

— Сколько же у вас ребят?

— Вот ждем одиннадцатого...

В целлофановом пакете, где лежали ее документы, просвечивали две тонкие синие тетради.

— А это что?

— Так... Мои записи.

— Ага! Я не сомневалась, что вы пишете!

И сколько Павлова ни уверяла, что везла эти тетрадки не для показа («Всегда в транспорте пишу, нет у меня другого времени»), я, считая, что она возражает от застенчивости, завладела тетрадками.

Потом, прочитав их, поняла свою ошибку: записи велись действительно только для себя. Но это были не дневники, а блокноты писателя. Подтверждение моих догадок заставило меня еще настоятельнее просить Павлову показать свои рукописи. Но все рукописи за двадцать лет оказались такими же — «из блокнота». Зарисовки, раздумья. В то же время это роман, история одной жизни.

«...Жажда выразить себя, непреодолимая потребность выразить окружающее через свое восприятие — вот моя тайная вторая жизнь».

Не проникнув в эту «тайную», невозможно постичь явную.

Пока я хочу понять только одно: почему эта женщина, только что родившая десятого ребенка (нетрудно представить себе труды и заботы, которые ее обступают!), взваливает на себя еще и эту обязанность — вытащить случайно встреченную запутавшуюся девчонку? Я ищу в ее тетрадках строчки, хоть как-то объясняющие это.

После рождения четвертого ребенка Анна решила снова работать. Долго не могла найти подходящее место. Такое — чтобы оставалось время для дома и чтобы без скидок на многодетность могла справляться с работой. Наконец поступила стрелком в охрану. До этого она, видно, сама в полной мере не осознавала, какая это необходимость для нее — работа.

«Никогда я еще не жила так радостно, как сейчас, никогда столько не смеялась, не пела, не бегала так легко и охотно. Я работаю, это дало порядок и устойчивость моей жизни, возвысило меня в своем же сознании».

Появился еще один ребенок. Но она уже не хотела, не могла бросить работу. И решила отдать пятого, грудного Ваню на время в Дом ребенка.

«...Мне кажется, всем окружающим известно, что я везу Ваню «сдавать»... Почему-то досужие люди на каждый драматический случай непременно придумают оскорбительное слово. «Сдавать родного сына...» Словно ты не хочешь его воспитывать, словно ты совершенно никуда не годишься и вот сдаешь маленького беспомощного человека государству...»

И Павловы нашли выход: работать вместе, подменяя друг друга. Они стали кочегарами в котельной. Впрочем, это не была котельная в привычном понимании — огромный светлый цех крупного завода, оснащенный современнейшей техникой — энергоцех.

«...Я полюбила теплотехнику, свое дело. В нем есть ярко выраженная, бесспорная чужность. Оно помогло мне преодолеть мою физическую слабость, непригодность к тяжелой работе.

У нашей котельной наверху все стены стеклянные. Отсюда, сверху, почти во весь горизонт видна панорама вечернего города. Синий снег, серое небо. Красные огни на высоких трубах. У каждой трубы где-то там, невидимая отсюда, котельная. А здесь тепло, спокойно. Чуть-чуть дрожат стрелки приборов, показывая, что все идет, как нужно».

Шестого ребенка выкормила, не оставляя работы. Взяла из Дома ребенка и Ваню.

И вдруг — вызов в милицию.

Мое нарушение в том, что, будучи прописана в частном доме, принадлежащем наполовину (14 метров) моему мужу и его матери, и фактически, не имея, где жить, я скитаюсь со своей семьей, живу без прописки в совхозном доме».

...Как это напоминает судьбу Любы. И у той не было жилья, и трудно было найти подходящую работу, и той пришлось отдать мальчишку в Дом ребенка... но все может стать на место, как случилось с ней самой. Вот вызывали в милицию, а исполком дал жилье. Сначала (в порядке исключения — очередь еще не подошла) комнату. А после рождения седьмого ребенка — квартиру. Все еще может быть у Любы (если вмешаться!): и дом, и семья, и друг настоящий. Все то хорошее, что есть сегодня у Анны, может прийти в жизнь этой девчонки, судьба которой не дает Анне покоя.

Я выписываю из ее тетрадок то, что делает многотрудную жизнь Анны наполненной, яркой, а порой и прекрасной.

«Возвращаемся с работы к себе домой. Володя взял у меня тяжелую сетку с продуктами. В трамвае нас оттеснили в разные стороны. Потом освободилось место, и я села. Но не мог же он, зажатый со всех сторон, передать сетку мне через головы стоящих людей. Все время, пока не задремала сидя, представляла себе, как тяжелая сетка врезается ему в пальцы. И когда встала, оказалась рядом, сразу же постаралась перехватить сетку за ячейки и приподнять. Рукав пальто у Володи был задран. Я стала поправлять рукав, а он вдруг благодарно прижал к себе мою руку. Отец моих детей, все трудности изо дня в день делит со мной и всегда старается взять на свои плечи что потяжелей».

В детях Павловы старались воспитывать прежде всего уважение к труду.

«...Братья Павловы — здоровые ребята. Говорят про себя с гордостью: «Мы — рабочие». Это не для красного словца. Еще в школу не ходили, а уже хорошо знали устройство котельной».

Заботиться о малышах поручалось старшим детям не в обузу, а в награду. Каждого из ребят, когда он подрастал, знакомили с «Юностью Максима». Паренек с Выборгской стал идеалом Анны еще в ранней юности, прошел через всю жизнь. Она учила своих детей ценить все, что ценила сама...

«...Голубое небо, березки, ромашки. Мою Россию...»

В материнские тетради с именами детей на обложках заносится подмеченное ею в детях — радующее и тревожащее. Что в них поддержать, что побороть... Чему у детей поучиться:

«Не так уж часто мама и папа бывают дома оба сразу. Но вот дома и мама, и папа. И оба стоят посреди кухни. А между ними Светка. Задрав голову, смотрит на того и другого, на того и другого. Лицо у Светки счастливое.

В моей жизни не было этого. Не было папы, который может стоять запросто на кухне в тельняшке и домашних шлепанцах, с упавшими на лоб непричесанными прядями. В моем детстве не приходил с работы папа, не закатывал выше локтя рукава, обнажая сильные рабочие руки, не открывал на кухне кран, не отмывал долго и старательно въевшуюся в ладони угольную пыль. Ничего этого не было у меня, но я знала и до сих пор знаю, что это — счастье».

Труднее всего доставался им Ваня. Эксперименты с кранами, со спичками. Побеги из детского сада — страсть к путешествиям.

«...Но Ване с нами куда труднее, чем нам с Ваней... Когда его наконец отыскивают, у него бывают огромные счастливые глаза, но никто не интересуется, что он видит, какие открытия сделал, а все укоряют и ругают за побег», — старалась понять Ваню мама.

А среди новых соседей нашелся один, кто из-за Ваниной шалости со спичками поднял вопрос о лишении — вот этих Павловых! — родительских прав. Конечно, ничего из этого не вышло, но стоило это Павловым не дешево.

Из всех «уроков» Анна извлекала то, что ее облагораживало.

«...Совсем незаметно люди приходили мне на помощь в трудные минуты. Я чувствовала себя в долгу и все думала: как мне отблагодарить тех добрых людей? Так думала, пока не поняла: единственное, что я могу, — всегда поступать, как эти люди».

...Рождение девятого ребенка чуть не стоило ей жизни. А в тетрадке с заглавием «Миша» появились строки:

«Теперь знаю, что счастье — победить свой страх, боль, все трудное и плохое во имя жизни! Верю, что мой сын тоже победит свои трудности».

После рождения десятого ребенка Анна писала в заводской многотиражке:

«Событие это было для меня тем более радостным, что я была окружена вниманием и заботой моих товарищей из энергоцеха. Всего дороже для меня это дружеское участие, доброжелательность, с которыми относятся ко мне все на нашем заводе».

И вот в этом роддоме, где Анне оказывалось столько внимания, она и встретила Любу, к которой за все время не пришел ни один человек, не была передана ни одна записка. Пристальные глаза Анны разглядели в молодой матери человека, в которого можно, нужно верить. По собственному опыту она знала, как с помощью людей все может наладиться. Вот почему, добившись приезда журналиста, Анна добралась ко мне из последних сил.

III

Оговорюсь сразу — истории Любы я здесь больше касаться не буду хотя бы потому, что Люба еще не нашлась. Возможно, теперь ее жизнь уже выправилась. А может быть, эти строки настигнут Любу и она откликнется?

А меня все больше интересовала сама Анна. Не из-за отсутствия своих забот заболела она чужой судьбой, а несмотря на все свои заботы. И какие заботы! Мать десяти детей, ждет одиннадцатого; кочегар на двух работах — основной и по совместительству, деятельный профорг. И при этом — «ни дня без строчки».

Как она попросту со всем справляется? Что это за феномен? Я хочу ее понять.

И не только я. В заводской многотиражке журналистка Н. Пантелеева так и начинает свой очерк о Павловой: «С тех пор, как я впервые встретилась с этой женщиной, я не перестаю задавать себе вопрос: какая она? И каждый раз отвечаю на него не до конца, ибо с каждой новой встречей открываю в этом человеке что-то новое, не известное мне доселе».

У меня нет надежды на частые новые встречи с Анной — живем в разных городах, — и я хочу безотлагательно побывать у нее дома. В воскресенье вся семья будет в сборе.

В коридоре, как в сапожной мастерской, у стены в деревянных клеточках — всех размеров и всех видов детская обувь: тапочки, сандалии, валенки, галоши... Полстены обуви. В большой проходной комнате — раздвижной стол, шкафчик для книг и широкий, застеленный одеялом матрац на ножках. Поверх одеяла полулежит одетая Анна. Прихворнула, а врача не вызывает — боится: отвезут в роддом, а у нее еще не все дома подготовлено.

Муж на дежурстве, скоро придет. Дети гуляют, сейчас появятся. И действительно — видно, они где-то за углом выглядывали гостью, — комната вдруг заполняется детьми: три девочки, три мальчика. А остальные четверо? Из проходной комнаты двери ведут еще в две маленькие спальни. В одной спит полуторагодовалая Надя. Во второй притаились шестнадцатилетний Слава и четырнадцатилетний Сергей. Не хотят выходить к гостье «на смотрины». А самой старшей — Ляли — нет в Ленинграде. Вообще-то она учится в техникуме, но сейчас уехала на спортивные соревнования.

Это все объясняют дети. Мать молчит, но дома даже молчание у нее другое.

В окружении своих детей она сидит такая ровная, без улыбки светящаяся, непринужденная. Что есть то есть. Ничего не скрывается, ни на что не обращают вашего внимания. Умеете видеть — сами увидите, сами поймете.

И сразу видишь, сразу понимаешь: эти дети друг другу помощники и родителям помощники. Дети все разные, но фамильное сходство — внешнее и духовное. Внешнее — в какой-то общей черточке, в разрезе глаз... Внутреннее: хозяева жизни — самостоятельные, доброжелательные, свободно действующие в своем фамильном кодексе: «Мы — Павловы»... Каждый сообразно своему характеру принимает гостью.

Двенадцатилетняя Анюшка с красивыми лентами, вплетенными в косы, с освещенным лицом (впору сейчас на сцену танцевать!) тихо сидит рядом с матерью, и от ее блестящих глаз не ускользает ни одно движение младших братьев и сестер. Она не дирижирует, не режиссирует, она за них не беспокоится, но она — здесь. Она всех нянчила, и мечта ее — быть воспитательницей в детском саду. Слово, фразу Анюшка не говорит, а словно вступает в оркестр.

Десятилетний Ваня с озорными глазами и максимовским чубом при малейшем затруднении предлагает свои умелые услуги: «Дайте открою. Дайте накапаю» (матери лекарство). Девятилетняя гибкая Светка с ходу демонстрирует свои акробатические упражнения. Она самая шустрая и разбитная. Восьмилетняя красавица Вера просто ластится к гостье. Она очень непосредственная и, видимо, по мнению Светы, может ляпнуть что-нибудь не очень приятное для окружающих. Света профилактически то и дело подталкивает Веру в бок. Шестилетний Антон старается облегчить гостье знакомство. Подходя, он всякий раз не забывает напомнить: «Я — Антон». Трехлетний Мишка только широко, добро улыбается.

Просыпается, подает голос Надя. Ни мать, ни Анюшка-младшая не шевелятся. К Наде устремляются Света и Вера.

Между тем является отец. В свои сорок с лишним лет он будто такой же, каким встретила его в молодости и каким описала в одной из своих тетрадок Анна. «...Такой скромный и застенчивый, такой неловкий, угловатый и гордый мальчишка». Представляется мне: Володя. Мы выходим с ним в кухню. Ему и самому хочется потолковать со мной. Когда им дали эту трехкомнатную квартиру, детей было семеро. По тем временам жилищная норма. Теперь, конечно, тесновато. А как хотелось бы забрать сыновей из интерната. Не потому, что в интернате условия хуже. Наоборот, там — на всем готовеньком. А дома Павловы приучают детей к ответственности, самостоятельности. По очереди и готовят, и покупки делают, и соображают, что сготовить, что купить...

Мое уважение к их дому все растет. По тетрадкам я знала, как раздувает Анна в детях искорки духовного. И как она к своим детям внутренне придирчива. Все они рисуют, а мать огорчается тем, что, по ее мнению, у них отсутствует природное чувство композиции: «глуховата душа...» С каким жаром и глубиной обсуждают просмотренные вместе фильмы и спектакли, какая выработана у Павловых традиция: даже книги не копить, а, прочитав, дарить библиотеке (пусть другие прочитают), как наперебой сочиняют новые слова к любимой песне «Крутится, вертится шар голубой...».

Но я не представляла себе, в каких условиях протекает эта жизнь, растут духовные богатства, сохраняется мироощущение, которым Анна заражает своих детей.

«Не знаю, к добру или к худу, но меня обычно все-все радует. Не только дети меня радуют, не только работа, когда у меня на работе все в порядке. Меня радует каждый день небо над головой. Просто небо без бомбовозов. Даже если пасмурное. Каждый куст, каждое дерево радует. Снег... Я рада, когда не опоздаю на поезд, еще больше рада, если в транспорте есть место, чтобы сесть, — тогда сразу можно вытащить тетрадку».

Еще несколько тетрадей увожу в Москву. Через четыре месяца в Москву на три дня прилетает Анна с уже улыбчивой одиннадцатой Павловой — Маней. Анна, помолодевшая, легко, быстро двигается по комнате, в спортивных брюках, со спущенной косой...

А я непреклонно реквизирую ее новые тетради.

Читаю, перечитываю, сопоставляю с тем, что видела, слышала... Спорю с собой, переосмысливаю... Становятся на свои места черты, поступки, факты, казавшиеся непостижимыми...

Подвижница? Да! «Не от мира сего»? Нет!

У Анны Павловой в семье глубочайшие корни. Правда, которую несут миру рабочие руки, — вот ее вера с юности. Права, завоеванные рабочими руками, — вот самая устойчивая почва, на которой она создает свою жизнь. Трудности, которые довелось ей пережить, не родили в ней неуверенности.

Напротив, побеждая, она утверждалась в своей вере, в своем праве. Она никогда не повышает голоса, потому что правота и права ее неоспоримы — сами скажут за себя. В ней все цельно. О чем мечтает, во что верит — тем и живет. Как живет — о том и пишет. Тетрадки ее «тайные» только потому, что она еще не расценила их как свое главное оружие. Они служили ей как оружие подсобное. Они помогали Анне совершенствовать себя, семью, но семьей ее мир не ограничен.

Но как же так? За двадцать лет попытки не сделала превратить этот дар в свое главное оружие, поставить его впрямую на службу людям! Почему?..

В одной из своих последних тетрадок, прочитав первую повесть молодой писательницы, Анна записала:

«Отчетливо поняла: я не умела, боялась взлететь. А она не побоялась. Взлетела.

Так увидела как-то близко журавлей. Какие странные, необычные птицы! Как много всего: длинный нос, длинная шея, длинные перья в хвосте, а ноги, ноги какие длинные! До чего же неуклюже журавль подпрыгивает раз-другой... А крылья какие длинные, где они только умещались? Ну где ему взлететь такому неуклюжему! А он с треском махнул крыльями, еще подпрыгнул, оторвался от земли и пошел набирать высоту! Оказалось, он стройный, сильный, совершенство! Как красиво летит, глаз не отвести...

Не знаю, как это на словах сказать, но мне вспомнился взлетающий журавль. На первый взгляд, поражает необычность, а затем является чувство восхищения и особой, светлой радости...»

Точнее не скажешь о самой Павловой: на первый взгляд, поражает необычность, а затем...

Как хочется помочь ее счастливому взлету!

Н. МЕЛЬНИКОВ

ГУМ. У фонтана

НА ПОДСУДИМОМ Матвееве была школьная форма. Когда он сидел, опустив голову, то из-за барьера выглядывала лишь стриженая макушка его. Он был мал ростом, а барьер высокий. Поэтому Матвеев казался еще меньше, чем был на самом деле. Я видел этого парнишку в коридоре, когда милиционер конвоировал его сюда. Я намеревался слушать другое дело, но его отложили, и я пошел следом за парнишкой и милиционером. Уж больно не вязались школьная форма и мальчишечья стриженая голова на тонкой шее с руками, отведенными по-арестантски назад, и милиционером с внушительно оттопыренной кобурой.

На листочке, приколотом к двери, сообщалось, что «в 10.00 слушается уголовное дело А. Матвеева по статье 144».

Зал судебного заседания был попросту комнатой, куда втиснули громоздкий стол, судейские кресла с грозными спинками, несколько рядов стульев, огороженную барьером скамью подсудимого и еще столики для защитника и прокурора.

Два окна выходили во двор. За ними лило с крыши. Уже несколько дней, как началась весна. Заметнее прибавилось света, заметнее стали пыльные разводы на окнах. Где-то в стороне на крыше соскребали последний снег, и было слышно, как он бухает внизу.

— Встать, суд идет!

Ветел Матвеев, встали женщина в первом ряду и я. Больше никого посторонних не было. Кроме меня. Женщина из первого ряда оказалась матерью подсудимого. Прокурор и защитник отсутствовали. Защитника родители подсудимого не наняли, а прокурор не счел нужным участвовать в этом деле. Оно и правда было яснее ясного. Обвинительное заключение состояло из нескольких фраз. В нем говорилось, что Андрей Матвеев, тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года рождения, проживающий в городе Воскресенске, приехал в Москву и в ГУМе залез в карман командированному гражданину Суворину, вытащил два рубля шестнадцать копеек. Матвеев был задержан на месте преступления и доставлен в отделение милиции. И в милиции, и на предварительном следствии Матвеев признал себя виновным. Деньги пострадавшему возвращены.

— Встань, Матвеев, — сказал судья. — И вообще вставай всякий раз, когда к тебе будут обращаться.

Матвеев встал.

— Признаешь себя виновным?

— Да.

— Значит, ты приехал в Москву, чтобы пошуровать чужие карманы?

— Нет.

— А зачем приехал?

— Погулять.

— Погулять — в ГУМе?

— Я на могилу Неизвестного солдата ходил.

— А потом пошел в ГУМ?

— Да.

— Значит, ты не собирался залезать в чужой карман?

— Нет.

— А зачем залез?

Матвеев молчал.

— Говоришь — не хотел, а залез. Я вот не хочу и не залезаю. Как же это понять?

— Я механически.

Судья усмехнулся.

— Механически никто в чужие карманы не залезает. Ты вот что скажи: раньше не привлекался за воровство? Приводы были?

— Нет.

— Может, вспомнишь?

— Не привлекался.

— Придется тебе напомнить. Год назад ты стащил в школе две хоккейные клюшки. Вот копия протокола из милиции.

— Я не привлекался, — повторил Матвеев.

— Это верно. Тебя простили. Пожалели. А клюшки ты сбыл, и родителям твоим пришлось платить за них.

— Я не сбывал.

— А куда дел?

— Выменял.

— На что?

— На нож.

— Финку?

— Охотничий нож и моток лески.

— Чужие вещи выменял? Ты что же, не отличаешь чужое от своего?

Матвеев молчал.

Судья продолжал:

— В тюрьме научили тебя про могилу сказать. Коцунство это, хитрость, поглядите мол, какой я патриот.

Матвеев молчал.

— Молчишь, ну так я тебе скажу: как только у тебя язык повернулся сказать, что приехал пойти на могилу Неизвестного солдата. В ГУМ ты приехал, пошуровать по чужим карманам... Знаешь, у кого ты деньги вытащил? У такого же трудящегося человека, как твоя мать и твой отец. Позор, а ты хитришь, лжешь.

— Я не хитрю.

Теперь уже снег на крыше соскребали над нашими головами. Судья неодобрительно поглядел на потолок.

— Хитришь, Матвеев, хитришь. Послушай, что о тебе пишут из твоей школы: любит приврать. Зачем-то говорил ребятам, что отец его дипломат. В другой раз сказал, что отец полярник. Ты что, не знаешь, кто твой отец?

Вместо него ответила Матвеева:

— Он с нами не живет.

— Так что ж, что не живет? Садись, Матвеев. У меня к вам, гражданка Матвеева, есть вопрос... Скажите, как ваш сын ведет себя дома?

— Как ведет? Я его до вечера не вижу. Утром в школу уходит. Я на работе весь день.

— Часто он бывает в Москве?

— Когда на экскурсию со школой ездил, сказал. Я на поезд денег давала.

— Ну, а с кем дружит, где бывает?

— С кем дружит?.. Всех не упомнишь. В кино идет, говорит. Денег дашь.

— В школе бываете? Интересуетесь, как учится, как ведет себя?

— Когда клюшки стащил, вызвали, и в милицию вызвали. Тут каждая копейка на счету, а мне за клюшки платить. Верно говорили люди — не плати. Пусть мерзавца судят.

Судья перебил ее:

— Не выражайтесь, гражданка Матвеева. Речь идет о судьбе вашего сына.

— Чего ему не хватало? — продолжала Матвеева. — Теперь на всю улицу оповорил.

— Вы раньше не замечали, пропадали у вас в доме вещи?

— Я вот собрала бутылки, банки разные, хотела в субботу сдать, а гляжу, он уж снес.

— Сама велела! — не выдержал Матвеев-младший.

— Тихо! — сказал судья.

Вопрос задал один из заседателей:

— У вас еще дети есть?

— Слава богу, нет.

— То, что вам перед соседями стыдно, это понятно, — продолжал заседатель. — Но ведь решается судьба вашего единственного сына, а вы о каких-то бутылках и банках говорите. Неужели вам больше нечего сказать суду? Вы же мать.

— А чего говорить? Я не учила его по чужим карманам шарить. Разве в чем отказывала?

— У меня больше нет вопросов, — сказал заседатель.

— Садитесь, гражданка Матвеева, — судья поглядел на подсудимого. — Тебе предоставляется последнее слово.

Матвеев не двигался.

— Встань, Матвеев.

Он встал.

— Тебе предоставляется последнее слово. Понял?

— Понял.

— Тогда говори.

Матвеев, глядя в пол, попросил:

— Дайте поменьше.

Суд удалился в совещательную комнату. Подсудимого не увели. Судья сказал, чтоб не уводили. Матвеева подождала, когда закроется дверь в совещательную комнату, и повернулась к сыну:

— Говоришь, что велела бутылки сдать, а ты деньги отдал?

— Отдал.

— Не разговаривать! — предупредил милиционер.

Матвеева повернулась ко мне.

— Слышали? Отдал деньги, говорит. Врет ведь.

Приоткрылась дверь из коридора, откуда заглянула круглолицая девчонка с челкой по самые глаза. На нее взглянул Матвеев и буркнул:

— Зачем приехала?

— Куда библиотечного Фенимора Купера дел?

— Не разговаривать! — приказал милиционер.

— Я про Фенимора Купера библиотечного.

Ее подозвала секретарь суда, что-то объяснила, и она, усевшись рядом с Матвеевой, спросила:

— Еще ничего не было?

— Сейчас приговор вынесут.

— А чего дадут?

— Я почем знаю. Скажут.

— Подумаешь, два рубля стибрил. Тоже, деньги!

Прошло минут пятнадцать — двадцать. Не больше. На крыше еще скребли лопатами.

— Встать, суд идет!

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики... — начал зачитывать судья. И я пытался по его голосу угадать приговор. Голос его казался скорбным, будто он, судья, опечален собственным суровым решением. — Два года лишения свободы в колонии для несовершеннолетних.

Секретарь что-то сказала судье, и тот обратился к осужденному:

— Ты куда библиотечную книгу дел?

— У Кольки Крюкова она.

— У Крюкова, — повторил судья, глядя на девчонку.

Милиционер увел осужденного.

Быстро вошел человек и, потому что я был ближе других к двери, тихо спросил меня:

— Кончился суд?

— Кончился.

— Что дали?

— Два года.

Он кивнул и поспешил к судье:

— Гражданин судья, разрешите вопрос? Я отец этого, что засудили сейчас. Как теперь алименты — не будут с меня вычитать?

Судья с удивлением уставился на Матвеева-старшего. Потом спросил:

— Вы почему не явились в суд? Вы же получили повестку?

Матвеев-старший, указав головой на жену, ответил:

— Мы в разводе.

Судья все с тем же удивлением смотрел на него:

— С сыном в разводе? — И, не дождавшись ответа, ушел в совещательную комнату, так и не сказав про алименты.

Матвеев-старший пожал плечами и направился к выходу.

Потом я увидел его на улице. Он шлепал по лужам на другую сторону. Там продавали горячие бублики. Он купил бублик и вернулся назад.

В воротах суда, у боковой двери, дожидался серый фургон. Здесь стояли мать осужденного и его одноклассница. Она тихо всхлипывала. А Матвеев-старший сюда не шел, вертелся у ворот, дохрустывая бублик.

— Чего ревешь? — прикрикнула на девчонку Матвеева.

— Жалко.

— Пусть не шарит по чужим карманам. Может, человеком станет.

Матвеева-младшего как раз выводили на улицу. Должно быть, он слышал слова матери и уже с фургона обернулся и крикнул ей:

— Тебя саму отец бросил! За ним захлопнулась дверца с решетчатым окошком. Возле пристроился конвоир, прикрыв за собой наружную дверцу. Фургон тронулся, выехал из ворот. Вовле них я опять увидал Матвеева-старшего. Он поглядел вслед фургону и помахал ему. Видно, запомнив меня еще в суде, он обратился ко мне, как к старому знакомому:

— Допустим, я отец этого пацана. Как же теперь с алиментами, будут вычитать?

Я смотрел на него и не мог понять, кто он. Одно я понял, что если Матвеев-младший, может, еще и станет человеком, то этот — уже никогда.

Давно скрылся серый фургон. Давно ушли Матвеевы. У ворот стояли девчонка с челкой и я. Девчонка все всхлипывала и жаловалась:

— Подумаешь, два рубля.

Нет, суд был как суд. Я о Матвеевых-старших, о тех, что средь бела дня предали мальчишку.

Фото Н. СВИРИДОВОЙ

ЭКСПЕРИМЕНТ «ЛГ»

Л. ВЕЛИКАНОВА

КВАРТИРА ПО ВЫБОРУ

ЭВМ для тех, кто хочет обменяться?

ОЧЕВИДНО, начинающему следователю кажется, что мир состоит из одних преступлений, а для молодого хирурга он на какое-то время концентрируется вокруг вывихнутых суставов. Во всяком случае, мне, одному из авторов статьи «Меняю квартиру...» («ЛГ», № 50, 1971), столкнувшемуся с проблемой обмена жилой площади впервые, в течение длительного времени представлялось, что разъехаться, съехаться, перебраться в другой район или город решили буквально все; звонили и приходили близкие и полузабытые родственники, друзья, знакомые, знакомые знакомых и совсем незнакомые. Они рассказывали захватывающие истории, связанные с желанием обменяться, и просили помочь. Особенно запомнился один посетитель. Инженер по профессии, он сумел составить «цепочку» из семи семей, каждая из которых, переехав, обязательно что-то выигрывала: одни получали нужный им район, другие — отдельную квартиру вместо комнаты в коммунальной, третьи объединялись и т. д. Но именно в третьих-то все и упиралось. Это была семья — мать и дочь. В свое время дочь, заслуженная работница одного из столичных предприятий, по специальному ходатайству, получила отдельную однокомнатную квартиру площадью двадцать квадратных метров. Такая же просторная комната, но с соседями, была и у матери. Объединившись, они должны были въехать в отдельную двухкомнатную квартиру площадью, скажем, 32 (или 34) квадратных метра. Районное бюро обмена на этот вариант не соглашалось и дела к рассмотрению не принимало. Инспектор письменного объяснения инженеру не давал, а устно толковал одно: «Не положено; для двоих эта квартира слишком велика». На попытки объяснить, что сейчас мать и дочь живут на большей площади, он отвечал хоть и невразумительно, но убежденно: «Ну и пусть живут. А давать — другое дело...»

Потом пошли письма. Из Ленинграда и Волгограда, Свердловска и Харькова, Тбилиси, Ростова-на-Дону и других городов. Почти в каждом из них были своя «обменная история» и свое резюме. Ну, скажем: меняются по три — пять лет, «убивают» на «толкучках» целые отпуска. Или: желающих обменяться теперь очень много, а службы, которые этим занимаются, остались почти такими же, что и семь — десять лет назад. Там тесно, неприютно, да и встречают не больно ласково. И самое главное: мало помощи, нет информации, трудно разобраться.

Все эти сведения были разрозненны и достаточно случайны, однако анализ поступивших в редакцию материалов показал: затронута большая социально-экономическая проблема перераспределения жилой площади, которая требует дальнейшего исследования.

В ТРЕХ городах — Москве, Харькове и Ростове-на-Дону — среди стоящих на учете в бюро обмена «Литературная газета» распространила по сто анкет. Предлагалось ответить на следующие вопросы:

Когда Вы первый раз пришли в бюро обмена и стали на учет (год, месяц, число)?

Не имеете ли претензий к процедуре принятия на учет? Устраивают ли часы и дни работы бюро?

Откуда узнали, куда идти,— от знакомых? Из каких-то других источников?

Как Вас встретили в бюро? Были ли к Вам внимательны?

Предлагали ли работники бюро какие-то варианты? Если нет, какую иную помощь они Вам оказали?

Обновляется ли картотека, имеющаяся в бюро? Легко ли ею пользоваться?

Каким образом Вы совершили обмен или в каком состоянии находится Ваше дело?

Есть ли у Вас предложения по совершенствованию процедуры обмена?

Рассылалась анкета по четкому принципу: двадцать — меняющим комнату на комнату; двадцать — две комнаты вместе на две в разных районах; двадцать — две комнаты в разных районах на две вместе; двадцать — двух- и трехкомнатные квартиры—раздел и двадцать — объединение.

При этом мы исходили из следующей логической посылки. Подавляющее большинство меняющихся хочет разъехаться. Значит, «две вместе — на две в разных» — вариант трудный, а, наоборот, «две в разных районах — на две вместе» — легкий. Поскольку анкеты разосланы и тем, и другим, сведения, поступившие в редакцию, онажутся противоречивыми, и мы сможем определить, что же зависит от работников службы обмена, а что — только от конъюнктуры.

Из трехсот в редакцию вернулось 92 анкеты (39 московских, 33 харьковских и 20 ростовских). По сути дела, нам ответил каждый третий; социологи утверждают, что это очень много и свидетельствует о высокой степени заинтересованности невольных участников эксперимента. Никакой разницы в оценке процедуры обмена, вопреки нашим предположениям, не обнаружилось. В общем, все называют эту процедуру достаточно мучительной, поскольку добыть информацию трудно, а для того, чтобы отобрать так называемый оптимальный вариант, надо потратить массу времени.

По двум основным «параметрам» ответы совпали чуть ли не дословно: о том, где и как ставят на учет, каждый узнавал либо от знакомых, либо на «толкучке» (один харьковчанин написал так: «от людей») — это говорит о плохой рекламе. Полное единодушие проявили наши корреспонденты и при ответе на вопрос, оказывают ли работники бюро какую-либо помощь в подборе вариантов. (В большинстве случаев это было «нет» и «никакой»; иногда — более эмоциональное: «на полном самообслуживании», а то и достаточно пространное: «это самый больной вопрос; в бюро такой услуги не только не оказывают, но и утверждают, что они не обязаны этим заниматься».)

С предельной заинтересованностью к этому пункту отнеслись и энтузиасты с почти безнадежными шансами на успех, и те, на кого предложения сыплются, точно из рога изобилия, и даже уже совершившие обмен. Цитирую одну из харьковских анкет:

«Советую позаимствовать опыт у частных «маклеров». Он посещает квартиру. Осматривает, ощупывает и обнюхивает. В течение получаса все плюсы и минусы взвешены. Внимательно выслушивает твое желание. Если оно переоценено, объясняет причину, ссылаясь на конъюнктуру «рынка». Если тебя устраивает, вручаешь аванс — 50 рублей. Наблюдала все это у знакомых сама. К дальнейшей процедуре допущена не была, и последующую плату, после совершения обмена, от меня скрыли. Максимальный срок обмена — месяцев шесть. Двое моих знакомых «уложились» в три месяца, третий — в пять. Обменом довольны, хотя и противно иметь дело с «маклером». Согласна внести в кассу бюро 50 рублей, чтобы совершить обмен таким образом. Но без частника».

А вот отрывок из ответа уже обменявшегося москвича:

«Вариант у меня был легким, ато утверждали сами работники бюро, и все-таки они сделали мне лишь одно предложение. Всего же я их «исследовал» около ста, примерно 20 осмотрел. Пришлось не раз и не два побывать на «толкучке», прочесть несколько сот объявлений и в «Бюллетенях», и из тех, что расклеивают на стенках и заборах у автобусных и троллейбусных остановок. У таких объявлений большой «плюс»: они тебя ищут, а не ты их. Даже такое удобство, как разрезанный на полоски край объявления, на котором записывается номер телефона, — и то важно. Оторвал и пошел. А вечером звони. Почему бы бюро не воспользоваться этим «изобретением» неизвестного «обменщика»? А вообще было бы лучше всего, если бы варианты изучали сами работники бюро, а не клиенты. А то называется-то оно «обменным», а фактически обменом не занимается. Только регистрацией и оформлением».

Или более коротко. «Считаю, что у работников бюро нет стимула заниматься посредничеством» (Харьков). «Следует по особому тарифу взимать с клиента повышенную плату за поиски нужного ему варианта» (Москва). «Надо принимать заказы на поиск обмена за плату» (Ростов-на-Дону).

А вот о процедуре постановки на учет, часах и днях работы обменной службы мнения разделились. Москвичей и ростовчан и то, и другое устраивает, харьковчан — нет. Объясняется это просто: двери столичного городского бюро обмена (а также большинства районных) и ростовского «посредбюро» по субботам открыты, харьковского — на замке. (Отсюда постоянное: «Надо продлить часы работы»; «Необходимо, чтобы бюро работало хотя бы в один из выходных дней». Одни пишут коротко: «Не устраивают». Другие объясняют: «За год два раза отпрашивалась с работы, два — брала «за свой счет», три раза работала без перерыва, чтобы уйти пораньше и успеть до 18 часов что-то просмотреть»).

Очень разнятся ответы и на вопрос о том, как работники бюро встречают клиента, оказывают ли ему должное внимание. Самыми невежливыми оказались харьковчане; каждый второй зафиксировал: «встречали равнодушно» (с вариантами — «по-казенному», «никак», «формально»).

В Харькове и Ростове-на-Дону пользоваться журналами учета (там нет картотеки) трудно, поскольку желающих много, тесно, да и журнал на части не разорвешь. В Москве просторно, картотеки удобные, есть консультант, который показывает, как ими пользоваться, карточки обновляются каждую неделю.

ИТАК, как видим, проблема распалась на две части: постановка дела и функции обменных служб. Первую, как бы широко ни были распространены те или иные недостатки, какими бы типичными ни казались, можно назвать местной или частной. Для ее решения не требуются ни капитальные вложения, ни радикальные перемены. Все зависит от желания руководителей самой службы да тех, кто этими руководителями руководит. Не будем брать Москву, здесь иные масштабы. Сравним постановку дела в Харькове и Ростове-на-Дону. Там совершается за год примерно равное количество обменов (порядка пяти тысяч), почти одинаковые штаты и ставки. Почему же в Ростове-на-Дону оказалось возможным отпереть двери бюро в субботу, а в Харькове их держат на запоре? Да потому, что в одном случае бюро по обмену жилой площади должны работать профессионалы высокого класса, для которых вежливость — такой же признак мастерства, как умение поставить диагноз, продать товар или оформить ордер на обмен квартиры. За нее работники служб, которые прямо «выходят на человека», тоже получают заработную плату.

Куда более сложной представляется мне вторая, общая часть «обменной проблемы». Я имею в виду подбор вариантов, расширение посреднических функций бюро.

По мнению специалистов, статистически легко проследить связь между ростом жилищного строительства и увеличением притока заявлений на обмен квартир. Да и обычная логика подсказывает: здесь все наоборот — не столько спрос рождает предложения, сколько обилие предложений подстегивает спрос, поскольку реальной становится надежда на его удовлетворение. Обмен дает возможность без всякого ущерба для других улучшить условия жизни многих семей, позволяет получить квартиру не по принципу «бери, что дают и где дают», а по выбору, то есть в таком месте и такую, в которой семья нуждается в данный момент: скажем, по соседству с престарелыми родителями или вдали от бывшего мужа; однокомнатную вблизи от центра вместо двухкомнатной в отдаленном районе; небольшую, но с окнами, выходящими в тихий, зеленый двор, вместо просторной, но шумной.

Если молодая семья с маленьким ребенком переселяется поближе к родителям, способным помочь его растить, значит, жилищные условия этой семьи улучшились, хотя у нее и метра не прибавилось. Это не мои слова. Примерно такую мысль высказал в беседе заместитель министра жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации Валентин Петрович Семин. С ним нельзя не согласиться. Но при этом надо признать обоснованной и обратную зависимость: если надежда молодой семьи с малышом переехать в район, где живут родители, не оправдывается, ее жилищно-бытовые условия можно считать ухудшившимися. А поскольку скорее всего заниматься поисками нужного варианта ни сил, ни времени, ни нервов у начинающих мамы и папы не хватит, обмен, надо полагать, не состоится. Что обернется немалыми потерями, как моральными (молодые родители будут считать себя обделенными), так и экономическими (какая уж тут производственная отдача: то больничные листки, то бессонные ночи).

А сколько таких несостоявшихся обменов! Во всяком случае в наших анкетах — подавляющее большинство. И даже если считать, что отвечали нам в основном именно не обменявшиеся и потому обиженные, что 208 человек не вернули анкеты, поскольку оказались счастливчиками, улучшившими свои жилищные условия, то и тогда чуть ли не каждый третий, стоящий на учете, попадает в число «обделенных». Обязательно ли это? Как помочь увеличить число счастливчиков?

Прежде всего не нужно мешать. Я не случайно так подробно остановилась вначале на случае с инженером и его «цепочкой» из семи семей. Дело в том, что подобных историй в листочках, вложенных в анкеты, рассказано немало. В одном случае обмен не разрешают, поскольку считают его неравноценным, в другом — запрещают менять кооперативные квартиры на государственные и наоборот, в третьем — желают, чтобы из города выехали, скажем, пять человек, а въехали только три, и т. д. Я обратилась за разъяснениями к специалистам в области жилищного законодательства — В. Коморскому, председателю цивилистической секции Московской городской коллегии адвокатов, и А. Мальгиновой, члену бюро этой секции. Вот что они ответили:

«Закон точно указывает, в каких случаях обмен не допускается:

если к нанимателю предъявлен иск о расторжении или изменении договора найма занимаемого им помещения;

если обмен носит спекулятивный или фиктивный характер;

если наниматель может быть выселен из дома ведомства;

если дом грозит обвалом или подлежит сносу;

если помещение является служебным или находится в общежитии.

Перечень этот исчерпывающий. Других оснований для отказа в оформлении обмена не предусмотрено. Тем не менее отказы бывают, и нередко. Наиболее типичный случай, когда их мотивируют неравноценностью обмениваемых помещений. Например, меняется двухкомнатная квартира на однокомнатную или комната 20 метров на комнату 14 метров. Такой отказ не может считаться законным, так как «неравноценность» не указана ни в Гражданском кодексе, ни в инструкциях как основание, препятствующее обмену».

Конечно, закон есть закон, однако мои старания разобраться в юридической стороне дела оказались напрасными. Все юридические тонкости, до которых я докапывалась с таким трудом, работники обменных бюро, как выяснилось, знают не хуже любых законников. И если все же нарушают закон, то убеждены, что лишь во имя торжества наших моральных принципов. Делается это так: человека, которому квартира его стала почему-либо велика и он решил обменять ее на меньшую, как бы заведомо зачисляют в спекулянты. После этого вынести приговор «В обмене отказать» не представляет особого труда.

Но в том-то и сила закона, что нарушение его само по себе безнравственно, чем бы это нарушение ни мотивировалось. Бывали случаи, когда подозрением оскорбляли людей не только честных, но и понесших тяжелую утрату и потому желавших изменить и место жительства, и площадь.

Короче говоря, раз закон, регламентирующий порядок обмена, действует, работник государственного учреждения не имеет права отделываться от посетителя невразумительными «не положено» или «отказать» на неизвестном основании.

А ТЕПЕРЬ о помощи, которую каждый становящийся на учет ждет от бюро обмена, но получают лишь совсем немногие. Как же расширить его посреднические функции?

Откровенно говоря, вначале я, как и многие наши корреспонденты, тоже ориентировалась на «маклера», только, естественно, не частного, а государственного. «Пусть, — думала я, — люди вносят в бюро, находящееся на полном хозрасчете, не рубль, а 20 рублей, зато им не придется бегать по «толкучкам», листать журналы, перебирать карточки, не умея увидеть нужные сведения. За них все сделает специалист, в руках у которого будет самая разнообразная информация».

Идея была заманчивой, но столкновения с действительностью она не выдержала. В прошлом году в Москве было выдано 68 тысяч обменных ордеров, в Ленинграде — 58 тысяч; даже в сравнительно небольшом Таллине зарегистрировано 4809 предложений. Здесь известен уникальный случай, когда в результате одного обмена было выдано сразу 28 ордеров. На поиск и составление этой «цепочки» ушел год. Сколько же вариантов способен рассмотреть даже самый опытный специалист — десять, пятьдесят, сто? А речь идет о тысячах, десятках тысяч. Тут уж ручным трудом из нужды не выйдешь. На помощь человеку в его поисках должна прийти современная техника. О том, какое прекрасное это будет время, в редакцию написали сразу двое — А. Ларионов из Московской области и Л. Шурухт из Таллина. Вот отрывок из первого письма:

«Представим себе, что в Москве создается единый центр информации по обмену жилой площади (ЕЦИЖ), оснащенный ЭВМ. Министерство связи выпускает специальную почтовую открытку «Карточка по обмену жилой площади». Вы приобретаете ее и записываете туда основные условия обмена: чем располагаете, где живете, сколько членов семьи, что хотите получить; записываете также индекс предприятия связи по месту жительства и номер своего телефона.

Заполненная открытка по почте приходит в ЕЦИЖ. В памяти машины хранятся сотни тысяч сделанных ранее предложений...»

Короче говоря, через короткое время местное предприятие связи присылает вам адреса тех, кого ищете вы и кто ищет вас.

А теперь цитирую письмо из Таллина:

«Гражданин приобретает в ближайшем киоске «Союзпечать» стандартный бланк, вносит сведения о занимаемой жилой площади, формирует с помощью предлагаемых на выбор стандартных фраз свои требования и по почте пересылает заполненный бланк в бюро по обмену, которое оснащено периферийными средствами ввода информации в память ЭВМ».

Как видим, мечты схожие. И хотя до их претворения в реальность еще далековато, но не настолько, чтобы считать обоих инженеров фантастами. Задачи по подбору вариантов с помощью ЭВМ, правда, несколько по-иному, уже начинают решать.

Москвичи, например, уже заполнили 800 новых, разработанных учеными, специальных учетных карточек. Сейчас полученные сведения переводятся на перфокарты. Вскоре на их основе будет выпущен пробный экземпляр «Бюллетеня по обмену жилой площади». А в целом система должна начать действовать в будущем году.

Любопытна такая деталь. Электронная машина не терпит никакой лжи или недоговоренности. Работники бюро начали было с ее помощью составлять замкнутые обменные цепочки, в она их данные не принимает, поскольку они, как обнаружилось, противоречат друг другу и неточны.

Второй год автоматизированный поиск вариантов обмена разрабатывают и ленинградцы. Уже сделан технический проект; срок окончания всей работы — декабрь будущего года. Пока клиенты заполняют пять тысяч пробных карт, в которых 27 (!) параметров, вплоть до таких: наличие поблизости метро, планировка комнат, их освещение, освещение кухни, наличие кладовых и стенных шкафов.

Поскольку в Москве и Ленинграде огромные объемы работ, поисковые системы и машины, которые должны здесь применяться, уникальны и дороги. Более простой и дешевый способ, пригодный для большинства городов типа Харькова и Ростова-на-Дону, предложил Таллинский участок Всесоюзного объединения «Союзпромавтоматика». Их метод — с помощью широко применяемых «Минска-22» и «Минска-32» уже начинает разрабатываться для самого Таллина, а также для Свердловска. Чем больше городов подключится к этому методу, тем машинный поиск будет обходиться дешевле.

ВСЕ ЭТО прекрасное завтра. А сегодня? Увы, с бюро обмена спрашивают много (и справедливо), но помогают им мало. В Харькове и Ростове-на-Дону, например, клиентура за последние семь лет увеличилась вдвое, а штаты — на одну-единственную единицу. Как же не быть тут царству самообслуживания?

Переезжая из города в город, я бродила по «обменным биржам»-близнецам с их неизменным «А что у вас?», вязывалась в разговоры, придумывала «Что у нас», записывала адреса. Постепенно мое предубеждение против «толкучек» сменилось полной доброжелательностью. Я поняла: обмен квартир не может не строиться на личных контактах. Как бы ни увеличивался перечень вопросов в «карточке учета», только встретившись с человеком, можно узнать, не слышен ли в его квартире шум лифта, не живет ли в соседней квартире пьяница и далеко ли от дома аптека. Контакты эти надо всячески облегчать: отводить для встреч специальные места, устанавливать там удобные скамейки, открывать красивые киоски, в которых продавать «Бюллетени», рекламные приложения и вечерние газеты с объявлениями об обмене.

Помещения, в которых расположены бюро по обмену жилой площади, не должны быть ни тесными, ни унылыми, и число их штатных единиц нужно привести в полное соответствие с той работой, которую они выполняют сегодня. В общем, пришло время понять, что будущее — не за распределением, а именно за перераспределением жилой площади, так что службы, в меру своих сил занимающиеся этим, надо всячески поддерживать.

Помочь человеку выбрать квартиру, которая ему нравится, — разве эта задача не важнее многих других, но почему-то попавшая в разряд менее важных?

КАКИМ БЫТЬ «АБРАМЦЕВУ»?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ЯХОТЕЛ БЫ привлечь внимание общественности к судьбе замечательного историко-культурного памятника нашей страны — я имею в виду подмосковный музей-усадьбу «Абрамцево». Усадьба широко известна как один из центров духовной жизни русской интеллигенции XIX века. В 40—50-х годах Абрамцевом владел Сергей Тимофеевич Аксаков. «Детские годы Багрова внука», «Семейная хроника», «Записки об ушенье» — все эти книги написаны в Абрамцеве. Здесь Н. В. Гоголь впервые читал главы из второго тома «Мертвых душ», здесь бывали И. С. Тургенев, М. С. Щепкин, Н. М. Загоскин.

«Абрамцевский художественный кружок» — под таким названием вошло в историю русской культуры творческое содружество художников, среди которых были И. Е. Репин, В. Д. Поленов, В. М. Васнецов, И. С. Остроухов, В. А. Серов, М. В. Нестеров, К. А. Коровин, М. А. Врубель и другие. В этот период Абрамцево принадлежало Савве Ивановичу Мамонтову, человеку, чей вклад в историю искусства и культуры конца XIX века чрезвычайно велик.

Современные художники бережно хранят славные традиции этого кружка. Широко представлено в музее творчество многих мастеров советского изобразительного искусства, живших и работавших в Абрамцеве, — В. Мухиной, И. Грабаря, Б. Иогансона, И. Машкова и других, ныне здравствующих художников.

Сегодня состояние музея-усадьбы вызывает тревогу — знаменитый абрамцевский пейзаж, так хорошо знакомый нам по полотнам Васнецова, Нестерова, Репина и других выдающихся русских художников, начинает терять свою привлекательность.

Этой зимой на одном из участков леса, примыкающего к реке Воре, появился забор из толстых труб. Вероятно, здесь намерены начать какое-то строительство. На пригорке, с которого открывается великолепный вид на Ворю, находится скотный двор, а перед ним — деревянные бараки со всевозможными сарайчиками и помойками. Рядом с усадьбой построили кафе — типичную «стекляшку». И, наконец, в абрамцевских лесах все чаще можно встретить следы, оставляемые туристами,— они жгут костры, вытаптывают траву, ломают деревья...

Беда в том, что окрестностями Абрамцева распоряжается не дирекция музея, а самые различные организации, которые руководствуются подчас своими ведомственными интересами. Но ведь есть же иной пример — в зоне Пушкинских Гор (Михайловское) ни один колхоз, ни одно предприятие не имеет права строить что-либо без разрешения дирекции музея. Почему же такого права лишены руководители музея-усадьбы «Абрамцево»? Пора серьезно подумать о судьбе этой исторической усадьбы.

И еще одно соображение. В Абрамцеве бывают сотни тысяч экскурсантов, и надо сделать все необходимое для того, чтобы восстановить традиции, которыми некогда славилось Абрамцево. Почему бы не устраивать в усадьбе литературные чтения, вернисажи современных художников, фестивали русского искусства?

И об этом стоит подумать.

В. ОРЛОВ,
кандидат исторических наук
Загорский район

***

Неподалеку от музея-усадьбы живут и работают художники, объединенные в творческий коллектив «Ново-Абрамцево». И кому, как не им, высказать свое мнение о письма тов. Орлова!

— Да, и мы считаем, что музей-усадьба «Абрамцево» нуждается в немедленной помощи, — сказали нашему корреспонденту народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР Д. А. Шмаринов и народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Ленинской премии Н. А. Соколов.

— Не только туристы губят окрестные леса. Сейчас вокруг Абрамцева интенсивно ведется строительство, его обступают корпуса многоэтажных зданий. А кафе, выстроенное рядом с воротами усадьбы? Неужели нельзя было спроектировать его в стиле абрамцевской архитектуры? Однако больше всего нас тревожит отсутствие надежной охраны в зеленой зоне, относящейся к музею.

Понимая, как важно сохранить в первозданном виде прекрасную природу, вдохновлявшую многие поколения русских художников, мы еще в 1967 году обратились в Совет Министров РСФСР с просьбой передать музею одиннадцать гектаров земли, принадлежавших нашему коллективу художников. Эта просьба была удовлетворена. Мы считаем, что охранной зоне музея необходимо как можно скорее присвоить статут заповедника. Только в этом случае будут сохранены дорогие нам места.

— Музей-усадьба и его окрестности представляют собой единый комплекс, — говорит директор музея-усадьбы «Абрамцево» В. С. Манин.

— Разумеется, своими силами нам не обойтись. Совершенно необходимо объявить охранную зону вокруг музея заповедной. Уже больше года этот вопрос обсуждается, но пока дело не сдвинулось с мертвой точки.

Для создания завершенного комплекса музея-усадьбы нам нужна территория, где сейчас находятся подсобный двор и склад соседнего дома отдыха. Кроме того, в доме, давно предназначенном по плану реконструкции усадьбы на снос, до сих пор живут несколько семей. И этот вопрос нам не удается решить.

...Близится лето, для музея наступают самые горячие дни: мы будем принимать более двух тысяч экскурсантов ежедневно. Если не позаботиться об охране зоны музея, если не будет создан заповедник, мы не сможем своими силами сохранить окружающую природу.

ОТ РЕДАКЦИИ

Вопрос о судьбе Абрамцева представляется нам крайне важным. Надеемся, что сигнал наших читателей не останется без внимания Министерства культуры СССР.

Вечер на Селигере. Фото В. ДОРОЖИНСКОГО

Одним из важных итогов состоявшегося в мае прошлого года визита президента США Р. Никсона в Советский Союз явилось подписание соглашения о сотрудничестве между СССР и США в области охраны окружающей среды.

В этом сотрудничестве находит отражение линия XXIV съезда КПСС на проведение коллективных международных мероприятий по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов. Созданная на основании советско-американского соглашения смешанная комиссия провела в сентябре 1972 года свою первую сессию, наметившую конкретные планы совместных советско-американских мероприятий по осуществлению 30 проектов, которые охватывают все одиннадцать проблем, определенных соглашением. К работе привлечены ведущие организации, крупные специалисты обеих стран в области охраны окружающей среды.

Хорошим практическим началом сотрудничества стало состоявшееся в январе этого года совещание смешанной советско-американской рабочей группы по проблеме «Охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений и общая охрана и управление ресурсами дикой живой природы».

Недавно в Москве прошли заседания еще двух смешанных советско-американских рабочих групп по разделам: «Охрана воды от загрязнений» и «Технологические способы борьбы с выбросами в атмосферу от промышленных стационарных источников и от транспортных средств». В Советский Союз приезжало около двадцати американских специалистов. В апреле США посетили две наши группы: по проблемам улучшения окружающей среды в городах и предсказанию землетрясений.

На днях ряд советских специалистов выехали в США. Со своими американскими коллегами они обсудят планы сотрудничества по целому ряду проблем: предотвращение загрязнения атмосферы в городах, борьба с загрязнением моря нефтью в результате деятельности судоходного транспорта и нефтедобывающей промышленности, влияние загрязнений на морские организмы, биологические и генетические последствия загрязнений окружающей среды, правовые и административные вопросы охраны окружающей среды и некоторые другие.

Широкие деловые связи советских и американских специалистов помогут обеим странам осуществить эффективные мероприятия по охране окружающей среды.

Ю. ИЗРАЭЛЬ,
первый заместитель начальника Главного управления Гидрометеослужбы, координатор советской части Смешанной советско-американской комиссии по сотрудничеству в области охраны окружающей среды, доктор физико-математических наук

СССР—США: ОХРАНА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

ПЕРВЫЙ ГОД СОТРУДНИЧЕСТВА

Корреспондент «ЛГ» М. Подгородников обратился к ряду советских ученых и специалистов, участвующих в советско-американских контактах, с просьбой рассказать о первых совместных действиях по защите окружающей среды.

ТЕЛО ГОРОДА: ГДЕ БОЛИТ?

— Позвольте начать с примера. Один французский журналист, выступая в «Пари-матч» с рассказом о будущих городах Америки, привел их удивительные названия: Босваш, Чипитте, Сансан. Они обозначали громадные агломерации, которые объединят Бостон и Вашингтон, Чикаго и Питтсбург, Сан-Франциско, Лос-Анжелес и Сан-Хосе. В 2000 году это будут громадные мегаполисы с населением от 40 до 70 миллионов человек. Современный урбанизм нашел в США свое крайнее выражение, хотя тенденция к созданию сверхгородов существует не только в Америке. Но вряд ли ее можно безоговорочно поддержать? И вряд ли советские специалисты ездили в США заимствовать этот опыт?

— Да, конечно. Но надо заметить: учатся и на ошибках, тем более, что многие американцы сами понимают вредность безудержного развития сверхгородов. Понимать-то понимают, но вот сделать что-то в их социальных условиях довольно трудно. Когда я говорил с американскими специалистами о величине и протяженности городов, они и сами признавали это. Высказывалась, правда, и другая точка зрения: «А зачем, собственно, ограничивать? Пусть развиваются...»

Конечно, на современный город замок не повесишь. Но регулировать, сдерживать темпы роста крупных городов, способствовать развитию малых и средних необходимо. Мы это делаем прежде всего с помощью планового размещения производительных сил по стране. Мы строим много новых городов, что обеспечивает более равномерное расселение. Примечательно, что за 50 с лишним лет в нашей стране появилось свыше тысячи новых городов.

Но сказанное вовсе не означает, что для нас не существует проблем, связанных со структурой и организацией крупных городов. Здесь есть над чем подумать и обменяться опытом в рамках нашего раздела: «Улучшение окружающей среды в городах».

— Какие вопросы интересуют ваших специалистов в первую очередь?

— Возьмите, например, транспорт. Американцы умеют делать отличные дороги, искусно «развязывают» автомобильное движение, хорошо используют подземное пространство для стоянок, их автосервису можно позавидовать. Но следует ли идти по их пути и насыщать города индивидуальным транспортом? Они сами говорят: «Не повторяйте наших ошибок». Каждый работающий в США старается приобрести машину, потому что общественный транспорт развит слабо. Улицы забиты машинами. Я видел, как разрушали сквер, чтобы устроить стоянку машин. Когда-то в Англии существовало выражение «овцы пожирают людей», теперь можно сказать: «людей пожирают автомобили».

А. КУДРЯВЦЕВ,
начальник Управления планировки и застройки городов Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР

Наш путь иной — развитие прежде всего общественного транспорта.

Американцы уже поняли, что на личном автомобиле в крупном городе «далеко не уедешь», и стали уделять больше внимания общественному транспорту. В Атланте и Сан-Франциско делаются интересные попытки с целью примирить владельцев частных автомашин с общественным транспортом. Для этого при станциях метро намечается организовать стоянки автомобилей, построить подземные гаражи, где владелец может оставить свою машину. Таким образом, центр города окажется закрытым для индивидуального транспорта, человеку придется больше пользоваться метро.

Интересно, что после долгих дебатов, которые длились более полувека, наконец решено: Вашингтон будет иметь метро. Оно уже строится.

— Кстати, о центрах городов. Ведь в Советском Союзе идет их основательная реконструкция, пересматриваются принципы планировки и застройки. Очевидно, в этой области мы можем поучиться друг у друга?

— Центр — это не просто *середина города*, это самая притягательная его часть, где концентрируются торговые, культурные и административные учреждения. Центр привлекает не только самих горожан, но и жителей пригородных районов. Более того, современному городу нужен не только основной общегородской центр, но и система нескольких общественных центров.

За последние годы мы провели конкурсы по реконструкции и развитию центров в очень многих городах: Киеве, Харькове, Баку, Тбилиси, Горьком, Ульяновске, Перми, Ташкенте и т. д. Поэтому нас, естественно, интересовали принципы организации центров американских городов.

— Не только крупных, но и небольших?

— Да, и небольших. Мы побывали, например, в Колумбии. Это новый город. А новый город всегда интересен для архитектора, ибо там ничто не мешает воплотить его замыслы. Тем и привлекла нас Колумбия. Кстати, хотя город сравнительно небольшой (рассчитан на 120 тысяч жителей), но его центр может обслужить до 250 тысяч человек, включая население окружающих районов. Там удобный торговый центр, вокруг которого расположились стоянки автомобилей, парк, где можно хорошо отдохнуть. Вообще в Колумбии умело создают здоровую городскую среду: между отдельными микрорайонами оставлены свободные территории с лужайками и лесом.

— А как же поступили с промышленностью?

— Она расположена в отдельном районе. Правда, надо оговориться, Колумбии повезло: здесь в основном «чистые» предприятия — электроника, приборостроение. Жилые дома — преимущественно двухэтажные, деревянные, с хорошим благоустройством.

— А как они очищают город от мусора? Есть ли интересные решения?

— В Сан-Франциско мы познакомились с разными методами. Одна фирма, например, организует дело так: 600 сборщиков собирают мусор, затем он отвозится в закрытых фургонах за город на расстояние 40 миль. Здесь находится предприятие, сортирующее мусор; из него извлекают металлические части, бумагу, дробят стекло. Все остальное закапывают неподалеку в болоте, на котором впоследствии будет создан парк.

Другая фирма проводит научный эксперимент по выработке электроэнергии на основе сжигания мусора.

— Какие еще проблемы вы обсуждали с американскими специалистами?

— Борьба с шумом, организация зон отдыха, охрана памятников — вопросов много, каждый из них требует длительной углубленной работы. Мы обсуждали их на дискуссии в Вашингтоне, мы обменивались мнениями во время поездки по стране. Мы побывали в Атланте, Сан-Франциско, Рестоне, Колумбии, мы встречались с министром жилищного строительства и городского развития г-ном Дж. Линном и с помощником президента, председателем совета по качеству окружающей среды Р. Трейном. Все эти встречи проходили в доброжелательной, деловой обстановке.

В сентябре — октябре мы ждем у себя в Москве американских специалистов с ответным визитом.

НЕ ТОЛЬКО В СКАЗКАХ!

— Василий Васильевич, вы возглавляете нашу делегацию в смешанной советско-американской группе по проблеме «Охрана редких и находящихся под угрозой исчезновения видов животных и растений и общая охрана и управление ресурсами дикой живой природы». Удовлетворены ли вы началом сотрудничества?

— Вполне. Дипломаты в подобном случае говорят: встречи были полезными. Я считаю, что очень полезными. Такого же мнения придерживается мой коллега, глава американской делегации специалистов Дж. Линдаска. На пресс-конференции, состоявшейся после переговоров в Москве, он заявил: «Мы возвращаемся домой с чувством большого удовлетворения от того, что удалось проделать всего лишь за одну неделю».

При прощании мы подарили американским орнитологам скульптурное изображение сказочной жар-птицы с такими словами: «Это редкий вид пернатых, который исчез и остался в сказках. Пусть наши птицы не исчезнут никогда и останутся не только в сказках».

— Речь шла только о птицах?

— Нет, конечно. Мы рассматривали меры по защите общих видов животных и растений — то есть населяющих и американскую, и нашу территорию или обитающих в Мировом океане.

— И что намечено?

— Прежде всего мы выработали мероприятия по сохранению мигрирующих видов: морских млекопитающих в северной части Тихого океана — китов, кашалотов, и перелетных птиц — лебедей, гусей, таг, обменялись мнениями по поводу охраны белого медведя. Надо сказать, что, например, на белых гусей в Америке разрешалась охота, в то время как у нас запрещена. Теперь мы договорились о едином покровительственном режиме.

Мы обсудили также программу работы с так называемыми экологическими аналогами. У нас и в США немало таких животных: зубры и бизоны, европейский и канадский бобры, бурые медведи и медведи гризли. Многим из них угрожает как непосредственное уничтожение человеком, так и ухудшение их естественных угодий. Если первую опасность устранить сравнительно легко с помощью запретов, то со второй совладать довольно трудно: требуются длительные целенаправленные усилия.

В. КРИНИЦКИЙ,
начальник отдела Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству Министерства сельского хозяйства СССР

В Советском Союзе работа по сохранению и восстановлению редких видов животных ведется издавна. Например, в 1922 году в Воронежском заповеднике жило пять бобров, теперь потомков этих бобров, расселенных по всей стране, насчитывается 65 тысяч. Стадо из пяти зубров превратилось в одиннадцать стад общей численностью двести голов. Но проблемы все равно остаются. Как сохранить другие редкие животные? Создавать ли острова дикой природы или попытаться адаптировать животных к современным условиям? Есть над чем поразмыслить, потрудиться.

— Работа шла, наверное, не только в кабинетах?

— Американцы выезжали в Воронежский и Приокско-Террасный заповедники. Им понравились методы отлова диких животных, которые были продемонстрированы гостям. Они отмечали отличное состояние леса, умелое создание искусственных гнездовий птиц для борьбы с вредителями, что делает ненужным применение пестицидов.

— Вам приходилось знакомиться с работой американских коллег в самих Соединенных Штатах?

— Да, в сентябре 1972 года я побывал в США во время празднования 100-летия Йеллоустонского национального парка. Тогда же состоялась 2-я Всемирная конференция по национальным паркам, на которой я выступил с докладом о перспективах и состоянии заповедников в промышленно развитых районах мира.

— Известно, с каждым годом увеличивается число посетителей Йеллоустонского парка. Поток людей угрожает природным ценностям. Что предпринимают американцы?

— Я отметил бы хорошую дисциплину посетителей. Но, наверное, этого недостаточно, потому что управление парка хочет перевести его посещение на театральный принцип: количество посетителей не должно превышать количество «мест», билеты кончились — вход закрыт. На мой взгляд, неплохой принцип.

— Как дальше будет развиваться сотрудничество?

— От провозглашения общих положений к частным исследованиям. Сотрудничество становится более конкретным, деловым.

— В советско-американском соглашении об охране окружающей среды проблема борьбы с загрязнением атмосферы значится на первом месте. Наверное, это не случайно?

— Смею думать, что нет. Это одна из самых сложных, трудных и малоизученных проблем. В то же время загрязнение воздуха — пожалуй, главная опасность для здоровья людей и для всей окружающей среды: лесов, полей, животного мира.

Особенно серьезное положение складывается в крупнейших городах планеты. Концентрация вредных веществ в воздухе Лондона, Токио, Брюсселя нередко в десятки раз превышает предельно допустимые нормы. Дымо-туманы, или смоги, насыщенные выбросами котельных, выхлопами автомобильных моторов, резко усиливают заболевания людей, приводя к смертным случаям. Ущерб от загрязнения атмосферы колоссален: вследствие повреждения сельскохозяйственных культур и деревьев, ускорения коррозии металлов, порчи городских зданий и памятников.

Образование крупных промышленных районов, строительство больших городов и «сверхгородов» в значительной степени меняют естественные закономерности. Постоянно происходит проникновение аэрозолей из тропосферы в стратосферу, где они могут сохраняться в течение нескольких лет. Возникают острова тепла в центре городов. Нарушение теплового режима, правда, еще невелико и имеет локальный характер, однако некоторые специалисты считают: при возрастании загрязнения атмосферы и сохранении темпов развития энергетики оно может через несколько десятков лет оказать весьма заметное влияние на климат планеты.

ДЫМКА НАД ПЛАНЕТОЙ

М. БЕРЛЯНД, доктор физико-математических наук, руководитель отдела Главной геофизической обсерватории им. А. И. Воейкова Главного управления Гидрометеослужбы при Совете Министров СССР

Как видите, вполне достаточно оснований, чтобы смотреть на проблему как на одну из важнейших.

— Вы сказали, проблема мало изучена...

— Изучение ее начато сравнительно недавно. Однако она привлекает все большее внимание широкого круга специалистов. Значительные работы развернуты в системе Гидрометеослужбы. В частности, уже в течение десяти лет ведет исследования отдел атмосферной диффузии и загрязнения воздуха Главной геофизической обсерватории.

Трудности изучения проблемы прежде всего в необыкновенной пестроте и многочисленности источников загрязнений. Нередко мы сталкивались с тем, что руководители предприятий не знали, какое количество выбросов делает завод и какие смеси они содержат. Поэтому необходимо было провести «инвентаризацию» всех выбросов.

Не велось прежде и систематического наблюдения за количеством и качеством загрязнений. В последние годы такое наблюдение стало регулярным. Но брать периодически пробы уже недостаточно. Надо переходить на непрерывную регистрацию выбросов в атмосферу. Сейчас в Ленинграде, в десяти промышленных зонах, устанавливаются приборы, которые будут автоматически регистрировать уровень загрязнений и передавать данные на центральный пульт, что может послужить основой для принятия того или иного решения: изменения режима работы предприятия, смены топлива и т. д.

— Что ценного может дать американский опыт?

— Они раньше нас начали работы в данной области, так как проблема загрязнений в США стала весьма острой. Американские ученые получили интересные результаты по характеристике возможного загрязнения в различных частях страны с учетом климатических условий — так называемого «потенциала загрязнений». В США разработаны приборы для наблюдения за распространением веществ в атмосфера с автоматическим обобщением информации. В последнее время, правда, и мы сильно подвинулись в этой области — у нас тоже появились приборы, и сравнительно недорогие, и компактные. Но во всяком случае здесь обмен идеями был бы очень полезен.

— А чем мы можем поделиться с американскими коллегами?

— Мы разработали новые методы расчета рассеивания промышленных выбросов. Эти методы, широко использующиеся при проектировании и эксплуатации промышленных и энергетических объектов, позволяют провести комплекс наиболее целесообразных мероприятий по защите атмосферы, обеспечить допустимую степень концентрации газов.

Развитию таких работ во многом способствовали труды по теории турбулентности видных советских ученых А. Фридмана, А. Колмогорова, А. Обухова. Наш теоретический багаж, очевидно, будет интересен американцам.

— Известно, что в исследованиях по охране природы большое место уделяется математическому моделированию. Очевидно, это касается и проблем защиты атмосферы?

— В очень большой степени. Математическое моделирование является своеобразным зеркалом действительности, помогает разобраться в пестрой картине всевозможных выбросов, составить с помощью ЭВМ расчеты по их рассеиванию, учесть разнообразное влияние многих факторов.

— Во многих странах увеличивают высоту промышленных труб, чтобы уменьшить концентрацию вредных газов в окружающей среде. Порою трубы вырастают до 250—300 метров и больше. Оправдано ли это?

— При двухсотметровой трубе, например, на тепловой электростанции максимум приземной концентрации токсичных выбросов снижается в сто раз по сравнению с двадцатиметровой. Для определенного района, конечно, это может быть спасительной мерой. Но ведь мы должны не допускать и загрязнений глобального характера. Сейчас эти вопросы ставятся на повестку дня и в международном плане. Мы сотрудничаем с социалистическими странами, выполняем исследования по договоренности со Всемирной метеорологической организацией. Так, на территории нашей страны создано несколько станций для наблюдения за так называемым фоновым загрязнением, вдали от промышленных районов.

— В сентябре 1972 года при подписании советско-американского меморандума были намечены города, в которых будут сосредоточены совместные исследования. Это Ленинград и Сент-Луис. Чем объяснить такой выбор?

— Эти города удобны для организации исследований. В Ленинграде есть характерные районы старой и новой застройки, что выгодно для сравнительного анализа. Здесь активно работает комитет по защите внешней среды при Ленгорисполкоме. Есть, как я уже говорил, и основательная экспериментальная база — Главная геофизическая обсерватория.

Сент-Луис американцы считают характерным городом для центральной части страны. Это довольно крупный город с развитой промышленностью, он расположен в пересеченной местности, что тоже создает условия, интересные для изучения. В Сент-Луисе уже в течение ряда лет ведутся специализированные наблюдения и математическое моделирование процессов загрязнения.

— Как поддерживаются сейчас контакты с американскими учеными?

— Сейчас группа наших специалистов находится в США. Они начали работу по данному разделу.

АНТАРКТИДА — МИНУС 30

— Мы слышим вас, Антарктида! Как себя чувствуете? Как погода?

На полярной станции «Молодежная» вместе с советскими учеными работают ученые ГДР, Чехословакии, США, Монголии и Польши.

Эти несколько кадров наш фотокорреспондент сделал в радиобюро Гидрометеослужбы, где каждую неделю проходит радиодиалог между отважными полярниками, их родными и близкими.

Фоторепортаж Александра УЗЛЯНА

Проф. Даниил МЕЛЬНИКОВ

Размышления историка

ОТ ОРЕАНДЫ ДО БОННА

В МАРТЕ этого года, как только появились первые сообщения о возможном визите Л. И. Брежнева в ФРГ, один из видных западногерманских общественных деятелей сказал мне: «Этот визит ярче всего продемонстрирует перед гражданами Федеративной республики пропасть между прошлым и настоящим».

Прошлое и настоящее... В советско-германских и в советско-западногерманских отношениях они тесно переплетаются: периоды крайней напряженности и конфликтов сменялись периодами нормального течения международной жизни, спокойствия, а порою и сотрудничества. Годами и десятилетиями политика германского империализма была направлена главным образом на борьбу против первого в мире социалистического государства. В результате из 55 лет истории отношений между Германией и СССР и между ФРГ и СССР более 30 были заполнены враждой, военными столкновениями, различного рода инцидентами. Последствия этого сказались на всей истории Европы.

Таковы некоторые исторические обстоятельства, предварившие нынешнюю встречу Л. И. Брежнева с В. Брандтом в Бонне.

Есть и еще одно важное «измерение» для оценки этого события — моральное, я бы даже сказал психологическое.

В послевоенной Европе политика боннских правящих кругов была в течение многих лет фактором беспокойства и тревоги за судьбы мира на континенте. Стремление к реваншу за проигранную войну, претензии на единоличное представительство населения не только ФРГ, но и другого немецкого государства — Германской Демократической Республики, одним словом, все то, что составляло длительное время суть западногерманской внешней политики, порождали обстановку, весьма напоминавшую конец тридцатых годов.

Выборы 1969 года, политические итоги которых были блестяще подтверждены три года спустя в осенней кампании 1972 года, показали, что тенденции к реализму взяли верх в общественной жизни ФРГ.

За результатами парламентских баталий, прошумевших три с половиной года назад, необходимо было рассмотреть возможности коренного поворота во взаимоотношениях ФРГ с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Требовалась убежденность в реальности позитивных сдвигов в международной обстановке, убежденность в том, что широкое признание получат принципы мирного сосуществования в качестве нормы отношений государств с различным социальным строем. Такую убежденность продемонстрировала наша партия, ее Центральный Комитет: это, в частности, нашло свое подтверждение на состоявшемся в апреле Пленуме ЦК.

Жизнь показала, что черты ленинской прозорливости в высокой степени свойственны внешней политике КПСС и лично Л. И. Брежневу. Состоявшийся в апреле этого года Пленум ЦК партии одной из важнейших задач советской внешней политики назвал неуклонное осуществление определенного XXIV съездом КПСС курса, борьбу за полное претворение в жизнь Программы мира. Весь стиль внешнеполитической деятельности Советского государства создал специфическую атмосферу делового сотрудничества, благожелательности и доверия при решении самых сложных проблем международной жизни. Изменился, так сказать, психологический климат в Европе. И в такой обстановке оказалось возможным решить многие спорные вопросы, что еще в недавнем прошлом считалось совершенно немыслимым делом.

Главные вехи развития советско-западногерманских отношений в новой исторической обстановке были определены во время встречи Л. И. Брежнева и В. Брандта в Ореанде в сентябре 1971 года. Там была выражена надежда на то, что вступление в силу договоров между СССР и ФРГ и между ПНР и ФРГ «позволит обеспечить решительный поворот в отношениях между названными странами в сторону широкого, прочного, долговременного сотрудничества к большой пользе для нынешнего и будущих поколений народов этих стран и их соседей, для упрочения мира в Европе».

Визит Л. И. Брежнева в ФРГ, новая встреча его с канцлером В. Брандтом — теперь уже на западногерманской земле — сами по себе говорят о том, что двум государствам удалось немало продвинуться по намеченному пути.

* * *

Советский Союз и ФРГ являются самыми крупными государствами на континенте как по количеству населения, так и по объему промышленной продукции.

Как указывается в постановлении Пленума ЦК КПСС от 27 апреля 1973 года, активизация внешнеэкономических взаимовыгодных связей СССР с государствами иного социального строя, использование новых возможностей на этом пути будет способствовать упрочению мира и отвечает интересам советского народа. В этом свете особое значение приобретают перспективы развития экономических отношений СССР с такой страной, как ФРГ.

Федеративная Республика Германии, занимая лишь половину территории бывшего германского рейха, производит в три раза больше промышленных товаров, чем производила вся Германия до второй мировой войны.

Общеизвестна и финансовая мощь Западной Германии. По золотым и валютным резервам она далеко опередила все остальные капиталистические страны, включая и США. ФРГ стоит на первом месте в капиталистическом мире и по экспорту промышленных товаров, хотя ее производство составляет примерно лишь одну четверть промышленного производства США.

Нет сомнения, что усиление сотрудничества СССР и ФРГ в экономической, научно-технической и культурной областях явится фактором стабильности международных отношений в Европе.

Удельный вес советско-западногерманских взаимоотношений во всей системе международных связей современного мира возрос. Состояние этих отношений в немалой мере определяет политический «прогноз погоды» на континенте, в частности перспективы создания общеевропейской системы безопасности. Не удивительно поэтому, что за перипетиями отношений между СССР и Федеративной республикой внимательно следят в Европе, да и во всем мире.

К сожалению, в выступлениях некоторых западных комментаторов, трактующих определенные этапы советско-германских отношений в прошлом и проводящих параллели между прошлым и настоящим, порой проявляется удивительный исторический примитивизм. Так, в эти дни на страницах некоторых западных газет особенно часто мелькает термин «Рапалло». Речь идет о договоре между Советской Россией и Германией, заключенном 16 апреля 1922 года; согласно этому договору две страны восстановили дипломатические отношения друг с другом, урегулировали взаимные претензии, порожденные войной, распространили на свои экономические связи принцип наибольшего благоприятствования. Рапалльский договор нанес удар по попыткам Антанты изолировать Германию на международной арене и ознаменовал для Советской России прорыв дипломатической блокады, проводившейся империалистическими державами.

Однако в трактовке западной историографии Рапалло часто изображается как «сговор» России и Германии, имевший якобы целью ущемить интересы третьих стран, создать некий «союз обиженных», «оторвать» Германию от «западного сообщества». В наши дни эта легенда используется для построения фальшивых исторических аналогий при оценке современных советско-западногерманских отношений.

На самом деле подобные аналогии абсурдны как в смысле анализа взаимоотношений Советской России и Германии в прошлом и СССР и ФРГ — в наше время, так и в попытках сравнить международную обстановку в двадцатые годы и теперь. Но абсурдность переноса оценок пятидесятилетней давности на современную почву не смущает некоторых комментаторов. Их дальний прицел состоит в том, чтобы использовать инсинуации, пущенные некогда в ход врагами Рапалло, для искажения смысла усилий по налаживанию добрососедских отношений между СССР и ФРГ в настоящее время.

Нынешний процесс нормализации отношений между Советским Союзом и ФРГ выявил некоторые важные новые черты развития взаимных связей и контактов двух стран в современную эпоху. С достаточной очевидностью обнаружилось, в частности, что нормализация не ущемляет чьих-либо интересов, что от углубления этого процесса никто не проигрывает, выигрывают же все. Благотворные последствия заключения советско-западногерманского договора сказываются на многих сферах международной жизни: и в улучшении двусторонних отношений между социалистическими и капиталистическими странами Европы, и в продвижении по пути многостороннего сотрудничества на нашем континенте, по пути создания системы общеевропейской безопасности.

Разумеется, что при этом советско-западногерманские отношения развиваются строго в рамках обязательств, связывающих как Советский Союз, так и ФРГ со своими союзниками.

Значение встречи Л. И. Брежнева с В. Брандтом выходит далеко за рамки отношений между двумя нашими странами. Это событие общеевропейского масштаба, и итоги его будут ощущаться во всем дальнейшем развитии международных отношений.

* * *

Каждая историческая эпоха требует своего подхода к решению спорных проблем, своих методов реализации внешнеполитических задач.

Период, прошедший после XXIV съезда КПСС, можно назвать периодом наиболее крупных перемен в области международных отношений за последние четверть века. И естественно, что в такой период особо отчетливо проявляются черты, свойственные дипломатии отдельных стран и их руководителей.

Советский Союз успешно осуществляет Программу мира, провозглашенную XXIV съездом нашей партии. В своем постановлении от 27 апреля 1973 года Пленум Центрального Комитета КПСС отметил в этой связи большой личный вклад тов. Л. И. Брежнева в решение задач обеспечения прочного мира во всем мире и надежной безопасности для советского народа, строящего коммунизм.

Особенности внешнеполитической деятельности Коммунистической партии Советского Союза нашли отчетливое выражение в стремлении советской дипломатии добиться перелома в советско-западногерманских взаимоотношениях и в значительных успехах такой политики за последние два-три года.

Важным аспектом этой линии, как отмечает иностранная печать, является реализм в оценке явлений международной жизни и перспектив их развития. Реалистический подход к проблемам современности как непременное требование дипломатии внедрен в практику международных отношений именно советскими руководителями и лично Л. И. Брежневым. Такой подход оказался плодотворным в решении многих сложных международных вопросов. Принцип признания европейских послевоенных реальностей встретил понимание и поддержку у нынешних руководителей ФРГ, и прежде всего федерального канцлера Вилли Брандта. Это и благоприятствовало значительным политическим сдвигам во взаимоотношениях двух стран.

Советская дипломатия — противник шаблона, предвзятости, мертвых схем, тактики упрямого топтания на месте, в особенности когда на карту поставлено решение неотложных международных проблем, затрагивающих жизненные интересы миллионов людей. Советская дипломатия — сторонник практических мер, пусть на первых порах и частичных, но способных приблизить стороны к общему соглашению. Проявляя твердость в принципиальных вопросах, она демонстрирует гибкость в достижении соглашений по широкому кругу проблем.

Прямые контакты руководителей нашей партии и государства с представителями других государств на высшем уровне призваны способствовать тому, чтобы достигнутые благоприятные перемены в международной обстановке приобрели необратимый характер. Встреча в Бонне, несомненно, также займет достойное место в истории международных отношений.

Досье «ЛГ»

ПЕКИН: ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

«Происходит поворот от «холодной войны» к разрядке напряженности». Эти слова из постановления апрельского Пленума ЦК КПСС как нельзя лучше характеризуют современную обстановку в Европе, где сложились предпосылки для создания прочной системы безопасности и сотрудничества.

Разрядка напряженности — результат настойчивой, целеустремленной политики Советского Союза, других стран социалистического содружества, встречающей поддержку всех прогрессивных сил и понимание со стороны реалистически мыслящих людей.

С этим не могут смириться противники мира и безопасности. Они стремятся повернуть Европу назад, к «холодной войне». И в их рядах, чуть ли не на передней линии, — нынешнее пекинское руководство. Попытки помешать общеевропейской безопасности и сотрудничеству, выступления в унисон с самыми реакционными кругами, отказ от поддержки прогрессивных сил обнажили всю неприглядность политики маоистов. Поэтому Пекин вынужден прибегать к разного рода маневрам. В частности, в последнее время представители КНР пытаются утверждать, что Китай поддерживает процессы капиталистической интеграции в Западной Европе лишь потому, что они направлены против «двух сверхдержав», что, мол, Пекин не выступает за укрепление позиций капитализма и т. п.

Однако сама практика китайской политики камня на камне не оставляет от этих утверждений. Пекинское руководство недвусмысленно демонстрирует (и это с удовлетворением подмечено на Западе), что оно отнюдь не против присутствия в Европе «одной сверхдержавы», а именно США, что своей доктрине «борьбы против монополии двух сверхдержав» оно придает прежде всего антисоветскую окраску.

Китайское руководство поддерживает международные объединения монополистического капитала — будь то «Общий рынок» или НАТО. В то же время Пекин не проявляет ни малейших симпатий к борьбе рабочего класса Западной Европы против политики монополий. Руководствуясь целями и задачами своей социал-шовинистической политики, маоисты объективно отстаивают интересы монополий, буржуазной государственной машины, но отнюдь не интересы рабочего класса, трудящихся.

Китайская пропаганда охотно подхватывает и рекламирует те положения, которые используются определенными западноевропейскими кругами для сохранения раскола в Европе, противодействия оздоровлению политического климата. Одновременно пресса Китая сознательно искажает политику социалистических стран в европейских делах, представляя ее источником «роста напряженности» на континенте. В Пекине оправдывают существование НАТО... «ростом угрозы» со стороны государств — участников Варшавского Договора, подают провокационные маневры натовской военщины как действия «по подготовке и отражению потенциального нападения со стороны Востока».

Пекинские лидеры страшатся возможности нормализации обстановки в Европе. Их пугает наметившаяся на этом континенте тенденция как пример для других районов мира, для поисков путей и коллективной безопасности, и прежде всего в Азии. Маоистам не по душе, что борьба за европейское сотрудничество укрепляет единство социалистических стран. После того как попытки Пекина в лобовой атаке подорвать социалистическое содружество потерпели полный крах, китайские лидеры стремятся, опираясь на империализм, затруднить осуществление миролюбивой политики социалистических стран, накалить обстановку, помешать экономическому прогрессу государств социализма. Такой курс — яркий пример классового отступничества Пекина, предательства в отношении коренных интересов народов Европы.

ПЕКИН ОДОБРЯЕТ...

Соглашение в принципе по основным вопросам о вступлении Англии в «Общий рынок» было достигнуто. В результате Англия будет принята в члены «Общего рынка». Это отражает дальнейшее развитие тенденции к сплочению западноевропейских стран по борьбе против контроля и вмешательства сверхдержав...

Вступление Англии и трех других стран в «Общий рынок» будет означать дальнейшее развитие экономического и затем оборонного и дипломатического союза западноевропейских стран.

СИНЬХУА

«Общий рынок» как первый шаг на пути к самостоятельности Европы, возможно, является положительным фактом.

Из интервью Чжоу Энь-лая члену руководства социалистической партии Италии Ненни.
«АВАНТИ»

Китайское правительство хочет, чтобы... движение к интеграции расширилось, перейдя с области экономики на политику и оборону.

Из заявления Чжоу Энь-лая министру иностранных дел Италии Дж. Медичи.
«МОНД»

С 1 января 1973 года Англия, Дания и Ирландия стали официальными членами «Общего рынка», и таким образом число его стран-участниц увеличилось с шести до девяти; развитие и расширение этого экономического сообщества отражают усиление тенденции среди западноевропейских стран к укреплению единства ради защиты своих собственных интересов.

«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

...СЕЕТ НЕДОВЕРИЕ...

Совещание по вопросам европейской безопасности беспокоит нас. Или русские выйдут победителями на этом совещании и они будут гарантами вашей независимости, или наступит разрядка напряженности между Востоком и Западом, и тогда советские войска придут на северную границу Китая.

Из беседы Чжоу Энь-лая с французской парламентской делегацией.
«ФРАНС ПРЕСС»

Так называемое европейское совещание по безопасности может служить лишь еще одной ширмой, скрывающей раздел сфер влияния между двумя сверхдержавами путем использования военных блоков. Такое совещание лучше было бы называть «совещанием по небезопасности в Европе», а не «совещанием по безопасности в Европе».

Из выступления главы делегации КНР в ООН.
«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

...ПРОВОЦИРУЕТ

Министры иностранных дел различных стран НАТО выступили 7 и 8 декабря (на зимней сессии Совета НАТО. — Г. К.) с речами о политике, в которых отметили, что блок НАТО и в дальнейшем «должен сохранять бдительность в Европе». Министры иностранных дел различных стран также предупредили друг друга, что нельзя «слишком оптимистически смотреть на разрядку»...

Министр иностранных дел Англии Дуглас-Хьюм подчеркнул на сессии, что блок НАТО не должен идти на переговоры со «слабых позиций»...

Сессия опубликовала по завершении работы коммюнике, в котором подчеркивается, что «в связи с дальнейшим усилением военной мощи организации Варшавского Договора» не будет уменьшаться и военная мощь Североатлантического блока и что «необходимо исходить из эффективных партнерных отношений и позиции силы» для ведения переговоров.

«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

Министр иностранных дел Англии А. Дуглас-Хьюм предупредил, что опасно было бы «слишком оптимистически» смотреть на перспективы подлинного смягчения положения в Европе... Он заявил: «Декларации о намерении жить в мире не принесли разрядки».

«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

Затрагивая отношения с Советским Союзом, Хит подчеркнул, что западноевропейские страны должны «говорить в один общий голос и действовать общими силами». Что касается отношений с США, Хит сказал: «Нашей целью в Европе должно быть укрепление нашей обороноспособности и установление общности наших целей в рамках всей политики. Наша цель должна состоять в том, чтобы Европа стала надежным партнером Соединенных Штатов».

«ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

ДВУХ МНЕНИЙ НЕТ:

Китайцы решительно поддержали расширение сообщества (ЕЭС) и роль Англии в нем. Они понимают, что европейская оборона пока должна обеспечиваться с помощью американского ядерного щита хотя было бы идеально, если бы Европа организовала свою собственную оборону в будущем.

«ТАЙМС»

Китайцы одобряют Европейское экономическое сообщество. Им не нравится нынешняя тенденция к разрядке между Востоком и Западом в Европе. Они не хотят общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества, которое привело бы к сокращению военных сил в обеих частях Европы.

«ОБСЕРВЕР»

Помимо двусторонних отношений с Римом или Парижем, с Лондоном или Бонном, Китай в конечном счете делает ставку на прямой и более общий диалог с брюссельскими наднациональными институтами.

«КОРРЬЕРЕ ДЕЛЛА СЕРА»

Китайцы проявляют растущий интерес к НАТО как к единственному заслону, защищающему Западную Европу от угрозы советского экспансионизма, которая, по их мнению, существует. Официальное агентство Синьхуа на прошлой неделе выступило с довольно заостренным комментарием о проекте оборонного бюджета английского правительства.

В сообщении Синьхуа также приводится заявление о том, что переговоры с советским блоком следует проводить с «позиции силы»...

«ТАЙМС»

В эскалации своего антисоветского курса Китайская Народная Республика в настоящее время зашла так далеко, что она аплодирует не только ЕЭС (мир давно уже считает это само собой разумеющимся), но даже НАТО и вооружению Японии.

Так, например, информационное агентство Синьхуа недавно поместило большое сообщение о маневрах НАТО в Юго-Западной Германии «Рефорджер-4», которое от первой до последней строчки не содержит никакого осуждения. Это, говорится в сообщении, были маневры по подготовке к отражению потенциального нападения со стороны Востока.

«ДИ ВЕЛЬТ»

Китай активизировал свою антисоветскую политику в таких масштабах, что он не только одобрил Европейское экономическое сообщество, но приветствовал также НАТО...

Китайские руководители, по-видимому, разделяют мнение Запада о том, что единственным бастионом между Западной Европой и «советским экспансионизмом» является Североатлантический союз. Такие предположения можно сделать на основе одобрительных высказываний агентства Синьхуа по поводу предупреждения в недавней английской Белой книге по вопросам обороны в отношении продолжающегося наращивания советской военной мощи в Европе и на основе утверждения этого агентства о том, что переговоры с Москвой следует вести с «позиции силы».

«ТАЙМС ОФ ИНДИЯ»

На важных европейских переговорах между Востоком и Западом западная сторона имеет отсутствующего за столом молчаливого союзника в лице Китая. Не будет преувеличением сказать, что Пекин с позиций реальной политики даже заинтересован в более сильном Североатлантическом союзе.

Западная Европа должна располагать собственными средствами атомного устрашения — так возвещают на Дальнем Востоке. С особым недоверием следят китайцы за переговорами о сокращении вооруженных сил...

Философия китайской внешней политики в этом смысле до грубости проста: то, что полезно русским, плохо, а то, что им вредит, хорошо. Значит, согласно этой схеме, НАТО — это хорошо. И сильное успешное европейское сообщество еще лучше.

«НОЙЕ РЕЙНЦАЙТУНГ»

«РЕШИТЕЛЬНЫЙ СДВИГ» ВПРАВО

Премьер Чжоу Энь-лай выступил за необходимость «сильного западного союза», то есть за укрепление НАТО. Это продолжение тех заявлений, имевших грубую антисоветскую направленность, которые сделал недавно Чжоу Энь-лай на встрече с американскими сенаторами, где он в отличие от видных американских политических деятелей высказался против сокращения численности американских войск в Западной Европе.

...Китайская Народная Республика заинтересована в существовании противовеса государствам Варшавского Договора в виде «сильного присутствия» США в Европе и в дальнейшем расширении вермахта ФРГ.

«НОЙЕС ДОЙЧЛАНД»

Китайская Народная Республика уже давно уделяет Европейскому сообществу необычайно большое внимание. Мотивы этого носят скорее политический, чем экономический характер...

В последние недели к этому добавилось новое обстоятельство. Впервые Пекин упомянул о положительной роли, которую могла бы сыграть одна из сверхдержав, а именно Америка, в укреплении западноевропейского единства. Эта перемена произошла во время встречи руководителей стран — членов ЕЭС, состоявшейся в Париже в конце октября прошлого года... Любой внимательный читатель в Срединной Империи, должно быть, сделал из этого вывод, что ...эта сверхдержава играет более положительную роль, чем другая: эффект, которого явно желало руководство в Пекине.

«ФРАНКФУРТЕР АЛЬГЕМАЙНЕ»

Антисоветизм китайского руководства доводит его политику до абсурда. Например, хотя маоисты в принципе выступают против присутствия американских войск на чужой территории, они не имеют ничего против их дислокации в Европе. Ведь таким образом НАТО в Европе будет обладать большей военной мощью.

«РАБОТНИЧЕСКО ДЕЛО»

Поведение китайского министра в Париже (во время Парижской конференции по Вьетнаму. — Г. К.) соответствовало последним директивам в области китайской внешней политики. Коротко их можно охарактеризовать следующим образом: ставка на Вашингтон, на Атлантический пакт и «Общий рынок» при одновременной демонстрации своего враждебного отношения к Советскому Союзу и другим социалистическим государствам...

Китайские руководители являются противниками как переговоров в Хельсинки по вопросам безопасности на европейском континенте, так и венских консультаций, касающихся сокращения вооруженных сил.

«ЖИЧЕ ВАРШАВЫ»

Для Вашингтона важно то, что китайцы выступают как решительные сторонники западноевропейского политического единства, и в конфиденциальном порядке они даже потихоньку поддерживают НАТО. Это, как отмечают американские должностные лица, представляет собой решительный сдвиг, ибо в прошлом китайцы выражали озабоченность по поводу того, что американское участие в европейских делах может помешать достижению единства Западной Европы, которая рассматривается как противовес советскому блоку.

Пекин, судя по всему, меняет свое мнение о НАТО, и сейчас в китайской печати мало говорят о необходимости изгнать Соединенные Штаты из Европы.

В настоящее время китайские дипломаты в основном выступают против намеченного общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству, а также против переговоров о сокращении вооруженных сил в Европе.

«КРИСЧЕН САЙЕНС МОНИТОР»

КЛАССОВОЕ ОТСТУПНИЧЕСТВО:

Империалистический классовый враг находит поддержку в одной из «революционных теорий» Мао. Западная Европа, гласит эта теория, относится к своего рода якобы нейтральной в классовом отношении, промежуточной зоне. С ней Китай мог бы вступить в союз. Этим объясняется также ориентация на ЕЭС.

«ХОРИЦОНТ»

Для китайского посла (посол КНР в Норвегии высказал одобрение в отношении «Общего рынка» в интервью газете «Нордлюс». — Г. К.) совершенно безразличен тот факт, что Европейское экономическое сообщество, о котором он говорит как о «Европе», является сообществом крупного европейского капитала. Борьба народов против ЕЭС — это борьба против диктатуры монополий, борьба против попыток крупного капитала уничтожить право западноевропейских наций на самоопределение...

Сегодня они (китайские руководители. — Г. К.) наносят удар в спину народов западноевропейских стран, которые ведут борьбу за обеспечение права на национальное самоопределение. Они восхваляют европейский монополистический капитал, стремящийся зажать в тиски западноевропейские народы. Они встают поперек пути рабочего класса и прогрессивных кругов против империалистических сил.

«ФРИХЕТЕН»

Китайские лидеры ориентируются главным образом на крайне правые и реваншистские силы в Западной Германии, представляемые ХДС/ХСС...

Китайские лидеры намерены использовать европейский «Общий рынок» в качестве силы для сопротивления политике мира, проводимой социалистическими странами.

«НЬЮ ЭЙДЖ»

Китайские руководители, говоря о классовой борьбе, в своем отношении к ЕЭС теряют из виду всякую классовую перспективу. Они не исходят из того факта, что ЕЭС — это Европа монополий, что в руководящих органах ЕЭС крупные монополии, особенно наднациональные, определяют характер этой организации как орудия для борьбы против интересов рабочего класса и всех трудящихся в пределах ЕЭС, равно как и в международном масштабе. Своей «неприкрытой симпатией к Европейскому экономическому сообществу» (см. «Франкфуртер альгемайне цайтунг» от 24 января 1973 г.) китайские руководители заняли боевую позицию против рабочего движения в государствах ЕЭС. Так, например, китайские руководители подчеркнуто поддерживали решение Англии, принятое под нажимом консерваторов, о присоединении к ЕЭС, в то время как коммунисты, профсоюзы и даже лейбористская партия выступали против такого шага.

Когда Синьхуа пишет, что с расширением ЕЭС западноевропейские государства укрепили защиту своих интересов, то следует напомнить, что речь идет о государствах, в которых система государственно-монополистического капитализма окончательно оформлена. Стало быть, «их интересы» — это могут быть только интересы монополистического капитала.

«УНЗЕРЕ ЦАЙТ»

* * *

У европейских народов должно вызвать возмущение противодействие Пекина проведению общеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества. У народов Европы, которые пережили горький урок двух мировых войн, есть достаточно причин, чтобы содействовать проведению этого совещания, направленного на ослабление напряженности и установление сотрудничества на континенте, который не хочет войны.

«ТРИБУНА ПОПУЛАР»

Досье подготовил Г. КОЧИН

Аулики ОКСАНЕН

Аулики Оксанен — молодая финская поэтесса, завоевавшая большую популярность в Финляндии своими стихами и песнями, которые она сама исполняет. Летом прошлого года А. Оксанен побывала в Советском Союзе. Приводим стихотворение из созданного ею цикла «Песни о Стране Советов».

Песня о колхозе имени Политотдела

— Белый хлопок,
белый хлопок,
Почему такой ты кожный,
Почему такой пушистый?

— Руки добрые, как солнце,
Мне подняться помогли
На моих полях бескрайних.
Я смотрю и всюду вижу
только радость.
Я — ликующее море
в белых волнах,
Жадно пьют меня
текстильные заводы,
Я — источник теплых
детских курток,
Я — веселая страничка
книжек.

— Гордый тополь,
гордый тополь,
Почему такой ты стройный,
Почему такой высокий?

— Я хочу увидеть, кто там
Первый в беге
на дорожках стадиона.
Очень хочется мне также
Заглянуть в окно
Дворца культуры.
Я хочу полюбоваться
ярким цветом
Красных яблок
за высокою оградой сада,
За собою мне
тянет в небо шарик,
Ввысь взлетевший
над площадкой,
Где, смеясь, играют дети.

— Шумный трактор,
почему, ответь мне,
Рокот твой похож
на радостную песню?

— За моим штурвалом
Юноша с веселою улыбкой.
Вижу я людей,
спешащих не поле.
Вижу школьников,
бегущих в школу,
И на окнах школы
отблеск солнца.

Перевел В. СТЕПАНОВ

КТО, ГДЕ, КОГДА

Имени Генриха Манна

Вручение ежегодных литературных премий имени Генриха Манна состоялось недавно в Академии искусств ГДР. Премии 1973 года были вручены молодым писателям Хельге Шюц (за книгу «Землетрясение близ Зангерхаузена») и Ульриху Пленцдорфу (за повесть и одноименную пьесу «Новые страдания молодого В.»).

Портрет Кэтрин Мэнсфилд

Только трем сборникам рассказов суждено было выйти в свет при жизни их создательницы, английской писательницы Кэтрин Мэнсфилд. Лучшие же новеллы и рассказы были опубликованы позже в сборниках «Гнездо голубки», «Нечто детское». Мэнсфилд вошла в историю английской литературы XX века как тонкий мастер реалистической, психологической новеллы, достойный продолжатель традиций А. Чехова и И. Бунина.

Английское телевидение осуществило постановку многосерийного спектакля «Портрет Кэтрин Мэнсфилд», в основу которого легли письма и дневники писательницы, в свое время подготовленные и печати ее мужем, литературоведом Дж. Мидлтоном Марри. В главной роли — известная актриса Ванесса Редгрейв (см. фото).

Мария Каллас — режиссер

Известная итальянская певица Мария Каллас дебютировала недавно в новом амплуа — режиссера-постановщика. В день торжественного открытия туринского «Театре Реджио» здесь состоялась премьера оперы Верди «Сицилийская вечерня», поставленной Каллас совместно с певцом Джузеппе ди Стефано. Каллас, очень бережно модернизировавшая лиретто, заявила, что не согласна с тем «слишком большим значением, которое придают ныне режиссуре». Она отказалась от «постановочной отсебятины» и «смиренно следовала указаниям автора».

Премьера «Сицилийской вечерни» была расценена как «событие сезона» и собрала любителей оперы из многих стран.

На снимке: Мария Каллас и ди Стефано.

Завтра исполняется 100 лет со дня рождения французского писателя Анри Барбюса

БЕССТРАШНЫЙ РЫЦАРЬ МИРА

В ПИСЬМЕ, направленном в «Литературную газету» известным французским литератором Пьером Парафом, бессменным председателем «Общества друзей Анри Барбюса», говорится: «Имя Барбюса, написавшего одну из самых славных глав французской литературы, стало также символом дружбы между народом Франции и народами Советского Союза, к которым он испытывал чувство братской привязанности; одним из первых Барбюс понял значение совершенной ими Революции и горячо ее приветствовал». Далее Параф останавливается на главных вехах жизненного пути Барбюса [он родился в Аньере 17 мая 1873 года], рассказывает о его мужественной борьбе против войны и фашизма. Кратко осветив творчество писателя, автора бессмертных романов «Огонь», «Ясность», «Звенья», сборника «Правдивые повести», Параф напоминает о волнующих моментах, связанных с кончиной Барбюса [он умер в Москве 30 августа 1935 года]: «Советский Союз устроил ему грандиозные похороны. На всех станциях, где останавливался траурный поезд, жители отдавали последние почести бесстрашному борцу за мир. И, наконец, вечный покой на кладбище Пер Лашез, куда 500 тысяч парижан провожали великого француза, великого служителя человечества. Он похоронен около Стены коммунаров, там, где будут погребены герои Сопротивления, мученики концентрационных лагерей».

Советским людям хорошо известны жизненный подвиг Барбюса и его книги. [Совсем не давно увидало свет новое издание романа «Огонь», приуроченное к памятной годовщине.] Но мало кто знает о записных книжках Барбюса, которые он вел на протяжении всего своего творческого пути [их свято хранила секретарь и верный друг писателя Анкет Видаль]. Записные книжки — это творческая лаборатория, где глубокие мысли, искрометные афоризмы, тонкие наблюдения перемежаются набросками новых произведений.

Вот новелла, показывающая истинное лицо буржуазного лжепатриотизма:

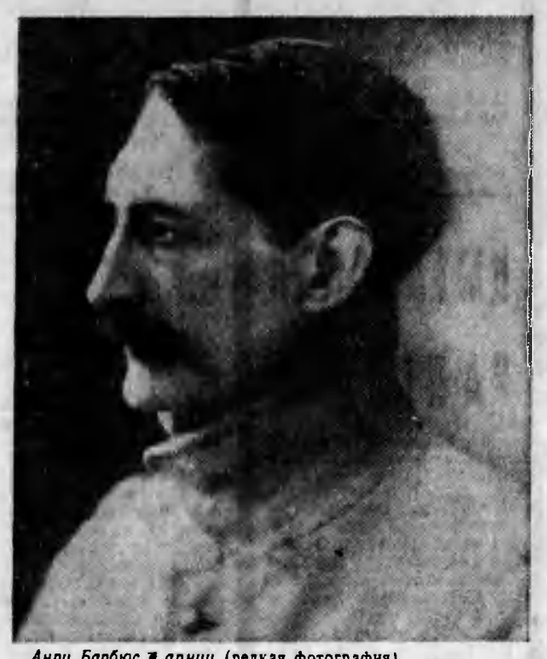
«В маленьком городе в шутку, но с серьезным видом объявили, что состоится плебисцит по вопросу о продолжении войны, и все, кто ответит «да», будут немедленно отправлены на передовую. Скандалы; признания, циничные постыдные, сбивчивые. Все повергнуты в ужас. Шлюхи и сутенеры; шлюхи вопят, как матери, расстающиеся с сыновьями».

К сожалению, большинство записных книжек Барбюса осталось не только неопубликованными, но и не расшифрованными. Лучше всего обстоит дело с записями военных лет. В «Письмах с фронта» [1937] увидели свет первые пять страничек [с 1 августа 1914 г. по 29 июня 1915 г.]. В 1965 году приложением к ромену «Огонь» Пьер Параф — и в этом его большая заслуга — напечатал свыше 70 страниц дневниковых записей. Они начаты 14 октября 1915 года и завершаются в конце 1916 года [время издания «Огня»].

Записные книжки дают понятие о фронтовых будках, о жизни в окопах, о бесцельных, кровопролитных атаках. Затем на первый план выступают размышления — об опасности национализма, о «вине» Поля Деруледа и других писак, прославлявших войну. По дневниковым заметкам, как и по «Письмам с фронта», можно проследить историю создания романа «Огонь».

Одно только перечисление глав «Огня», в окончательной редакции измененное, дает представление о том, как задумывалась и в ходе работы менялась композиция книги. Здесь же ряд метких характеристик [обывателя Крийона, баронессы Гриф, бакалейщика Фэвра], набросков персонажей романа «Ясность».

По записным книжкам военных лет мы прослеживаем крестный путь рядового 231-го пехотного полка Анри Барбюса, человека, который за огнем империалистической войны увидел свет революции и остался до конца своих дней ее бесстрашным рыцарем.



Анри Барбюс в армии (редкая фотография)

ИСКРЕННИЙ ДРУГ СССР

В жизни человеческой, расчисленной на годы, месяцы и дни, столетие — мера необыкновенная. Она не приложима к тому, что тесно и привычно окружает нас, как пелена воздуха окружает шар земной.

В историю развития культуры человечества немало — но не так уж и много — вписано славных имен, измеряемых масштабами столетий. В этом великолепном ряду мы с гордостью видим имя Анри Барбюса. Писателя, гуманиста, нежного лирика и пламенного борца против социальной несправедливости, против милитаризма, то и дело опаляющего мир смрадным дыханием захватнических войн.

Барбюс на себе испытал непередаваемые ужасы первой мировой войны. Он хорошо знал, что такое горе человеческое, и полон был горячего сочувствия к нему.

Барбюс исполнен благородного гнева, решимости добиться для человечества заслуженного им счастья — мира между народами. Он руководил Всемирным конгрессом против империалистической войны в Амстердаме (1932 год). В 1935 году был в числе организаторов Международного конгресса писателей в защиту культуры в Париже.

Он умер, прежде чем разыгралась новая трагедия планеты — коварное нашествие на Европу коричневых фашистских лавин. Но Анри был жив в душе каждого француза, не выпустившего из рук оружие защитника своей родины. Он был жив в сердцах солдат, рабочих и крестьян нашей, Советской Родины, на чью долю больше всего выпало жестоких страданий. Он был жив везде, где не угасало упорное сопротивление насилию и смерти.

Анри Барбюс, живой и борющийся, принадлежит всему прогрессивному человечеству, сохраняя, однако, при этом священные права Франции считать его прежде всего своим сыном. А по праву издавна искренних друзей французского народа и памятуя, что сам Барбюс был одним из энергичнейших организаторов Конгресса друзей СССР, мы приносим ему свое братское восхищение.

Нам, людям страны полностью победившего социализма, страны, распахнуто открытой всем миролюбивым силам, Барбюс по-особому понятен и близок. Как писатель, общественный деятель, коммунист, как гражданин, выразитель благородных стремлений. Он среди тех, кто всегда помогал и помогает крепить основы взаимопонимания между нашими народами.

«После смерти человек живет только на земле». Слова Барбюса, сказанные о другом. Но эти слова ныне целиком относятся и к нему самому. Он остается со своим народом, со всеми людьми доброй воли. И будет продолжать свою трудную работу.

Сергей САРТАКОВ

Письмо А. Барбюса А. В. Луначарскому (29 июля 1929 г.)

Стремясь донести до сознания самых широких масс правду об империалистической войне, Барбюс считал недостаточным и инсценировки, и переводы «Огня» на иностранные языки. Он полагал, что трагедия войны может быть передана лучше всего средствами киноискусства и мечтал об экранизации романа. В письме Леону Муссинаку в связи с постановкой спектакля «Огонь» на сцене Федерального театра в 1925 г. Барбюс отмечал, что «эта инсценировка романа не дает полного представления о книге. В мелких эпизодах теряется то впечатление единого целого войны, какое, мне кажется, вызывает книга при чтении. Фильм, который можно было бы снять по роману, должен был бы как раз подчеркнуть, усугубить это впечатление безмерности и бессмысленности миллионных жертв, этой незаживающей раны» (письмо от 2 мая 1925 г.).

В конце 1920-х годов советский режиссер А. М. Роом снял фильм по мотивам рассказа А. Барбюса «Приведения, которые не возвращаются». Мысль создать фильм о первой мировой войне не покидала Барбюса. В 1934 году он написал киносценарий «Человек против человека».

Публикация и комментарий доктора филологических наук Ф. НАРКИРЬЕРА

Дорогой товарищ.

Я хотел бы поговорить с вами об одной чрезвычайно важной вещи — о том, чтобы сделать фильм по моей книге о войне «Огонь». Этот вопрос... в настоящее время приобретает особенно большое значение в связи с повсеместным возрождением актуальности книг о войне. Это возрождение литературы о войне возникло в Германии как следствие необыкновенного успеха книги «На западном фронте без перемен» Э. М. Ремарка.

А ведь книга Ремарка и другие недавние произведения, получившие признание публики сначала в Германии, а затем и во всех других странах, очень тесно связаны с моей книгой «Огонь» в том смысле, что они дают конкретный и реалистический образ империалистической войны. Получается так, что двенадцать лет спустя они повторяют то, что я сказал первым, и лишь подтверждают правдивость и документальную ценность моей книги.

Но между произведениями, пользующимися сейчас колоссальным успехом, и моей книгой «Огонь», пользовавшейся таким же успехом во время войны, есть очень существенное различие: это различие заключается в том, что «Огонь» — революционная книга, восстающая против социальных причин войны и против существующего строя, а книга Ремарка носит лишь довольно поверхностный антивоенный характер и уклоняется от общественных и политических проблем.

Он даже специально подчеркивает в предисловии отсутствие в своей книге этого ниспровергающего начала. Эта нейтральность во многом обеспечила успех книги и привела к тому, что все контрреволюционеры и враги моей книги поспешили превознести книгу Ремарка, поставив ее выше моей. Они стремились лишить «Огонь» того авторитета, которым он пользовался до сих пор, и, может быть, еще и продолжает пользоваться, а также своего рода первенства и превосходства над другими книгами о войне. Это превосходство было для наших врагов невыносимо, а теперь они счастливы, получив возможность заявить, что политически безопасная книга затмевает мою.

Именно поэтому я думаю, что надо было бы предпринять что-то серьезное, начав работу над своего рода итоговым фильмом об империалистической войне, в основу которого был бы положен «Огонь», что позволило бы придать ему — даже в той скромной мере, которая не помешала бы его распространению за границей, — дополнительное социальное звучание. Поставленный советскими режиссерами, которые, совершенно очевидно, являются лучшими в мире, этот фильм, дающий обобщающий реалистический образ войны, добился бы всеобщего признания и опередил бы фильм или фильмы, которые бесспорно будут сделаны по политически безобидной, но тем не менее волнующей книге Ремарка.

Я прошу вас, дорогой товарищ, внимательно изучить этот вопрос, и если вы, как и я, думаете, что в настоящее время можно сделать на основе «Огня» серьезное произведение — с точки зрения художественной, и с точки зрения *пропагандистской и*, наконец, коммерческой, я думаю, что вы сможете поручить постановку этого произведения одному из ваших крупных режиссеров, с которым я — в случае необходимости — стал бы работать.

Не откажите мне в любезности, дорогой товарищ, сказать, что вы думаете об этом чрезвычайно серьезном предложении, реализация которого требует решительности и быстроты.

С братским приветом.

Перевела Н. РЖЕВСКАЯ

14 октября 1915 года

Анри БАРБЮС

ИЗ «ВОЕННОЙ ТЕТРАДИ»

Мы сидим в укрытии на Бетюнской дороге. Сегодня мы, Момиаль и я, вышли в половине десятого утра, чтобы под прикрытием густого, окутавшего равнину тумана постараться пробраться в Суше. Выходим на дорогу. Ее уже очистили от трупов. Страшно и жалко выглядели эти мертвецы. У одного из них, с совершенно почерневшим лицом, были распухшие и посиневшие губы, изодранные в клочья руки, похожие на израненные детские ладошки; это чудовищно и пугающе. Другие трупы напоминали грязные, бесформенные тюки, откуда вываливаются какие-то непонятные предметы, а вокруг них порхают письма, которые, пока трупы тащили по земле, высыпались у них из карманов. В одном из писем: «Мой дорогой Анри, в день твоего рождения стоит прекрасная погода» и т. д. Чуть поодаль оттащен труп в таком состоянии, что его вынуждены были завернуть в сетку и бревент, прикрепив «все это» веревками к колышкам. Чумной запах. Куча брезента и грязных, драных шинелей, скрепленных запекшейся кровью.

Спускаемся с Бетюнской дороги. По обе стороны — разбитые деревья, изрытые снарядами склоны, кучи нечистот, отбросов и всевозможных обломков. Вдоль дороги — траншеи, ходы сообщения, разные знамена. Налево уходит тропа. Вся равнина изрезана «тропами», ходами сообщения, а после взятия господствовавших над нами немецких позиций тут провели и узкоколейку.

«Красный кабачок». От него ничего не осталось. Словно достопримечательность показывают остаток пола; собранные на нем обломки красноватого цвета, как кирпич, из которого был сложен дом.

Мы добираемся до другой немецкой траншеи, которая идет почти вровень с дорогой. В отдельных местах она совсем осыпалась, перепаханная снарядами, почерневшая и обуглившаяся. Видны валяющиеся здесь уже недели две, может быть, месяц, трупы французов и немцев, которых не могли зарыть, пока в этих местах проходила линия огня.

Я сфотографировал пять истерзанных, разложившихся, почерневших и кишащих червями немецких трупов, оставленных на тыльной стороне траншеи, взятой при атаке 25—28 сентября, а также немецкую траншею. Я выбрал место, которое мне показалось особенно искореженным и развороченным. Но поистине здесь не из чего выбирать: все перепахано, полно гнили и обломков. Чувствуешь катастрофу... Мы пробираемся дальше и приходим в Суше; тут уничтожено все. Деревня стала равниной с холмами из руин и балок. С воронками от снарядов. Запах скотобойни. Мы идем по осколкам снарядов, поломанным винтовкам, всюду — неразорвавшиеся снаряды, разбитое снаряжение, горки одежды, окоченевшей в коричневой грязи. Несколько трупов. Один — совсем свежий. Это повар со связкой булок. Вокруг тела — котелки его товарищей. Должно быть, его убило сегодня ночью, осколком в спину. Все эти дни немцы сильно обстреливали Суше... Место, где мы находимся, не слишком безопасное, и нам повезло, что нас еще не ухлопали! Идем на край деревни, если так можно выразиться, к единственному дому, от которого уцелел фундамент, видим во дворе залитый кровью матрац. Затем идем назад.

Никогда я не видел столь разрушенной деревни. Аблэн-сэн-Назэр и Каранси с их разбитыми домами и заваленными обломками дворами сохраняли хотя бы форму поселений.

Здесь же нет ничего, сохранившего свою форму. Ни обломка стены, ни решетки, ни уцелевшего фасада. Можно подумать, что это — грязный, заболоченный пустырь в пригороде, куда город годами сваливал мусор, обломки, свое ржавое железо. На первом плане — туман, фантастические декорации изуродованных деревьев.

Трупов мало, лишь несколько воронок, где гниют убитые лошади. В других воронках — обезображенные, деформированные ранами останки, бывшие некогда людьми. Бомбежкой так разбило мельницу, что ручей повернул в сторону и превратился в пруд на маленькой площади.

Углубить трагический характер военных будней. Это самая страшная сторона войны, потому что другая — опасность, страх насильственной смерти — полностью от нее неотделима...

Именно наблюдал столь глубокое насилие над нашим характером, над нашей душой, убеждаешься, насколько поверхностны идеи, которые гонят нас на войну. Взвесьте их. Сравните. Разве они более человечны, чем бесчеловечна наша нищета?

Часовой, который несет вахту в траншее под звездами, думает о людях. О всех людях, столь же бесчисленных, как звезды, и столь же далеких друг от друга, неведомых. Этот барьер тьмы и крови страшен. Но можно ли что-нибудь сделать против него? Да, нужно, чтобы люди искали друг друга. Нужно, чтобы они освободились от дурных уроков, которые вдалбливают им в головы те, кто не знает, или те, кто заинтересован в том, чтобы незнание людьми друг друга еще больше скрывало от них, что они — в тюрьме одиночества. Сперва необходимо посмотреть на вещи спокойно, пристально и мудро, руководствоваться не догмами, не идеями, не абстрактными непонятными мыслями, а ясными, глубокими, живыми.

Признайся, что тебе не совсем ясно, зачем ты здесь, когда ты тоже несешь вахту, стараясь разглядеть, что там копошится на равнине. В общем тебе не понятно, почему ты здесь. Мы все, естественно, в этот час захвачены машиной войны. Надо держаться и победить. Но нужно видеть дальше и больше, чем интересы сегодняшнего времени, которые всего-навсего суть маленькая историческая подробность великого вопроса.

Теперь ты не читаешь газет. Но позже — не довериям тем, кто будет стараться заставить тебя поверить, что все народы различны по природе и поэтому необходимо, чтобы один из них господствовал над остальными; если это верно для одних, то верно и для других, а это в конце концов означает вечную войну.

О причинах войны

Не вдаваясь в подробности, очевидно, что по-детски наивно приписывать все несчастья Германии и утверждать, что до войны вся Германия была воинственной, а Франция — пацифистской. В действительности у обеих сторон были элементы воинственные и пацифистские; но Германией управляли милитаристские элементы, которые были всесильны, а это повлекло за собой все остальное.

Во Франции была очень активная партия реванша, которая оказывала ощутимое влияние на общественное мнение, и почти повсюду у нас сожалели о военном унижении 1870 года, мечтали о разукрашенной знаменами победе, соответствующей характеру многих французов...

Национализм подобен человеку, который курит, находя это прекрасным, и бросает спички на свою солому, бьется в пламени и при этом размышляет о системах усовершенствованных насосов для тушения пожаров, время от времени вспыхивающих у него...

Дойти до истоков. Нападать на установившийся порядок, на рутинные понятия, на навязанные нам теории...

Это освобождение, это свет, имя которому — прогресс. Это идея более великая, чем идея личного или даже коллективного эгоизма. Социальный прогресс зиждется на Интернационале.

Ты борешься за что-то. За что-то большое, значительное, возвышенное. За что-то простое. Надо, чтобы тебе сказали об этом достаточно четко и сильно, чтобы это услышали все...

Прозвучали великие призывы, речи людские, озаряющие этапы нынешнего и будущего прогресса. И ты борешься за одну из этих великих вещей, — величайшую из всех, — справедливость и равенство людей.

Мастер на все руки Крийон. Грубое строение его лица. Его страшные черты. У него принцип — расплачиваться не деньгами, а работой. Он доводит его до крайностей. За все платит мелкими поделками. Он проводит самые невероятные обмены — микрокосмы всемирных финансовых комбинаций — многообразной работой, принимающей любые формы. В его мастерской пахнет то медью, то лаком, то клеем. Он не слишком честен, портит часы.

Он — кузнец-слесарь, но работает и по коже. Рассказывает, что его похвалил министр.

Крийон говорит: «Я здесь, верно, я здесь, но, старина, не надо заблуждаться на этот счет: если бы у меня не было жены и детей, если бы не мои дела, если бы я не был французом, а был американцем, так вот, может быть, я оказался бы в Америке».

Баронесса Гриф. «Вы больны, потому что вы не ели. Я же больна, потому что ела слишком много. Вы видите, что мы с вами в одинаковых условиях». Однажды она пригласила меня в свой замок, где ночью гудит электрический генератор. Этой честью я был обязан тому, что за столом их оказалось тринадцать человек. «Необходимо было пригласить кого-нибудь», — сказала она мне.

Толстый Фэвр. У него жирная, дряблая, как живот, шея. Подбородок похож на живот. Отвратительно жесткая борода, желтые, высохшие, напоминающие опилки волосы. Он молчит. Говорит только вполголоса, расхваливая свой товар. Он складывает в кассу денежки. Получает прибыль.

Толстый *бакалейщик* Фэвр; он омерзителен своим везеньем. Ему везет всегда, этому гению на все руки. Он получает прибыль в мирное время. Приходит война. Он снова получает прибыль. Впрочем, он не делает никаких явных подлостей. Не ворует, а отовсюду собирает денежки. Это какая-то мышеловка для денег.

Характерное в нем — это толщина, тяжелый взгляд глаз. Их белизна, кажется, придает им серьезность. У него беззубый и сытый рот. Медленное посвистывание, иногда с пузырями пены, вырывается из тяжелых валиков его губ.

Шматок масла на землистой бородке. Ест он тщательно. Он набивает желудок, словно добротный чемодан.

Националисты с их вооруженным миром, с их сложными системами протекционизма и союзнических комбинаций производят на меня впечатление людей, которые, вместо того чтобы заново отстроить разваливающийся дом, натужно удерживают на спинах и руках стены и потолки, будучи не в силах сделать ничего другого.

Перевел с французского Л. ТОКАРЕВ

АНКЕТА «ЛГ»

СОЦИОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРА: ГДЕ ПРОХОДЯТ ИХ ГРАНИЦЫ?

Мартин ВАЛЬЗЕР (ФРГ)

ДЕВЯТЬ ТЕЗИСОВ В СПОРЕ

1. Социология и литература — словно два брата, которые не знают, кто их отец, но все время спорят друг с другом о том, кто же из них больше на него похож.

2. Социологический труд — это роман, продиктованный действительностью. Роман — это социологический труд, в чем-то противоречащий действительности.

3. Социологическая книга дает больше информации, чем роман. Но роман дает больше социологической книги.

4. Различие между социологическим трудом и романом то же, что в биологии между лабораторным экспериментом и природным явлением. Существует, однако, довольно большая категория отношений, которые могут быть показаны лишь в лабораторных условиях. Тот, кто не понял этого, всегда будет предъявлять литературе ошибочные претензии.

5. Нет такого жанра и такого стиля романа, который не был бы представлен в социологии. Социолог

Теодор Адорно писал не менее вычурно, чем Томас Манн. Социолог Юрген Хабермас — современник романиста Уве Йонссона. Одни и те же явления побудили Карла Маркса и Чарлза Диккенса взяться за перо.

6. Нельзя говорить: с тех пор как социология стала всеведущей, любой Бальзак отныне обречен на безработицу. Может, напротив, современный Бальзак сейчас радуется, что социологи уже изучили такое великое множество реальных проблем, которыми прежде ему приходилось заниматься в одиночку, оттого что прежние социологи больше интересовались разными идеями. Теперь наконец он может обратиться к тому, что больше всего его интересует и в чем он лучше всего разбирается, — к изложению своего собственного отношения ко всему прочему.

7. Социология и литература ничего не производят. Они служат самопознанию производителей, как и вообще познанию создавшихся отношений. Понимание того факта, что их собственная работа не действие, а интерпретация и акт познания, предрасполагает социологию и литературу как к комплексу неполноценности, так и к переоценке своей роли.

8. Беда социолога в том, что он никогда не может о ней рассказать. Беда романиста в том, что он все время вынужден о ней рассказывать.

9. Как социология, так и литература — обе производят то, что Маркс называл «языком истинной жизни». Различие между ними не носит принципиального характера. Оно даже меньше того различия, что существует между наукой и искусством, оттого что научность социологии столь же мало поддается определению, как и ненаучность искусства. Единственное отличие социологии от литературы состоит в том, что социологи опасаются, как бы оно не стало слишком мало, а писатели — как бы оно не стало слишком велико. Наверно, это объясняется тем, что социологи сейчас играют более, а писатели менее важную роль. Социологи же играют более важную роль потому, что от них больше пользы. Тем более важно, чтобы литература лучше поставила на карту свое рассудочное начало, нежели, чтобы она — под гипнозом социологизма — утратила свою критическую способность.

ВОНН. (По телефону)

ИРОНИЧЕСКАЯ ПРОЗА

ЦЫГАНСКАЯ РАПСОДИЯ

Варлен СТРОНГИН

Звенели гитары, пела и плясала цыганка: «А-не-не-не-не...». И ноги Крутикова сами собой выстукивали дробь в такт музыке. Крутиков хотел присоединиться к танцовщице, но подойти мешали сидевшие перед ней люди. Тогда он отошел в сторону и улегся под большим дубом, подставив обросшее бородой лицо ветру и лучам заходящего солнца.

Необычное спокойствие разлилось по телу, дышалось легко, но вдруг Крутиков наморщил лоб и приподнялся.

«А что будет с Ольгой и Сашком? — подумал он. — На что они станут жить?! Да что там! Не пропадут! Ольга запеленает Сашка в бабкину шаль и пойдет по дворам. Конечно, просить милостыню она не станет. А вот прогнозировать будущее — можно. Это современно. И у Ольги получится. Кого угодно заговорить может. «А ну, дорогой, хороший!» — затараторит она. — Давай руку! Погадаю. Все о тебе расскажу. Что было и что будет. Не хуже ЭВМ расскажу. Не веришь? Ай-яй-яй! А теперь позолоти ручку, красавчик!» Ольга у меня способная. Пожалуй, начнет деньги грести. И жизнь какая наступит — сам себе хозяин. Вольный, как птица. Будет счастье и несчастье — пополам. Со всем табором. Разноцветные кибитки. Костры в тумане светят. Искры гаснут на лету. Песни. Танцы... Только не стоит попадаться на глаза к Пыхову. Прорабатывать начнет, к оседлой жизни звать, на работу в свою контору заманивать. «А что вы мне предложить можете? — скажу я ему. — Соцстраховскую путевку в однодневный дом отдыха?

Ведь мне черт не страшен. Я могу на собрании выступить и правду сказать! Прямо в глаза!» Тут у Пыхова задрожит нижняя губа и он махнет рукой. «Иди, — скажет, — чавела, на все четыре стороны. Бог тебе судья!» А что, кроме гитары и песни, нужно цыгану, как не эти четыре стороны?!»

Крутиков радостно потянулся, глотнул очередную порцию степного воздуха и встал. Чего-то хотелось. Чего?

«Мне нужен конь! — догадался Крутиков. — Ведь цыган без лошади, что без крыльев птица!»

Крутиков, не раздумывая, направился в ближайшее село. «Как раздобыть коня? — лихорадочно работал его мозг. — Купить? Кто продаст? И где он возьмет деньги? Ведь Ольга еще не начала гадать. А, была не была — уведу коня, а там ищи ветра в поле! А если найдут? Побьют и отпустят. А если побьют и отведут в милицию?» Рубашка прилипла к телу, но желание иметь коня переборола страх, и Крутиков полез в сарай, стоящий у ближайшей хаты. Он осторожно приоткрыл дверь, и в нос ему ударил запах бензина. В сарае стоял мотоцикл с коляской.

— Ты чего это смотришь? — услышал Крутиков старушечий голос.

— Да так... смотрю... — испуганно промолвил Крутиков. — Просто так...

— Понимаю, — сказала старушка. — Автоинспектор. Зря смотришь. У нас на селе у всех машин номера есть. И мой внучек ездит на мотоцикле только в шлеме. Как полагается. Так что не сумлевайся.

— А с конями как? — спросил Крутиков.

— Толком не знаю, — сказала старушка. — «МАЗ» простаивает. Запчастей нет.

— Мне кони нужны!

— Какие?

— Черные да серы, черные да серы! Да медвежий мех!

— А, лошади. Ты у Лукича спроси. У ихнего сторожа.

Лукич, подложив под голову приклад берданки, дремал на лавочке у дверей конюшни.

— Чего тебе? — с удивлением посмотрел он на Крутикова.

— Коня! — воскликнул Крутиков, почуяв конский запах.

— А зачем тебе?

— Я цыган!

— Ну и что? Нам по телевизору показывали. У вас теперь свои машины. «Волги», «Жигули»...

— Но я не артист. Я настоящий цыган! — закричал Крутиков. — Мне без коня жизни нету!

— Ежели приперло, то гони на бутылку! — вскинув берданку, сказал Лукич. — Сам знаешь, как сейчас с кормами.

— Спасибо, дед! — сказал Крутиков, засовывая в карман Лукича пятерку. — Век тебя не забуду.

— А я за твое здоровье выпью. Широкая у тебя натура. Нашенская! — сказал Лукич, выводя из конюшни оседланного жеребца. — Дай я тебе подсоблю.

Крутиков взобрался на коня и припал бородой к его гриве.

— Дружище ты мой раскудрявый! Если ты в пути ногу поранишь, я тебя не брошу. Ведь не ты будешь виноват, а дорога. Осторожно поедем. Друзей беречь надо!

Ветер свистел в ушах, хлестали ветки, прыгало непослушное седло, но Крутиков быстрее птицы мчался навстречу бесконечно далекому и манящему закату подальше от Пыхова и его конторы, подальше от машин и магазинов, кинотеатров и телевизора... Казалось, этому дивному бегу не будет конца. Но вдруг Крутиков услышал знакомую мелодию: «А-не-не-не-не...» Умный и верный друг привел его к родному табору. Звенели гитары, пела и плясала цыганка.

Крутиков привязал коня к дубу, потуже затянул ремень и через ноги людей бросился вперед, чтобы, как вихрь, ворваться в отчаянный цыганский танец.

— Ты это куда? — еле успела схватить его за пиджак жена.

Крутиков вздрогнул и похрачнел.

— В гардероб за пальто, — сказал он. — Концерт кончается...

ИХ РАЗЫСКИВАЕТ АДМИНИСТРАЦИЯ «КЛУБА 12 СТУЛЬЕВ»

Не проходи мимо, дорогой товарищ читатель! Вглядись в эти лица — «Клубом ДС» на них объявлен всесоюзный тотальный розыск. Нетрудно заметить у лиц этих общее выраженье, не так ли? Вам они попадались? Ну, разные там лодыри, тунеядцы, рвачи, клеветники и прочая публика? Нам тоже. Розыск, объявленный «Клубом ДС», несколько отличается от обычных розыскных операций. В данном случае читатель должен сам разыскать, обнаружить и обезвредить опасного индивидуума, используя для этого обобщающие индивидуумов портреты, которые публикуются здесь с легкой руки художника из города Владимира Вохмина В. П.

Не проходи, пожалуйста, мимо, дорогой тов. читатель!

ФЕЛЬЕТОНЧИК

БАЛЬЗАМ НА САПОГИ

Администраторы «Клуба ДС» любят, чтобы им что-нибудь рекламировали. Чтобы они прочли про какую-нибудь хорошую вещичку, про которую еще не знали, и потом пошли и приобрели ее в порядке живой очереди. Следуя рекламе, администраторы порой с удовольствием пьют томатный сок и при случае хранят деньги в сберегательной кассе.

В последнее время администрация, следя за рекламой, стала замечать в ней кое-какие значительные достижения.

Например, захотелось однажды почистить тот или иной свой ботинок. И тут как тут — в газете реклама: «Бальзам для ботинок». А про гуталин — ни гу-гу! Зато красиво: бальзам...

Одному из администраторов милиционер велел купить шлем, чтоб безопасно ездить на мотоцикле и не думать о безопасности головы. А у рекламы своя версия:

«И тогда вы будете ездить намного уверенней, дальше, а ваше путешествие станет приятнее. Росторгреклама».

И тогда, чтобы быть еще уверенней, пришло решение ходить вообще пешком.

Хотя, конечно, пешком ходить — тоже дело нешуточное. Так просто, с бухты-барахты на дорогу не ступишь. Опять же — об этом реклама.

«Если ваша профессия — ходить по земле, вздымать пыль ее дорог, проникать в недра земные и строить, помните:

я кирзовом сапоге ваша поступь станет тверже...

Московский Дом торговой рекламы».

Конечно, каждый вздымает пыль в рамках своей профессии. Но иные это делают уж так профессионально, что пыль сию никаким бальзамом не сотрешь.

НЕ ЛЕЗЬ В БУТЫЛКУ!..

ШИФРОВКА

Георгий ФЕРЕ

«Петро, друг, как ты укатил в отпуск, тут произошли кое-какие события. Чтоб случаем кто не понял, пишу тебе намеками, но ты поймешь...

В день аванса зашел товарищ Уговоров, но я все равно ни в какую. Объяснил, что недавно познакомился с товарищем Завязаловым и не хочу портить с ним отношений.

На улице встретил Сашку. С ним был товарищ Угощанский, и, конечно, пришлось зайти к одним нашим знакомым — ты их, Петро, хорошо знаешь! — они живут за углом, напротив булочной. То были товарищи Бутыляйский и Троянов. Третьим был случайный человек, лысый дед Стаканов, который раньше у нас работал сторожем.

Поскольку товарищ Завязалов стал теперь моим лучшим другом, я сразу же решил идти домой, но Сашка заявил, что товарищ Угощанский немедленно приглашает нас к его хорошим друзьям. Это, как тебе хорошо известно, весьма опасные личности — товарищ Разлив и его дружок Автоматов. Особенно задерживаться у них мы и не думали — ведь это к добру не приводит. Товарищ Завязалов настойчиво стал твердить, что пора идти домой, к товарищу (Жене с маленькой буквы, понял?).

Сашка пошел меня провожать, но по дороге затащил меня в гости к товарищу Ресторашкину, которого я терпеть не могу из-за всяких чистых салфеточек и из-за его дурацкой привычки заграбастать себе всю получку и спасибо не сказать. Чтобы этого не случилось, мы прихватили с собой товарища Пузырькова, а ушли, не распрощавшись, что директору не особенно понравилось, и после объяснений с товарищем Скандаловым была приглашена гражданка Фелиция Отделеевна (ты понял, Петро?).

Слава богу, как-то все уладилось, иначе нам грозило знакомство с твоим старым другом, фамилию которого я напишу сокращенно. Это товарищ Вы-ль.

А было уже поздно. У подъезда я встретил Зину А. (Петро, это без намеков, просто она живет в соседнем подъезде на четвертом этаже) и вступил с ней в дружескую беседу. Но товарищ Женя (ты понял?) видел эту сцену из окна и решил, что мы с Зинкой целовались. В связи с чем по приходе домой я немедленно познакомился с тремя очень неприятными товарищами, а именно тов. Б. И. Топосудниковым, тов. З. А. Плачанским и даже с тов. Я. Уйдукмамовым, который, как тебе хорошо известно, тут же начинает собирать чемоданы.

Женя стал грозить тем, что, несмотря на поздний час, сюда немедленно явится сам товарищ Разводов. Как ты знаешь, я против него ничего не имею, но в этот момент нервы у меня уже не держали, и я сам, пойдя на кухню, резко подружился там с товарищем Б. И. Топосудниковым и вскоре уснул.

Пока живу ничего. Но через несколько дней предстоит встреча с товарищем Получкиным, опасный нрав которого тебе, Петро, хорошо известен... Но, друг, никому ни слова! Ш-ш-ш...»

ИЗ ЦИКЛА «НЕНАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА»

БРОНЯ

РАССКАЗ

Григорий КРОШИН

Во всяком деле, по-моему, порядок нужен. А то приехал я как-то в командировку в Пустополь. По вызову местной конторы.

А за неделю до того, как мне выехать, я по телефону договорился с начальником конторы, что мне будет обеспечено место в гостинице. Чтоб не на улице ночевать в такую слякоть.

Поэтому прямо с вокзала пришел в гостиницу. Подхожу к окошку администратора и стучу.

— Здрасте, — здороваюсь. — Тут для меня должно быть забронировано место, все равно какое, лишь бы...

— Фамилия?

— Иванов. Сидор Петрович.

— Та-ак... Поглядим... Вот. Иванов. Сидор Петрович. Нету.

— Как нету?! Вам должны были прислать заявку на броню.

— Откуда?

— Из местной конторы. В которую я командирован. Их начальник обещал мне, что обеспечит место в гостинице. Он вам не звонил?

— Никто мне не звонил.

— Но ведь была же с ним договоренность...

— Вот в контору и звоните. А я здесь ни при чем.

— Понятно. Значит, я сейчас позвоню в контору, все выясню, они позвонят вам, и порядок, да?

— Порядок у нас такой, что мы не бронируем мест по телефону.

— А как же?..

— Если вся проблема в том, что вам негде спать, поселяйтесь в свободный номер. Заполняйте карточку.

— Что? В какой номер?

— В одноместный.

— Вот так номер! Вашу шутку я понял. Я на юморе собаку съел. А если серьезно?

— А серьезно — рубль восемьдесят за сутки, со всеми удобствами. Будете поселяться?

— На одни сутки?

— Это уж как пожелаете.

— Ничего не понимаю. Когда все-таки меня выселят?

— Зачем выселять?

— Так ведь броню-то мою не нашли...

— Я вас без всякой брони поселю.

— На чужую? Неудобно...

— Послушайте, командированный! Вы что — того?

— Вы не волнуйтесь, я только до завтра.

— А потом?

— А потом найдется моя броня, и будет порядок.

— Что вы заладили — броня, броня! У нас вообще не принято бронировать. Полгостиницы пустует, полно свободных мест. Так что заполняйте карточку, если будете поселяться, а то у меня дел по горло. Не хотите?

И захлопнул окошко. Нервный какой-то.

А начальник местной конторы тоже хорош — за неделю-то уж мог бы позаботиться о броне?!

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА

РОГА И КОПЫТА

● **ОБЪЯВЛЕНИЕ**

Администрация хирургической больницы № 7 просит лиц, оперировавшихся в период с 15 января по 25 февраля, явиться для прохождения рентгеноскопического контроля в связи с исчезновением в этот период ряда ценных инструментов.

● **КАЛАМБУР**

«Ничто не дается нам так дешево и не ценится так дорого, как усушка и утруска», — заявил на следствии кладовщик Мешков.

ФРАЗЫ

МАРИОНЕТКА

● *Мне трудно представить, кем бы я стала, если бы меня не одергивали.*

ЗМЕЯ

● *А если я свернусь колечком, ты пригреешь меня на груди?*

ПАЛАЧ

● *Мне тяжелее тебя: я остаюсь со своей совестью.*

ЯЙЦО

● *Опять меня разбила, глупая курица! Ну как же мне ее не учить?*

КОПИЯ

● *Я докажу, что на свете нет ничего оригинального!*

КАССИРША

● *Вам не повезло: обычно я ошибаюсь на меньшую сумму.*

М. ГЕНИН

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

НАХАЛ

Лев КОРСУНСКИЙ

Вошел ко мне в кабинет Зябликов. Стоит, переминается с ноги на ногу.

— Чего, — говорю ему, — тебе надо? Я занят.

— Я извиниться пришел, — промямлил он.

— За что?

— Вчера, когда вы при всех накричали на меня, я вас очень оскорбил. Мысленно. А теперь мне стало стыдно.

— Как же ты меня оскорбил! — возмутился я.

— Совестно сказать.

— Говори.

— Я назвал вас негодяем.

— Никто не слышал!

— Тем я же мысленно.

— Да как ты посмел! — разозлился я.

— Вы тогда меня очень обидели.

— Ну ладно, — смягчился я, — прощаю тебя. Только чтобы больше этого нахальства не было.

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ «КЛУБА ДС»

КИНО!

На днях администрация «Клуба 12 стульев», злоупотребляя своим служебным положением, посетила Дом кино, где засмотрела в порядке надзора новый художественный фильм под названием «Иван Васильевич меняет профессию».

Администрации приятно отметить, что режиссером фильма является член жюри конкурса «ЛГ» на приз «Золотой теленок» Леонид Гайдай, автором сценария (вместе с Л. Гайдаем) — лауреат конкурса на приз «Золотой теленок» Владлен Бахнов, а сам фильм сделан по мотивам пьесы Михаила Булгакова, чье имя иногда украшает «Лавку букиниста» «Клуба ДС».

Представляя съемочную группу, народный артист СССР Михаил Жаров сказал, что он фильм не видел, но уверен, что все равно будет смешно. И он был прав. Администрация вместе с залом систематически смеялась, чему способствовали, кроме всего прочего, исполнители ролей: Юрий Яковлев, Леонид Куравлев, Александр Демьяненко, Наталья Селезнева, Михаил Пуговкин, Владимир Этуш, Сергей Филиппов, Савелий Крамаров и другие товарищи. Через некоторое время новый фильм будет показан и остальным миллионам кинозрителей.

Не снимаю (слева направо): Мих. Пуговкин и Иван Грозный (артист Юрий Яковлев)

ПЕРЕВОЛЫ ДЕБЕВОУРЛ

АВАРИЯ

Ямуш ОСЕНКА

Действующие лица:
Водитель 1-й
Водитель 2-й

1-й. Уважаемый! Вы были несколько неосторожны и наехали на меня. Вся задняя часть моей машины смята.

2-й. Да, здорово мы столкнулись! Однако позволю себе обратить ваше любезное внимание на факт, что, обгоняя вон тот грузовик, вы не были любезны включить указатель поворота.

1-й. Прошу простить меня, уважаемый пан, но у меня создалось впечатление, что ваши слова несколько расходятся с правдой — я включил указатель поворота.

2-й. А я позволю себе остаться при своем прежнем мнении.

1-й. Прошу прощения, но я позволю себе продолжить нашу дискуссию о том, насколько правильны были ваши действия с точки зрения правил уличного движения. Я ни в коем случае не позволил бы себе этого, если бы не был убежден, что вы, уважаемый пан, не совсем своевременно хотели обогнать меня третьим в тот момент, когда я обгонял грузовик.

2-й. Тысяча извинений. Но мне придется внести в нашу беседу элемент полемики. Я начал обгонять вас раньше, чем у вас возникло любезное желание обогнать грузовик, потому что если бы у вас появилось такое намерение, то вы, без сомнения, сделали бы одолжение и включили указатель поворота.

1-й. Прошу прощения, но я вынужден заметить, что указатель поворота был включен.

2-й. Не хочу быть настойчивым, но позволю себе еще раз заметить, уважаемый коллега, что указатель поворота не был включен!

1-й. Уважаемый коллега, прошу меня простить, но мне кажется, что у вас что-то не в порядке со зрением!

2-й. Вы, кажется, хотите сказать, уважаемый пан, что я калека, который не в состоянии отличать друг от друга окружающие предметы?

1-й. Я не осмелился бы назвать это именно так, но в данном случае я не исключаю, что ваше внимание было несколько рассеяно и по этой причине вы, пытаясь меня обогнать третьим, изволили разбить мою машину.

2-й. Надеюсь, вы меня великодушно простите, но при всем моем уважении к вам я должен сказать, что включение указателя поворота весьма положительно повлияло бы...

1-й. Прошу любезно прибять к сведению, что я включил указатель!

2-й. Вы не изволили его включить!

1-й. Включил! Будьте любезны это признать!

2-й. Нет, забыли! Куда вы меня толкаете?!

1-й. Включил!

2-й. Нет!

1-й. Очень прошу вас, будьте любезны, не толкайте меня!

2-й. Очень прошу — на тротуар!

1-й. Почему на тротуар?

2-й. Потому что сейчас проводится декада культуры движения, и на проезжей части улицы я не могу разговаривать, а на тротуаре я тебе скажу, что я о тебе думаю, слепая ты курица! Костыли тебе надо, а не машину водить!

1-й. Ах ты нахал! Думаешь, на тротуаре можно так разговаривать! Невежа! Глухая тетеря! Ты что не слышал, что вчера по радио объявили декаду культуры пешехода?!

Перевод с польского Д. ГАЛЬПЕРИНОЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП. Москва Ц. Цветной бульвар 30 Телефон для справок: 295 00 00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, Р. САМАРИН, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.

А-07635 Типография «Литературной газеты» Москва К-61, Цветной бульвар, 30 Зак. 896 ИНДЕКС 60057